

ISLAM BY KAREN ARMSTRONG

ПРЕДИСЛОВИЕ

Внешняя история религиозной традиции очень часто кажется идёт в разрез с разумным основанием веры. Духовный поиск является внутренним путешествием; это скорее физическая, чем политическая драма. Она насыщена литургией, доктриной, созерцательной дисциплиной и исследованием сердца, а не со столкновением текущих событий. Религии, конечно, говорят о жизни за пределами души. Их руководители должны бороться с таким положением и делами мира, и часто занятие этим приносит удовольствие. Они сражаются с членами других вероисповеданий, которые кажется, кидают вызов их провозглашению монополии обладания абсолютной истиной; они часто преследуют исповедующих ту же религию за трактовку традиции по-другому или следованию к неордоксальной вере. Очень часто священники, раввины, имамы и шаманы озабочены только мирскими амбициями, так же как и обычные политики. Но все это, как правило, рассматривается как злоупотребление святым идеалом. Эти сражения за власть не являются тем о чём религия действительно говорит, но является недостойным отвлечением от духовной жизни, которая проводится далеко от мирской суеты, невидимой, безмолвной и ненавязчивой. Действительно, во многих конфессиях, монахи и мистики отрекаются от мира, так как протест и история борьбы рассматриваются как несовместимые с настоящей религиозной жизнью.

В Индуистской традиции, история отвергается как мимолетное, неважное и несущественное. Философы Древней Греции были озабочены вечными законами, лежащими в основании внешних событий, которые могут представлять реальный интерес для серьезного мыслителя. В Евангелиях, Иисус часто отходит от своего пути, чтобы объяснить своим последователям, что Его Царство не от мира сего, но может быть найдено только внутри верующего. Царство не придёт с большой политической помпой, но будет развиваться так же тихо и незаметно, как всходит горчичное семя. На современном Западе, мы отделили религию от политики; эта секуляризация была первоначально усмотрена философами Просвещения в качестве средства освобождения религии от испорченности государственными делами, и позволило ей стать истинной в самой себе.

Однако, несмотря на их духовное стремления, религиозные люди должны искать Бога или духовного в этом мире. Они часто чувствуют, что обязаны принести свои идеалы в общество. Даже если они изолируют себя, они являются неизбежно мужчинами и женщинами своего времени и зависят от того, что происходит за стенами монастыря, хотя они не в полной мере осознают это. Войны, эпидемии, голод, экономический спад и внутренняя политика их народа будут вторгаться в их уединенное существование, и влиять на их религиозные взгляды. Действительно, трагедии истории часто провоцируют людей отправиться на духовные поиски, чтобы найти какой-то высший смысл в том, что часто кажется, последовательностью случайных, произвольных и удручающих событий. Поэтому существует симбиоз между историей и религией. Как заметил Будда, наше восприятие существования является искажённым, что заставляет нас искать альтернативу, которая предотвратит нас от падения в отчаяние.

Возможно, что главным парадоксом религиозной жизни является стремление к трансцендентности, области существования, которая выходит за рамки нашей мирской

жизни, но люди могут испытать эту трансцендентную реальность только в земном, физическом феномене. Люди почувствовали божественное в горах, камнях, храмовых зданиях, законах, письменных текстах или в других мужчинах и женщинах. Мы никогда не испытываем трансцендентность сразу: наш восторг всегда "заземлен", закреплён в чем-то или ком-то здесь, на земле. Религиозные люди обучены рассматривать бесперспективную поверхность, чтобы найти священное внутри него. Они должны использовать свои творческие фантазии. Жан-Поль Сартре определяется воображение как способность мыслить о том, чего нет. Люди - религиозные создания, потому что они обладают богатым воображением; они построены так, что они вынуждены искать скрытый смысл и достигать восторга, что заставляет их чувствовать себя полностью живыми. Каждая традиция призывает верующих сосредоточить свое внимание на земном символе, который является особенным, и научить способности увидеть в традициях божественное.

В Исламе, Мусульмане искали Бога в истории. Их священное писание, Коран, дал им историческую миссию. Их главной обязанностью было создание справедливого общества, в котором ко всем членам, даже самым слабым и уязвимым, относились с полного уважения. Опыт построения такого общества и жизни в нём дало бы им подобие божественного, потому что они жили бы в соответствии с Божьей волей. Мусульманин должен был искупить историю и это означало, что государственные дела не были отвлечением от духовности, но материей самой религии. Политическое благосостояние мусульманской общины был вопросом первостепенной важности. Как и любой религиозный идеал, его было почти невозможно реализовать в несовершенных и трагических условиях истории, но после каждой неудачи Мусульманам приходилось вставать и начинать снова.

Мусульмане развили свои собственные обряды, мистицизм, философию, доктрины, священные тексты, законы и святыни, как и у всех остальных. Но все эти религиозные старания зародились непосредственно от частого рассмотрения Мусульманами текущих политических дел Исламского общества. Если государственные учреждения не взвешены Кораном идеально, если их политические лидеры жестоки или эксплуататорские, или если их община была унижена нерелигиозными врагами, Мусульманин мог почувствовать, что его или ее вера в наивысшую цель жизни и смысла находится в опасности. Каждое усилие должно быть использовано, чтобы поставить Исламскую историю в нужное русло, или вся религиозность потерпит неудачу, и жизнь будет лишена всякого смысла. Политика была тем, что Христиане называли бы таинством: она была ареной, на которой Мусульмане чувствовали Бога и которая позволила божественному эффективно функционировать в мире. Следовательно, исторические трудности и невзгоды Мусульманской общины - политические убийства, гражданские войны, вторжения, взлет и падение правящих династий - не были оторваны от внутри-религиозного поиска, но были сущностью Исламского видения. Мусульманин размышлял бы о текущих событиях своего времени и о прошлой истории, так же как Христианин рассматривал бы икону, используя творческое воображение, чтобы обнаружить скрытое божественное ядро. Поэтому отчет о внешней истории Мусульманских народов не может быть просто второстепенным интересом, так как одним из главных характеристик Ислама является его сакрализация истории.

ХРОНОЛОГИЯ

610 Пророк Мухаммад получает первые откровения Корана в Мекке и, спустя два года, начинает проповедовать.

616 Отношения между созданием Мекки и обращении Мухаммеда ухудшаются; наблюдается преследование и положение Мухаммеда становится все труднее в Мекке.

620 Арабы из поселения Ясриб (Yathrib), позже названный Мединой, связываются с Мухаммедом и приглашают его возглавить их общину.

622 Пророк вместе с некоторыми мусульманскими семьями совершают Хиджра, или мигрируют, из Мекки в Медину, и устанавливают Мекканскую клятву отомстить. Хиджра знаменует собой начало мусульманской эры.

624 Мусульмане наносят драматическое поражение Мекке в битве при Бадре.

625 Мусульмане терпят жестокое поражение от рук Мекканской армии в битве при Ухуде, вне Медины.

Еврейские племена Канунах и Надир были изгнаны из Медины за сотрудничество с Меккой.

627 Мусульмане умело побеждают Мекканскую армию в битве у рва. Это сопровождается избиением людей еврейского племени Курайза, которые поддержали Мекку против мусульман.

628 Отважные результаты Мухаммеда инициируют мирный Худайбийский Договор между Меккой и Мединой. Теперь он рассматривается как наиболее влиятельный человек в Аравии и привлекает много арабских племен в его конфедерацию.

630 Мекканцы нарушают Худайбийский Договор. Мухаммед идёт на Мекку с большим войском Мусульман и их племенными союзниками. Мекка признает свое поражение и добровольно открывает ворота Мухаммеду, который берет город без кровопролития и без принуждения кого-либо принять Ислам.

632 Смерть пророка Мухаммеда. Абу Бакр избран его Халифа (представитель).

632-34 Халифат Абу Бакра и войны Ридда против племен, которые выходят из состава конфедерации. Абу Бакр подавляет восстание и объединяет все племена Аравии.

634-44 Халифат Омара ибн аль-Хаттаба. Мусульманские армии вторгаются в Ирак, Сирию и Египет.

638 Мусульмане захватывают Иерусалим, который становится третьим священным городом в Исламском мире после Мекки и Медины.

641 Мусульмане контролируют Сирию, Палестину и Египет; они побеждают Персидскую Империю, и когда рабочая сила имеется, занимают их территорию. Для размещения Мусульманских войск, которые живут отдельно от покоренного населения, создаётся гарнизон в городах Куфы, Басры и Фустат.

644 Халиф Умар убит персидским военнопленным. Усман ибн Аффан избран третьим халифом.

644-50 Мусульмане захватывают Кипр, Триполи в Северной Африке и устанавливают Мусульманское правление в Иране, Афганистане и Синде.

656 Халиф Усман убит мятежным Мусульманским солдатом, который громко приветствует Али ибн Аби Талиба в качестве нового халифа, но не все принимают правление Али.

656-60 Первая фитна. Гражданская война.

656 Битва Верблюда. Аиша, жена Пророка, Талха и Зубайр ведут восстание против Али, чтобы не мстить за убийство Османа. Они поражены сторонниками Али. В Сирии, оппозиция во главе с родственниками Османа Муавияха ибн Аби Суфьян.

657 Попытка сделать выбор между двумя сторонами в Сиффине; суд идет против Али, Муавиях свержает его и провозглашён халифом в Иерусалиме. Кхараджиты (Kharajites) отделяются от лагеря Али.

661 Али убит экстремистом Кхараджит. Сторонники Али приветствуют своего сына Хасана в качестве следующего халифа, но Хасан приходит к соглашению с Муавияхом и уходит в Медину.

661-80 Халифат Муавиях I. Он основывает династию Омейядов, и перемещает свою столицу из Медины в Дамаск.

669 Смерть Хасана ибн Али в Медине.

680 Язид I становится вторым халифом Омейяда после смерти его отца, Муавиях.

680-92 Вторая фитна. Другая гражданская война.

680 Мусульмане Куфе, который называет себя Шиит-ай-Али (сторонники Али), приветствуют Хусейн, второго сына Али ибн Аби Талиба, как халифа. Хусейн выдвигается с Медины в Куфе с малой армией и погибает на равнине Кербела, убитый войсками Язида. Абдаллах ибн аль-Зубайр подымает восстание против Язида в Аравии.

683 Смерть Язида I. Смерть его новорожденного сына, Муавияха II. Вступление Марван I, Омейядов предьявляет права на халифат, которого поддерживают Сирийцы.

684 Кхараджит восстает против Омейяда, создаёт независимое государство в Центральной Аравии. Кхариджит (Kharajite) подымает восстание в Ираке и Иране. Шииты подымает восстание в Куфе.

685-705 Халифат Абд аль-Малика, который восстанавливает правление Омейяда.

691 Омейядовы силы побеждают мятежников Кхариджи и шиитов. Купол Скалы завершен в Иерусалиме.

692 Омейядовы силы поражены и Ибн аль-Зубайра убит. В результате войн Фитны, религиозное движение развивается в Басре, Медине и Куфе; Различные школы переходят к более строгому применению Корана в общественной и частной жизни.

705-17 Халифат аль-Валид. Мусульманские армии продолжают захватывать Северную Африку и устанавливают царство в Испании.

717-20 Халифат Омара II. Первый халиф, поощряющий обращение в Ислам. Он пытается применить некоторое из идеалов религиозного движения.

720-24 Халифат Язид II, распутный правитель. Существует широко распространенное недовольство Шиитов и Кхариджи правлением Омейяда.

724-43 Халифат Хишам I, набожный, но более властный правитель, который восстанавливает против себя более благочестивых мусульман.

728 Смерть Хасана аль-Басри, хадис ученый, религиозный реформатор и аскет.

732 Битва Пуатье. Карл Мартелл побеждает небольшой отряд Испанских мусульман Абу Ханифа основоположник изучения фикха (fiqh). Мухаммед ибн Исхак пишет первую крупную биографию Пророка Мухаммада.

743-44 Группа Аббасидов собирает поддержку против Омейяда в Иране, сражаясь под знаменем Шиитов.

743 Халифат Валид II.

744-49 Марван II захватывает халифат и пытается восстановить верховную власть Омейяда против мятежников. Его Сирийские силы подавляют некоторые из Шиитских восстаний, но:

749 Аббасиды завоевывают Куфе и свергают Омейяда.

750-54 Халиф Абу аль-Аббас аль-Саффах, первый халифа Аббасидов, жестоко убивает всех членов семьи Омейяда. Знак абсолютной монархии, который является новым для Ислама.

750-54 Халиф Абу аль-Аббас аль-Саффах, первый халифа Аббасидов, погромы всех членов семьи Омейядов. Знак абсолютной монархии, которая является новой для Ислама.

755-75 Халифат Абу Джафар аль-Мансура. Он убивает известного Шиита.

756 Испания откалывается от халифата Аббасидов, создания независимого царства под руководством одного из беженцев Омейядов.

762 Фонд Багдада, который становится новой столицей Аббасидов.

765 Смерть Джафара ас-Садика, Шестого Имама Шиитов, который призывает своих шиитских учеников воздержаться от принципов политики.

769 Смерть Абу Ханифы, основателя первой из больших школ Исламского права.

775-85 Халифат аль-Махди. Он стимулирует развитие фикха, признает благочестие религиозного движения, которое постепенно учится сосуществовать с абсолютизмом династии Аббасидов.

786-809 Халифат Харуна аль-Рашида. Кульминация Аббасидов власти. Большое культурное возрождение в Багдаде и других городах империи. Кроме того, покровительственно науки, науки и искусства, халиф также поощряет изучение фикха и составляют антологию хадисов, что позволят формирование согласованного тела Исламского права (Шариата).

795 Смерть Малика ибн Анаса, основателя аль-Малики школы юриспруденции.

801 Смерть Рабис (Rabies), первой известной женщины-мистика.

809-13 Гражданская война между аль-Мамуна и аль-Амина, двух сыновей Харуна ар-Рашида. Аль-Мамун побеждает своего брата.

813-33 Халифат аль-Мамуна.

814-15- Восстание Шиитов в Басре. восстание Хариджитов в Хорасане. Умный, меценат художеств и академических знаний, халиф склоняется к рационалистической теологии Мутализа, который до тех пор был в опале. Халиф пытается снизить напряженность добиваясь расположения некоторых из соперничающих религиозных групп.

817 Аль-Мамун назначил аль-Рида, Восьмой Шиитский Имам, в качестве своего преемника.

818 Аль-Рида умирает, возможно убит. При поддержке государства, инквизиция (Mihnah) пытается принудительно навязать точку зрения Mutazilah относительно тех, кто наиболее популярны Ахль аль-хадис, которых сажают в тюрьму за их доктрины.

833 Смерть Ахмада ибн Ханбаля, героя Ахль аль-хадис, и основателя Ханбалитской школы юриспруденции.

833-42 Халифат аль-Мутасим. Халиф создает свой собственный корпус турецких солдат из рабов и передвигает свою столицу в Самарру.

842-47 Халифат аль-Ватник.

847-61 Халифат аль-Мутавакилем.

848 Али аль-Хади, десятый Шиитский Имам , заключен в тюрьму в крепость Аскари в Самарре.

861-62 Халифат Мухаммад аль-Мунтасир.

862-66 Халифат аль- Мустаин.

866-69 халифат аль-Мутазз.

868 Смерть десятого Шиитского Имама. Его сын Хасан аль-Аскари продолжает жить как заключенный в Самарре.

869-70 Халифат аль-Мухтади.

870 Смерть Якуба ибн Исхак аль-Кинди, первый из мусульманских Faylasufs.

870-72 Халифат аль-Мутамид.

874 Хасан аль-Аскари, Одиннадцатый Шиитский Имам умер в тюрьме в Самарре. Про его сына Абу аль-Касим Мухаммад сказано, что он ушёл в подполье, чтобы спасти свою жизнь. Он известен как Скрытый Имам. Смерть Абу Язид аль-Бистами, один из ранних из “пьяных суфиев” мистиков.

892-902 Халифат аль-Мутаид.

902-8 Халифат Али аль-Муктафи.

908-32 Халифат Джафар аль-Муктадир Биллах.

909 Шиитские Фатимиды захватывают власть в Ифригиях (Ifriqiyyah), Тунис.

910 Смерть Джунайда Багдада, первый из "трезвых суфиев."

922 Наказание за богохульство "Пьяного суфи" Хусейн аль-Мансур, известный как аль-Халладж, чесальщик шерсти.

923 Смерть в Багдаде историка Абу Джафар аль-Табари.

932-34 Халифат Мухаммад аль-Кахир Биллах.

934-40 Халифат аль-Ради.

934 Провозглашено "исчезновение" Скрытого Имама в трансцендентной сфере.

935 Смерть философа Хасан аль-Ашари.

Начиная с этого момента, халифы больше не обладают светской властью, но сохраняют только символическую власть. Настоящая власть в настоящее время находится в руках у местных правителей, которые устанавливают династии в различных частях империи. Большинство из них признают верховную власть халифов Аббасидов. Многие из этих местных правителей десятого века склонны к Шиизму.

Саманиды

874-999 Суннитская Иранская Династия, правление Саманидов в Хорасане, Рейе, Кермане и Трансоксании со столицей в Бухаре. Самарканд также является важным культурным центром Персидского литературного возрождения. В 990-х Саманидов начинают терять власть на востоке от Окса к Турским Караканидам, и на Западе;

Испанское королевство Аль-Андалус

912-61 Правления Халифа Абд аль-Рахман III, абсолютного правителя.

969-1027 Кордова - центр обучения.

1010 Центральное управление слабеет и мелкие эмираты устанавливают местные правила.

1064 Смерть Ибн Хазм, поэта, визиря и богослова.

1085 Толедо проигрывает христианской армии Реконкисты.

Хамданиты (Hamdanids)

929-1003 Арабские племена, Хамнадины правят в Алеппо и Мосул. Суд покровительствует ученым, историкам, поэтам и Фауласуфу (Faylasuf).

983 Смерть Абу Наср аль-Фараби, Фауласуфа и придворного музыканта Алеппо.

Буиды

930-1030 Двенадцатый Шииз и обитатели гор из Дайлама в Иране, Буиды начинают захватывать власть в западном Иране в течение 930-е годы.

945 Буиды захватывают власть в Багдаде, на юге Ирака и Омане. Багдад начинает терять свое влияние в Ширазе, который становится образовательным центром.

983 Блок Буидов начинает распадаться. Они в конечном итоге уступают Махмуду Газни

(Ghaznah) в Рейе (1030) и Газневидов на плато Западного Ирана.

Иксихиды (Ikshids)

935-69 Основанная Турк Мухаммадом ибн Туг, Искиды правят Египтом, Сирией и Хиджаз.

Шииты Фатимидов

969-1171 (Первоначально установленное в Тунисе в 909) Фатимиды правят Северной Африкой, Египтом и частью Сирии, создания своего халифата.

983 Фатимиды перемещают свою столицу в Каир, который становится центром обучения Шиитов, и там строят медресе Аль-Азхар.

976-1118 Газневиды

999-1030 Махмуд Газневи устанавливает постоянную мусульманский власть в северной Индии, и захватывает власть у Саманидов в Иране.

1037 Смерть великого Фалсава Ибн Сина в Хамадане (Авиценна на Западе).

990-1118 Сельджукская Империя

990 Турки Сельджуки из Средней Азии обращаются в Ислам. В начале одиннадцатого века входят Трансоксанию с их конницей войск кочевников.

1030s Сельджуки в Хорасане.

1040 Они отбирают западный Иран у Газневидов и входят в Азербайджан.

1055 Султан-бек Тогрул правит Сельджукской Империей из Багдада, будучи помощником Аббасидских халифов.

1063-73 Правило Султана Арслан Агр.

1065-67 Медресе Низами построена в Багдаде.

1073-92 Малик шах правит империей. Турецкие входят в Сирию и Анатолию.

1071 Войска Сельджуки побеждают Византийцев в битве при Манцикерте, утверждают в Анатолии, достигнув Эгейского моря (1080).
Война Сельджуков с Фатимидами и местными правителями в Сирии.

1094 Византийский император Алексей Комнин I просит помощи у Западного Христианского мира против проникновения Сельджуков на его территории.

1095 Папа Урбан II проповедует Первый крестовый поход.

1099 Крестоносцы завоёвывают Иерусалим.

Крестоносцы устанавливают четыре государства Крестоносцев в Палестине, Анатолии и Сирии.

1090 Исмаилиты начинают восстание против Сельджуков и Суннитской гегемонии. Местные Турецкие династии появляются в различных частях империи.

1111 Смерть в Багдаде богослова и правоведа Аль-Газали.

1118 Территории Сельджуков распадаются на самостоятельные княжества.

1118-1258 Маленькие династии функционируют независимо друг от друга, признавая правление халифата Аббасидов, но на практике, перклоняются только перед высшей властью соседней династии.

1127-73 Династия Зангидид (Zangidid), основанная командиром Сельджуков, начинает объединять Сирию для ответного удара по крестоносцам. Известными примерами являются:

1130-1269 Альмохады, династии Суннитов, пытаются реформировать Северную Африку и Испанию в соответствии с принципами Аль-Газали.

1150-1220 Хорезмшахи с северо-запада Трансоксании разбивают оставшиеся небольшие династии Сельджуков в Иране.

1171-1250 Династия Айюбид, основанная Курдским генералом Саладином, продолжает кампанию против крестоносцев, побеждает Фатимидов халифат в Египте, и обращает его в Суннитском Ислам.

1180-1225 Аль-Насир, халиф Аббасидов в Багдаде, пытается использовать Исламские союзы для основы более эффективного правления.

1187 Саладин побеждает крестоносцев в битве при Хаттине и восстанавливает Ислам в Иерусалиме.

1191 Суфийский мистик и философ Яхья Сухраварди умирает, возможно, казнен в Алеппо.

1193 Иранская династия берет Дели и устанавливает правление в Индии.

1198 Смерть в Кордове Ибна Рушд (известный на Западе как Аверроэс).

1199-1220 Аля-д-дин-Мухаммад, Хорезмшах, устанавливает создание великой Иранской монархии.

1205-87 Династия рабов Турции побеждает Гуннов в Индии и устанавливает Султанат Дели, правит во всей долине Ганга. Но вскоре этим небольшим династиям придется столкнуться с Монгольской угрозой.

1220-31 Первые великие Монгольские рейды, с огромным разрушением городов.

1224-1391 Золотая Орда Монголов правит землями к северу от Каспийского и Черного морей и обращают в Ислам.

1225 Альмохады оставляют Испанию, где Мусульманское влияние в конечном счете сводится к маленькому Королевству - Гранада.

1227 Смерть Монгольского вождя, Чингисхана.

1227-1358 Монгольские ханы Чингизхана правят в Трансоксании и обращают в Ислам.

1228-1551 Хафсиды заменяют Альмохадов в Тунисе.

1240 Смерть Суфийского философа Муин ад-Дин Ибн аль-Араби.

1250 Мамлюки, корпус рабов, свергают Айюбидов и устанавливают правящую династию в Египте и Сирии.

1256-1335 Монгольские Ханы правят в Ираке и Иране, и обращают в Ислам.

1258 Они разрушают Багдад.

1260 Мамлюкский султан Бейбарс побеждает Монгольских Ханов в битве при Айн Джалуте, и разрушает многие из оставшихся укреплений на побережье Сирии.

1273 Смерть Джалал ад-Дина Руми, основателя Дервишей, в Анатолии.

1288 Усман, Гази на Византийской границе, основывает Османскую династию в Анатолии.

1326-59 Орхан, сын Османа, устанавливает независимое Османское государство со столицей в Бурса, и оказывает влияние на упадок Византийской Империи.

1328 Смерть реформатора Ахмад ибн Теймийа в Дамаске.

1334-53 Юсуф, король Гранады, строит Альгамбру, которую завершил его сын.

1369-1405 Тимур Ленк (Тамерлан) возрождает Монгольскую власть в Самарканде, побеждает большую часть Ближнего Востока и Анатолии, и осаждают Дели. Но его Империя распадается после его смерти.

1389 Османцы подчинить Балканы, победив Сербов на Косовом поле. Они распространяют свою власть до Анатолии, но свергнуты Тимуром Ленк в 1402.

1403-21 После смерти Тимура, Мехмед I возрождает Османское государство.

1406 Смерть Файласуфа и историка Ибн Халдун.

1421-51 Мурад I демонстрирует силу Османской Империи против Венгрии и на Западе.

1453 Мемед II "Победитель" побеждает Константинополь, с этого времени известный как Стамбул, и делает его столицей Османской империи.

1492 Мусульманское Королевство Гранада завоевана Католическими монархами Фердинандом и Изабеллой.

1502-24 Исмаил, глава Суфийского ордена Сефевидов, побеждает Иран, где он устанавливает Империю Сефевидов. Шиизм теперь является официальной религией Ирана и Исмаил жестоко пытается подавить Ислам Суннитского толка в его владениях, способствуя преследованию Шиитов в Османской Империи.

1510 Исмаил вытесняет Суннитских Узбеков из Хорасана и устанавливает правление Шиитов там.

1513 Португальские торговцы доходят до Южного Китая.

1514 Султан Селим I побеждает армию Сефевидов Шаха Исмаила в Чалдыранской Битве, задерживая продвижение Сефевидов вперед на запад на Османскую территорию.

1517 Османская Империя отвоёвывает Египет и Сирию у Мамлюков.

1520-66 Сулейман, известный на Западе как Великолепный, расширяет Османскую Империю и развивает различные учреждения.

1522 Османцы захватывают Родос.

1524-76 Тахмасп I, второй шах Сефевидов Ирана, укрепляет господство Шиитов. Его двор становится центром искусства, особенно известен своей живописью.

1526 Бабур устанавливает Империю Великих Моголов в Индии.

1529 Османцы покоряют Вену.

1542 Португалия основывают первую Европейскую коммерческую империю.

1543 Османцы покоряют Венгрию.

1552-56 Русские побеждают старые Монгольские ханства Казани и Астрахани на Волге.

1560-1605 Акбар - император Великих Моголов в Индии, достигает зенита своего могущества. Акбар способствует Индо-Мусульманскому сотрудничеству, и захватывает территорию в южной Индии. Он руководит культурным возрождением. Османцы и Португальцы ведут войну в Индийском океане.

1570 Османцы берут Кипр.

1578 Смерть Османского придворного архитектора Синан Паши.

1580 Португалия ослаблена в Индии.

1588-1629 Шах Аббас I правит Империей Сефевидов в Иране, строительство великолепного двора в Исфахане. Выдворяет Османов из Азербайджана и Ирака.

1590 Голландцы начинают торговать с Индией.

1601 Голландцы начинают захватывать Португальские владения.

1602 Смерть историка Суфийского Абу-л Фазл Аллами.

1625 Смерть реформатора Ахмад Сирхинди.

1627-58 Шах Джихан правит Империей Великих Моголов, которая достигает высот своей изысканностью. Строит Тадж-Махал.

1631 Смерть Шиитского философа Мир Дамада в Исфахане.

1640 Смерть Иранского философа и мистика Мулла Садра.

1656 Османские визири останавливают упадок Османской империи.

1658-1707 Аурангзеб, последний из основных Могольских императоров, пытается исламизировать всю Индию, но способствует сильную враждебность Индусов и Сикхов.

1669 Османцы берут Крит у Венеции.

1681 Османцы уступают Киев России.

1683 Османцы терпят неудачу во время их второй осады Вены, но они забирают Ирак у Сефевидов.

1699 Договор Карловиц передаёт Османскую Венгрию Австрии, первая крупная Османская неудача.

1700 Смерть Мухаммада Бакир Маджлиси, влиятельного Шиита, Алима Ирана.

1707-12 Империя Моголов теряет свои южные и восточные провинции.

1715 Появление Австрийских и Прусских царств.

1718-30 Султан Ахмад III пытается провести первую реформу вестернизации в Османской империи, но реформы заканчиваются восстанием янычар.

1722 Афганские повстанцы атакуют Исфахан и жестоко убивают дворянство.

1726 Надир-шах временно восстанавливает военную мощь Иранской Империи Шиитов.

1739 Надир-шах окружает Дели и кладет конец правлению Моголов в Индии. Индусы, Сикхи и Афганцы борются за власть. Надиршах пытается вернуть Суннитский ислам в Иран. В результате, ведущие Иранские муджтахиды уходят из Ирана и укрываются в Османском Ираке, где они создают мощную базу независимо от шахов.

1748 Надиршах убит. Приходит период безвластия, во время которого Иранцы, которые придерживаются Усулитской позиции получают преобладание, тем самым обеспечивая людей источником законности и порядка.

1762 Смерть Шах Вали-Улла реформатора Суфия, в Индии.

1763 Британцы расширяют свой контроль над расчленёнными Индийскими государствами.

1774 Османцы наголову разбиты русскими. Они теряют Крым и царь становится "защитником" Православных Христиан в Османской империи.

1779 Ага Мухаммад-хан начинает основывать династию Каджаров в Иране, которая к концу века способна восстановить сильную власть.

1789 Французская революция.

1789-1807 Селим III закладывает основу для новых Западных реформ в Османской Империи, и устанавливает первые официальные Османские посольства в Европейских столицах.

1792 Смерть воинствующего Аравийского реформатора Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба.

1793 Первые протестантские миссионеры прибывают в Индию.

1797-1818 Фатх Али Шах руководит Ираном. Появление Британского и Российского влияния там.

1798-1801 Наполеон занимает Египет.

1803-13 Ваххабиты занимают Аравийский Хиджаз, забирая его из под Османского контроля.

1805-48 Мухаммед Али пытается модернизировать Египет.

1808-39 Султан Махмуд II вводит реформы модернизации "Танзимата" в Османской империи.

1814 Гулистанский договор: территория Кавказа отошла к России.

1815 Сербский бунт против Османского контроля.

1821 Греческая война за независимость против Османской империи.

1830 Франция занимает Алжир.

1831 Мухаммед Али занимает Османскую Сирию и проникает глубоко в Анатолию, создавая практически независимую империю в Османской империи. Европейские державы вмешиваются, чтобы спасти Османскую Империю и заставить Мухаммад Али уйти из Сирии (1841).

1836 Смерть реформатора Нео-Суфи Ахмад ибн Идрис.

1839 Британцы занимают Аден.

1839-61 Султан Абдулхэмид инициирует более современные реформы, чтобы остановить упадок Османской Империи.

1843-49 Британцы занимают Инд бассейн.

1854-56 Крымская война, которая возникает из Европейского соперничества по защите Христианских меньшинств в Османской империи. Саид-Паша, правитель Египта, отдаёт Суэцкий канал Французам. Египет заключает свои первые иностранные кредиты.

1857-58 Индийский мятеж против Британского правления. Британский формально низлагают последнего императора Моголов. Сэр Сайид Ахмад Хан оспаривает реформу Ислама на западных землях и принятие Британской культуры.

1860-61 После жестокого убийства Христиан Друзами в Ливане, Франции потребовала, чтобы он стал автономной провинцией с Французским губернатором.

1861-76 Султан Абдулазиз продолжает реформу в Османской Империи, но контракты огромные иностранные займы, которые приводят к банкротству империи и контроля Османской финансов европейскими правительствами.

1863-79 Исмаил-паша, правитель Египта, совершает обширную модернизацию, но заключает договоры на получение иностранных кредитов, что приводит к банкротству, продажа Суэцкого канала Англичанам (1875) и установление Европейского контроля Османских финансов.

1871-79 Аль-Афгани, Ирана реформатор, проживает в Египте и основывает круг Египетских реформаторов, включая Мухаммеда Абду. Их целью является желание остановить культурную гегемонию Европы активизируя и модернизируя Ислам.

1872 Укрепление Британско-Российского соперничества в Иране.

1876 Османская султан Абдулазиз свергнут в результате дворцового переворота. Абдулхэмид II убежден обнародовать первую Османскую конституцию, которую, однако, султан позже приостанавливает. Основные Османские реформы в сфере образования, транспорта и связи.

1879 Исмаил-паша смещен.

1881 Франция занимает Тунис.

1881-82 Мятеж Египетских офицеров объединяет усилия с Конституционалистами и реформаторами, которым удается навязать свою власть на Хедива Тевфи́га. Но народное восстание приводит к Британской военной оккупации Египта с лордом Кромер в качестве губернатора (1882-1907) Компания тайных обществ за Сирийскую независимости.

1889 Великобритания занимает Судан.

1892 Тобачный кризис в Иране. Фетва под влиянием муджтахидов заставляет шаха расторгнуть концессию табака, которую он дал Британцам.

1894 От 10000 до 20000 Армянских революционеров, ведущих борьбу против Османской империи, жестоко убиты.

1896 Насируддин Шах Ирана убит одним из учеников аль-Афгани .

1897 Первая Сионистская Конференция проводится в Базеле. Её конечной целью является создание еврейского государства в Османской провинции Палестины. Смерть аль-Афгани.

1901 Нефть обнаружена в Иране и концессия отдана Британцам.

1903-11 Опасения, что британцы намерены разделить Индусов и Мусульман в Индии, после Британского раздела Бенгалии, приводит к общественной озабоченности и формированию Мусульманской лиги (1906).

1905 Смерть Египетского реформатора Мухаммеда Абду.

1906 Конституционная революция в Иране заставляет шаха провозгласить конституцию и создать Меджлис, но Англо-Русский договор (1907) и Россия при поддержке выступает против переворота шаха, отменяет конституцию.

1908 Молодые Турецкие революционные силы заставляют султана восстановить конституцию.

1914-18 Первая мировая война. Англия объявляет протекторат Египта; Иран захвачен Британскими и Российскими войсками.

1916-21 Арабское восстание против Османской Империи в союзе с Англичанами.

1917 Декларация Бальфура формально предоставляет Британский поддержку для создания Еврейского государства в Палестине.

1919-21 Война за независимость Турции. Ататюрк способен держать Европейские державы в страхе и создать независимое Турецкое государство. Он использует радикальную политику секуляризации и модернизации (1924-28).

1920 Издание соглашения Сайкса-Пико: в результате Османского поражения в Первой мировой войне, ее провинции делятся между Англичанами и Французами, которые устанавливают полномочия и протектораты, хотя Арабам было обещана независимость после войны.

1920-22 Ганди мобилизует Индийские массы в двух движениях гражданского неповиновения против Британского правления.

1921 Реза-хан проводит успешный переворот в Иране и основывает династию Пехлеви. Он вводит жестокую политику модернизации и секуляризации в Иране.

1922 Египет предоставляет формальную независимость, но Великобритания сохраняет контроль по защите внешней политики и в Судане. Между 1923 и 1930, популярная партия Вафда одерживает три больших электоральных побед, но каждый раз, партия вынуждена Британцами или Королём отойти в отставку.

1932 Основано Королевство Саудовской Аравии.

1935 Смерть Мусульманского реформатора и журналиста Рашид Рида, основателя движения Салафитов в Египте.

1938 Смерть Индийского поэта и философа Мухаммада Икбала.

1939-45 Вторая мировая война. Британцы свергают шаха Реза, которого сменил его сын Мухаммад Реза, (1944).

1940-е годы Организация Братья-мусульмане становится самой мощной политической силой в Египте.

1945 Турция присоединяется к Организации Объединенных Наций и становится многопартийной (1947). Формирование Лиги Арабских государств.

1946 Общественные беспорядки в Индии, после кампании Мусульманской лиги по созданию отдельного государства.

1947 Создание Пакистана из районов с Мусульманским большинством. Раздел Индии приводит к жестоким убийствам Мусульман и Индусов.

1948 Конец Британского Мандата в Палестине и создание Еврейского государства Израиль, в результате декларации Организации Объединенных Наций. Израильские силы нанесли сокрушительное поражение пяти Арабским армиям, которые вторгаются в новое Еврейское государство. Некоторые палестинцы, 750.000, покидают страну во время военных действий и им не разрешено вернуться в свои дома после войны.

1951-53 Мухаммад Муса и партия Национального фронта национализируют Иранскую нефть. После демонстраций против сторонников Англии, шах Ирана бежит, но возвращается к власти в результате государственного переворота, организованного ЦРУ и Британской разведкой, и новые соглашения подписаны с Европейскими нефтяными компаниями.

1952 В Египте революция Свободных офицеров во главе с Джамал Абд аль-Насером свергает короля Фарука. Аль-Насер подавляет Братьев-мусульман и заключает в тюрьму тысячи Братьев в концентрационных лагерях.

1954 Светский Фронт Национального Освобождения (ФНО) проводит революцию против Французского колониального господства в Алжире.

1956 Ратифицирована первая конституция Пакистана. Джамал Абд аль-Насер национализирует Суэцкий канал.

1957 Шах Ирана Мухаммад Реза Пехлеви основывает тайную полицию САВАК (SAVAK) с помощью Американского ЦРУ и Израильской МОССАД.

1958-69 Светское правительство генерала Мухаммеда Айюб Хана в Пакистане.

1961 Мухаммад Реза Алави, шах Ирана, провозглашает Белую Революцию модернизации, которая еще большей изолирует религию и усугубляет раскол в Иранском обществе.

1963 НФО устанавливает социалистическое правительство в Алжире. Аятолла Хомейни атакует режим Пехлеви, вдохновляет на уличные демонстрации по всему Ирану, заключен в тюрьму и в конечном итоге сослан в Ирак.

1966 Аль-Насер приказывает казнить ведущего идеолога Египетских фундаменталистов Сейид Кутб.

1967 Шестидневная война между Израилем и его Арабскими соседями. Израильская победа и унижительно поражение Арабов приводят к религиозного возрождению на всем Ближнем Востоке, так как древняя светская политика, похоже дискредитирована.

1970 Смерть аль-Насер; его заменил Анвара аль-Садата, который судит Египетских Исламистов, чтобы заполнить их поддержку.

1971 Шейх Ахмад Ясин основал организацию социального обеспечения, и кампанию против светского национализма ООП, в поисках Исламской идентичности для Палестины; организация поддерживается Израилем.

1971-77 Премьер-министр Али Бхутто Пакистан ведет светское правительство, которое идёт на уступки Исламистам, но эти меры не являются достаточными.

1973 Египет и Сирия нападет на Израиль в Йом Кипур, и показывает такой впечатляющий эффект на поле боя, что аль-Садат в проводит мирную инициативу с Израилем, подписав Кэмп-Дэвиде в 1978 году.

1977-88 Набожный мусульманин Зия аль-Хакк проводит успешный переворот в Пакистане, и создает более открытое Исламское правительство, которое до сих пор, однако, отделяет религию от реальной политики.

1978-79 Иранская революция. Аятолла Хомейни становится Верховным Факихом Исламской Республики (1979-89).

1979 Смерть Пакистанской фундаменталистского идеолога Абу Ала Мавдуди. Несколько сотен фундаменталистов Суннитов в Саудовской Аравии занимают Каабу в Мекке и провозглашают своим лидером Махди; Государство подавляет восстание.

1979-81 Американские заложники в плену в посольстве Соединенных Штатов в Тегеране.

1981 Президент Анвар аль - Садат убит Мусульманскими экстремистами, которые осуждают его несправедливое и принудительное отношение к Египетскому народу и его мирный договор с Израилем.

1987 Интифада, народное восстание Палестинцев в знак протеста против Израильской оккупации Западного берега и сектора Газа. ХАМАС теперь вступает в бой против Израиля, а также против ООП.

1989 Аятолла Хомейни издает фетва против Британского писателя Салмана Рушди за его якобы кощунственное изображение пророка Мухаммеда в романе Сатанинские стихи. Месяц спустя, фетва осужден как не Исламский в сорока восьми из сорока девяти государств-членов Исламской конференции. После смерти Аятоллы Хомейни, Аятолла Хаменеи становится Верховным Фахим Ирана и прагматичный Ходжат ол-Ислам Рафсанджани становится президентом.

1990 Исламский Фронт Спасения (ИФС) одерживает крупные победы на Алжирских местных выборах против светской ФНО. Это похоже на победу в национальных выборах 1992 года. Президент Саддам Хусейн, светский правитель, вторгается в Кувейт; в ответ США и их Западные и Ближневосточные союзники начинают Операцию "Буря в пустыне" против Ирака (1991).

1992 Военный переворот, чтобы предотвратить приход ФИС к власти в Алжире, и подавляет движение. В результате, более радикальные члены начинают ужасающий террор. Члены Индуистской БДП разрушают мечеть Бабура в Айодхье.

1992-99 Сербские и Хорватские националисты систематически убивают и заставляют Мусульманских жителей Боснии и Косово покидать свои дома.

1993 Израиль и Палестина подписывают договор в Осло.

1994 После убийства Еврейским экстремистом двадцать девяти Мусульман в мечети в Хевроне, смертники ХАМАСа атакуют Еврейское население в Израиле. Президент Ицхак Рабин убит Еврейским экстремистом за подписание соглашения в Осло. Фундаменталисты Талибов приходят к власти в Афганистане.

1997 Либеральный священнослужитель Ходжат ол-Ислам Саид Хатами избран президентом Ирана одержав убедительную победу.

1998 Президент Хатами отделяет своё правительство фетвы Хомейни против Салмана Рушди.

2001 11 сентября Девятнадцать мусульманские экстремистов, членов группы Усамы бен Ладена Аль-Каида, захватывают Американские пассажирских самолеты и направляют их во Всемирный торговый центр и на Пентагон.

7 октября В отместку, США инициирует военную кампанию против Талибов и Аль-Каиды в Афганистане.

1

НАЧАЛО

Пророк (570-632)

Во время месяца Рамадан в 610 СЕ, Арабский бизнесмен испытал то, что изменило историю мира. Каждый год в это время, Мухаммад ибн Абдаллах уходил в пещеру у вершины горы Хира, недалеко от Мекки на Аравийском Хиджазе, где он молился, постился и давал милостыню нищим. Он давно был обеспокоен тем, что он называл кризисом в Арабском обществе. В последние десятилетия его племя, Курайшиты, разбогатело на торговле с соседними странами. Мекка стала процветающим меркантильным городом, но сильный страх потери богатства некоторые старых племенных ценностей был утерян. Вместо того чтобы заботиться о слабых членах племени, как предписывал кочевой кода, Курайшиты теперь намерены были зарабатывать деньги за счет некоторых бедных семей племени, или кланов. Существовало также духовное беспокойство в Мекке и по всему полуострову. Арабы знали, что Иудаизм и Христианство, которые практиковалось в Византийских и Персидских империях, были более сложными, чем их собственные языческие традиции. Некоторые из них пришли к мнению, что Всевышний Бог их пантеона, Алах (чьё имя просто означает "Бог"), был божеством, которому поклоняются Евреи и Христиане, но он не послал Арабам ни пророка, ни писание на их собственном языке. Действительно, Евреи и Христиане, которых они встречал часто дразнили Арабов за то, что они остались вне божественного плана. На всём протяжении Аравии одно племя боролось с другим, в убийственной цикличности кровной мести и борьбы с кровной мстью. Многим казалось, что люди в Аравии, арабы, были потерянными людьми, изгнанными навсегда из цивилизованного мира и игнорируемыми самим Богом. Но все изменилось в 17-ю ночь Рамадана, когда Мухаммед проснулся, чтобы найти себя ощутив присутствие, которое сжало его крепко, пока он не услышал как первые слова Арабского Писания льются с его губ.

В течение первых двух лет, Мухаммед молчал о своем пережитом. Он получал новые откровения, но признался об этом только своей жены Хадиджи и ее двоюродному брату Варака ибн Науфаль, Христианину. Оба были убеждены, что эти откровения пришли от Бога, но это было только в 612, когда Мухаммед почувствовал, что получил право проповедовать, и постепенно приобрёл новообращенных: его молодой кузен Али ибн Аби Талиб, его друг Абу Бакр, и молодой купец Усман ибн Аффан из влиятельной семьи Омейядов. Многие из новообращенных, в том числе большое число женщин, были из бедных кланов; другие были недовольны новой несправедливостью в Мекке, который, по их мнению была чужда Арабскому духу. Сообщение Мухаммеда был простым. Он учил Арабов не новым доктринам о Боге: большинство Курайшитов уже верили, что Аллах создал мир и будет судить человечество в последние дни, так же как Евреи и Христиане

верили. Мухаммед не думал, что он был основателем новой религии, он просто нёс арабам древнюю веру в Единого Бога, которые никогда в прошлом не имели пророка. Это было плохо, что он упорно строил собственное состояние, но хорошо, что делился богатством и создавал общество, в котором слабым и уязвимым относились с уважением.

Если Курайшиты не исправили бы своих путей, то их общество развалилось (как и другие несправедливые общества в прошлом), поскольку они нарушали фундаментальные законы существования.

Это было основным учением нового Писания, названным Кораном (декламация), потому что верующие, большинство из которых, в том числе сам Мухаммед, были неграмотны, впитали его учения, слушая общественные чтения глав (сур). Коран было явлен Мухаммеду стих за стихом, сура за сурой в течение следующих двадцати одного года, часто в ответ на кризис или вопрос, который возникал в маленьком сообществе верующих. Откровения были болезненными для Мухаммеда, который говорил: "Ни разу я не получал откровение, не думая, что моя душа была оторвана от меня." В первые дни, влияние было так страшно, что все его тело дрожало; он часто обильно потел, даже в прохладный день, испытывая великую тяжесть, или слышал странные звуки и голоса. Используя чисто светские термины, мы можем сказать, что Мухаммед воспринимал великие проблемы, стоящие перед его людьми на более глубоком уровне, чем большинство его современников, и что, как будто он "прислушался" к событиям, в которые он должен был вникать глубоко и болезненно в его внутреннем бытии чтобы найти решение, которое было не только политически жизнеспособным, но и духовно просвещённым. Он также создает новую литературную форму и шедевр в Арабской прозе и поэзии.

Многие из первых верующих были обращены чистой красотой Корана, который резонировал с их глубоким устремлением, прорезая их интеллектуальные предубеждения в виде великого искусства, и вдохновляя их на уровне, более глубоком, чем мозговой, чтобы изменять весь их образ жизни. Одним из самых драматических таких преобразований было то, что Умар ибн аль-Хаттаб, который был посвящен древнему язычеству, страстно противостоял сообщениям Мухаммеда, и был полон решимости уничтожить новую секту. Но он был также специалистом в Арабской поэзии, и впервые услышав слова Корана он был преисполнен их необыкновенным красноречием, как он сказал, язык прорвался через все его оговорки говоря: "Когда я услышал Коран мое сердце смягчилось, и я плакал, и Ислам вошел в меня. "

Новую секту, в конечном счете назвали Ислам (сдаваться); Мусульманин мужчина или женщина, кто отдал себя полностью Аллаху и его требованию, чтобы люди вели себя друг с другом с справедливостью, равенством и состраданием. Это было отношением, выраженным поклонением в ритуальной молитве (намаз), которую Мусульмане должны были совершать три раза в день. (Позже эта молитва будет увеличена до пяти раз в день.) Старая этика была эгалитарной; Арабы не одобряли идею монархии, и это было отвратительно для них пресмыкаться по земле, как рабы. Но поклонение было разработано, чтобы противостоять жесткому высокомерию и самодостаточности, которая быстро росла в Мекке. Позы их тел перевоспитывали бы Мусульман, научая их отложить свою гордыню и эгоизм, и вспомнить, что перед Богом они никто. Для того, чтобы соблюдать суровые учения Корана, Мусульмане также должны были регулярно отдавать часть своего дохода бедным, милостыню (закат). Они также должны были бы поститься во время Рамадана, чтобы напомнить себе о лишениях бедных, которые не могли выбирать, что им есть или пить.

Поэтому социальная справедливость была важной добродетелью Ислама. Мусульманам было заповедано своим первым долгом строить сообщество (умма) охарактеризованное практическим состраданием, в котором существовало справедливое распределение богатств. Это было гораздо более важным, чем любое доктринальное учение о Боге. На самом деле Коран имеет негативный взгляд на богословские спекуляции, которые он называет *Заннах*, потворство собственным слабостям невыразимыми темами, которые никто не может определить, как ту или иную.

Казалось бессмысленным спорить о таких мудреных догмах; гораздо более важным было прилагать усилия (*джихад*), дабы жить таким образом, как Бог предназначил для человека. Политическая и социальная защита уммы являлись сакраментальным значением для Мусульман. Если умма процветает, это знак того, что Мусульмане жили по Божьему слову? Воля и жизненный опыт в подлинно Исламском обществе, которые сделали возможным экзистенциальное покорение божественному, даст Мусульман указание священной трансцендентности. Следовательно, они не будут затронуты глубоко ни несчастьем, ни унижением, понесенного уммы, как Христиане были затронуты зрелищем, когда кто-то кощунственно топтал Библию.

Это социальная озабоченность всегда была неотъемлемой частью видения великих мировых религий, которые, развивались в ходе, что историки называют *Осевым Периодом* (ок. 700 г. до н.э. до 200 г. до н.э.), когда цивилизация, как мы её знаем, развивалась вместе с конфессиональными верами, которые продолжают питать человечество. Даосизм и конфуцианство в Китае; Индуизм и Буддизм на Индийском субконтиненте; монотеизм на Ближнем Востоке; и рационализм в Европе. Эти конфессии реформировали старое язычество, которое уже более не подходило для крупных и более сложных обществ, которые развивались, когда люди создавали меркантильную экономику - способную поддерживать культурные усилия. В крупных государствах, люди расширяли горизонты, а старые местные культы перестали соответствовать; большая часть конфессий *Осевого Периода* сосредоточены были на одном божестве или высшем символе трансцендентности. Каждая конфессия была обеспокоена фундаментальной несправедливостью в обществе. Все цивилизации периода до модернизма были основаны на экономическом избытке сельскохозяйственной продукции. Поэтому они зависели от труда крестьян, которые не могли наслаждаться их высокой культурой, которая была только для элиты. Чтобы противостоять этому, новые религии подчеркивали важность сострадания. Аравия осталась вне цивилизованного мира. Её неподатливый климат означает, что Арабы жили на грани голода; казалось не существует никакого способа, чтобы они могли бы приобрести земельный участок, который поставил бы их на одном уровне с Сасанидами Персии или Византии. Но когда Курайшиты начали развивать рыночную экономику их перспектива стала меняться. Многие из них были по-прежнему счастливы имея древнее язычество, но существовала растущая тенденция поклоняться только одному Богу; и существовало, как мы видели, растущее беспокойство о несправедливости новой цивилизации, которая образовывалась в Мекке. Арабы были готовы для своей веры *Осевого Периода*.

Но это не означало полного отказа от традиции. Пророки *Осевого Периода* и реформаторы были основаны на старых языческих обрядах своего региона, и Мухаммед делал то же самое. Он требовал, чтобы они игнорировали культ таких популярных арабских богинь как Маната аль-Лат и аль-Озу и поклонялись Аллаху. Языческие божества говорилось в Коране были подобны слабым вождям племён, которые были

несли ответственность за своих людей, потому что они не могли дать им надлежащую защиту. Коран не приводил никаких философских доводов в пользу монотеизма; его подход был практичным и поэтому этот подход обращался к прагматичным Арабам. Древняя религия, Коран утверждал, просто не работал. Существовало духовное недомогание, хронические и разрушительные войны, и несправедливость, нарушались лучшие Арабские традиции и родовые устои. Путь вперед находится в вере в единого Бога и единой уммы, которая руководствовалась справедливостью и равенством.

Как бы это не звучало радикально, но Коран настаивает, что его послание было просто "напоминанием" истин, которые все знали. Это было изначальной верой, которая проповедовалась пророками прошлого всему человечеству. Бог не оставил людей в неведении о том, как они должны жить: Он послал посланников к каждому народу на земле. Традиция Ислама позже станет утверждать, что было 124.000 таких пророков, символическое число показывающее бесконечность. Все приносили своим народам богом вдохновленные Писания; они могли по-разному выражать истины религии Бога, но по сути послание всегда то же самое. Теперь, наконец, Бог послал Курайшитам пророка и Писание. Коран постоянно указывает, что Мухаммед не пришел, чтобы отменить древние религии, противоречить их пророкам или начать новую веру. Его послание было таким же, как Авраама, Моисея, Давида, Соломона, или Иисуса. Коран говорит только о тех пророках, которые были известны Арабам, но сегодня Мусульманские ученые утверждают, что Мухаммеду было известно о Буддизме или Индуизме, Австралийских аборигенах или коренных Американцах, Коран бы одобрил их мудрецов тоже, потому что правильно развитая религия, полностью подчинялась Богу, отказывалась подчиняться божествам, сделанным руками людей и проповедовала справедливость и равенство пришедшие из одного божественного источника. Следовательно, Мухаммад никогда не просил Евреев или Христиан принять Ислам, если они особенно не хотели этого потому что они самостоятельно получили совершенно достоверные откровения. Коран настаивает на том, чтобы "насильно не принуждать кого то в вопросах веры и велит Мусульманам уважать убеждения Иудеев и Христиан, которых Коран называет Ахль аль-Китаб, фраза обычно переводится "Народ Книги", но при более точном переводе звучит как «народ раннего откровения." Не спорьте с последователями раннего откровения иначе, только если не в самой доброжелательной манере, только если они не будут склоняться на злодеяния говоря им: "Мы верим в то, что было даровано с высоты на нас, также, как и то, что было даровано вам, ибо Бог наш и Бог твой один и тот же, и это Ему, мы [все] отдаём себя? Это только в нашей более современной культуре можно позволить себе получить приз за оригинальность и выбросить все традиции. В до-современном обществе, непрерывность имела решающее значение. Мухаммед не предусматривал интенсивный разрыв с прошлым или с другими религиозными общинами. Он хотел укоренить новое Писание в духовном ландшафте Аравии. Поэтому Мусульмане продолжали выполнять привычные ритуалы в Каабе, в храме форме куба в центре Мекки, наиболее важным центром поклонения в Аравии. Он был чрезвычайно древним даже во времена Мухаммеда, и первоначальный смысл культа, связанного с ним был забыт, но это было по прежнему любимым местом Арабов, собиравшихся каждый год для совершения хаджи со всего полуострова. Они ходили вокруг храма семь раз, по направлению тому же как Солнце идёт вокруг Земли; целовали Черный Камень, встроенный в стену Каабы, который был вероятно метеоритом, когда-то упавшим на землю, связывая это место с небесным миром. Эти обряды (известные как умра) могут быть выполнены в любое время, но в это время половина паломником также бегут по стопам Аль-Сафа рядом Каабы через долину аль-Марва, где они молятся. Затем они переходят в окрестности Мекки: на равнину Арафат, они стоят всю ночь в бдении;

они стремительно двигаются в Муздалифу; кидают камни в столпы в Мине, бреют головы, и на Ид аль-Адха, последний день паломничества, выполняют жертвоприношения животных.

Идеал общества занимает центральное место в культе Каабы. Любое насилие было запрещено в Мекке и окрестностях на все времена. Это было ключевым фактором в коммерческом успехе Курайшитов, так как это давало возможность Арабам торговать там не боясь войны вендетты. Во время этого половине паломников было запрещено ношения оружия, спорить, некрасиво себя вести или даже убивать насекомое, или перечить словом. Все это было близко по духу для идеала уммы Мухаммеда, и он сам был посвящен храму, часто совершал умру и любил читать Коран рядом с Каабом. Официально храм был посвящен Хубала, Набатейскому божеству, и было 360 идолов, расположенных вокруг Каабы, вероятно, представляющих дни в году. Но в дни Мухаммеда, кажется, что Кааба почитался как святыня Аллаха, Верховного Бога, и это было признаком широко распространенного убеждения, что Аллах был такой же, как и божество, которому поклоняются монотеисты, Арабы, обратившиеся в Христианство, в северных племенах на границе Византийской империи. Тем не менее, в первые дни своей миссии Мухаммед все еще заставлял Мусульман выполнять намаз обратившись в сторону Иерусалима, священного города Ахли Китаб-, отвернувшего языческое объединение Каабы. Это показывало его желание привести Арабов в монотеистическую семью.

Мухаммед приобрел небольшое количество последователей и в итоге некоторые семьи приняли Ислам. Сначала, наиболее влиятельные люди в Мекке игнорируют Мусульман, но в 616 они стали чрезвычайно агрессивными по отношению к Мухаммеду, который, по их словам, оскорбляет веру своих отцов, и, очевидно является шарлатаном, который притворялся пророком. Они были особенно возмущены описанием Страшного Суда в Коране, которое они отвергли как примитивное и иррациональное. Арабы не верят в загробную жизнь и не должны подаваться на правдоподобность таких "сказок". Но они были особенно обеспокоены тем, что в Коране Иудео-Христианская вера была в сердце их ожесточенному капитализму. В Последний День, Арабов предупреждали, что богатство и власть их родов не поможет им; каждый человек будет судим по его или ее собственным достоинствам: почему они не заботились о бедных? Почему они накопили состояния вместо того чтобы делиться своими деньгами? Курайшиты, которые жили очень хорошо в новой Мекке, мало вероятно стали бы смотреть с одобрением на такого рода разговоры, оппозиция росла, во главе с Абу аль-Хакама (который назван Абу Джала "отец лжи", в Коране), Абу Суфьяном, чрезвычайно умным человеком, который когда-то был личным другом Мухаммеда, и Сухайль ибн Амром, набожным язычник. Все они были обеспокоены идеей отказа от веры своих предков; у всех были родственники, обращенные в Ислам; и все боялись, что целью Мухаммеда было взять на себя лидерство в Мекке. Коран настаивает, что Мухаммед не имел политического положения, что он был просто Надиром, "Индикатор", но как долго человек, который утверждал, что получил инструкции от Аллаха будет принимать постановления более простых смертных, как он сам? Отношения резко ухудшались. Абу Джал наложил бойкот клану Мухаммеда, запрещающему Курайшитам вступать в браки или торговать с Мусульманами. Это означало, что никто не мог продать им никакой еды. Запрет длился в течение двух лет, и нехватка продовольствия, возможно стала причиной смерти любимой жены Мухаммеда Хадиджи, и конечно запрет уничтожил некоторых Мусульман в финансовом отношении. С рабами, обратившимися в Ислам, особенно плохо обращались, связывали и оставляли лежать под палящим солнцем. Самое трудно время, в

619, после того как запрет был снят, дядя и покровитель (вали) Мухаммеда Абу Талиб умер. Мухаммед был сиротой; его родители погибли, когда он был младенцем. Без защитника, который бы отомстил за убийство, в соответствии с суровой вендеттой Аравии, человек мог быть убит безнаказанно, и Мухаммед с большим трудом находит Мекканского вождя, который становится его покровителем. Положение уммы становится несостоятельным в Мекке, и должно быть найдено новое решение.

Поэтому Мухаммед был готов выслушать делегации руководителей из Ясриба, сельскохозяйственного поселения, расположенного около 250 миль (400 км) к северу от Мекки. Некоторые племена отказались от кочевого образа жизни и поселились там, но после столетий войн в степях посчитали невозможным совместное проживание в мире. Всё поселение было захвачено одной смертельной враждой за другой. Некоторые из этих племен были либо обращённые в Иудаизм или имели Еврейское происхождение, и поэтому люди Ясриба привыкли к идее монотеизма, они не были в плену старого язычества и были в отчаянии в поисках нового решения, которое позволит людям, жить вместе как единое общество. Люди из Ясриба, к которым подошел Мухаммед в половине 620 года, обратились в Ислам и заключили договор с Мусульманами: каждый поклялся, что не будет воевать друг с другом, и будет защищать друг друга от общих врагов. В конце концов, в 622 году Мусульманские семьи не привлекая внимания, одна за другой, мигрировали (хиджра) в Ясриб. Мухаммед, у которого новый протектор недавно умер, был почти убит прежде, чем ему и Абу Бакру удалось бежать.

Хиджра знаменует начало Мусульманской эпохи, потому что в этот момент, Мухаммед был в состоянии в полной мере реализовать идеал Корана и что Ислам стал фактором в истории. Это был революционный шаг. Хиджра была не просто сменой адреса. В до - Исламской Аравии племя обладало духовной ценностью. Повернуться спиной к твоей родной по крови группе и присоединиться к другой было неслыханным; это было по существу кощунственно, и Курайшиты не могли мириться с таким отступничеством. Они поклялись уничтожить умму в Ясрибе. Мухаммед стал главой объединённых групп племён, которые не были связаны друг с другом кровью, но связаны общей идеологией, удивительной инновацией в Арабском обществе. Никого не заставляли обращаться к религии Корана, но Мусульмане, язычники и Евреи принадлежали к одной умме, они не могли атаковать друг друга, и поклялись оказывать защиту один другому. Что есть в этих новостях необычно нового? "Супер род" расширился, и, хотя в начале никто не думал, что у него был шанс на выживание, этот род доказал, что несёт вдохновение, которое укрепило мир в Аравии перед смертью Пророка в 632, через десять лет после Хиджра.

Ясриб станет известным как аль-Медин (Город), потому что он стал изображением совершенного Мусульманского общества. Когда Мухаммед прибыл в Медину одним из его первых действий было постройка простой мечети Масджид (буквально, место поклонения). Это было черновое здание, которое выражало строгость раннего Исламского идеала. Пни деревьев поддерживали крышу, на камне отмечена Кибла (направление молитвы) и Пророк стоял на пне дерева, чтобы проповедовать. Все будущие мечети, насколько это возможно, были построены в соответствии с этой моделью. Был также внутренний дворик, где Мусульмане встречались, чтобы обсуждать все проблемы уммы-социальные, политические и военные, а также религиозные. Мухаммед и его жены жили в маленьких хижинах вокруг двора. В отличие от Христианской церкви, которая отделена от светской деятельности и посвящена только поклонению, отсутствие активности было исключены из мечети. Глазами Корана, не существует дихотомии между священным и светским, религиозным и политическим,

сексуальностью и поклонением. Вся жизнь была потенциально святой и должна была быть приведена в сферу божественного. Целью было таухид (создавать единство), интеграция всей жизни в единое общество, которое даст Мусульманам подобие единства, которое есть Бог.

Многочисленные жены Мухаммеда имели сильный интерес на Западе, но было бы ошибкой представить Пророка наслаждающимся упадочническим чувством восторга, как некоторые из более поздних Исламских правителей. В Мекке Мухаммед оставался моногамным, женатым только на Хадиджа, несмотря на то, что полигамия была распространена в Аравии. Хадиджа намного старше его, но родила ему по крайней мере, шестерых детей, из которых выжили только четыре дочери. В Медине, Мухаммед стал большим Саидом (лидер) и ожидалось, что будет иметь большой гарем, но большинство из этих браков были политически мотивированными. По мере того как он формировал своё новое племя, он стремился наладить брачные связи с некоторыми из его ближайших соратников, чтобы привязать их друг к другу. Его новой любимой женой была Аиша, дочь Абу Бакра, и он также женился на Хафсе, дочери Умара ибн аль-Хаттаба. Он женился на двух своих дочерях Османа ибн Аффана и Али ибн Аби Талиба. Многие из его других жен были пожилыми женщинами, которые были беззащитны или были имели отношение к лидерам племен, которые стали союзниками уммы. Ни одна из них не родила Пророку детей. Его жены иногда были больше помехой, чем удовольствием. Однажды, когда они спорили о разделении добычи после налета, Пророк пригрозил развестись со всеми ними, если они не станут жить более строго в соответствии с Исламскими ценностями. Но это также является правдой, что Мухаммед был одним из тех редких людей, которые действительно наслаждаются компанией женщин. Некоторые из его товарищей-мужчин были поражены его нежностью по отношению к своим жёнам и тому как они относились к нему и отвечали ему взаимностью. Мухаммед добросовестно помогал с делами по хозяйству, чинил свою одежду и искал дружеских отношений со стороны своих жен. Он часто любил брать одну из них в экспедиции и относился к их советам всерьёз. Однажды его жена, самая умная, Умм Салама, помогла предотвратить мятеж.

Эмансипация женщин была близка сердцу Пророка. Коран дал женщинам права на наследство и право на развод за долго до того, как Западные женщины получили такое право. Коран предписывает некоторую степень отделения и покрывала для жен Пророка, но нет ничего в Коране, что требует покрывала для всех женщин или их изоляцию в отдельной части дома. Такие обычаи были установлены спустя три или четыре поколения после смерти Пророка. Мусульмане в то время копировали Греческих Христиан Византии, которые давно заставляли покрывать лицо и изолировали своих женщин в такой манере; они также внесли некоторую степень в их Христианское женоненавистничество. Коран делает мужчин и женщин партнерами пред Богом, с одинаковыми обязанностями и ответственностью. Коран также разрешил многоженство; в то время, когда много Мусульман было убито в войнах против Мекки, а женщины остались без защитников, мужчинам было разрешено иметь до четырех жен при условии, что они относятся к ним всем абсолютного равно и не превозносить одну над другими. Женщины первой уммы в Медине принимали полноценное участие в общественной жизни, а некоторые, в соответствии с Арабскими традициями, сражались вместе с мужчинами в битвах. Они, похоже, не испытывали Ислам как гнетущую религию, хотя позже, как это произошло в Христианстве, мужчины начнут подгонять веру и приводить её в соответствие с преобладающим патриархатом.

В ранние годы, в Медине произошли два важных события. Мухаммед был сильно обрадован перспективой тесного сотрудничества с Еврейскими племена, и даже, незадолго до хиджры, внес некоторые практики (например, совместная молитва в пятницу во второй половине дня, когда Евреи готовятся к субботе, и пост на Еврейский праздник День Искупления), чтобы поставить Ислам в ряд с Иудаизмом. Его постигло разочарование, одно из самых сильных в его жизни, когда Евреи Медины отказались принять его в качестве подлинного пророка. Для евреев, эпоха пророчества закончилась, так что не удивительно, что они не могли принять Мухаммеда, но полемика с Иудеями Медины занимает значительную долю в Коране и показывает, что Мухаммед обеспокоен этим. Некоторые из рассказов Корана о таких пророках, как Ной или Моисей отличаются от тех, что в Библии. Многие Евреи насмеялись, когда эти рассказы читались в мечети. Три основных Еврейские племена негодовали господству Мухаммеда; они сформировали мощный блок перед его прибытием в поселок, и полные решимости чувствовали себя в состоянии избавиться от него.

Но некоторые из Евреев в небольших кланах были дружелюбны и увеличивали познания Мухаммеда Еврейского Писания. Он был особенно рад услышать, что в Книге Бытия Авраам имел двух сыновей: Исаака и Измаила (который стал Исмаилом, по-Арабски), ребенок его наложницы Агари. Авраам был вынужден изгнать Агарь и Исмаила в пустыню, но Бог спас их и пообещал, что Исмаил тоже будет отцом великого народа, Арабов. Местная традиция говорила, что Агарь и Исмаил поселились в Мекке, что Авраам посетил их там и что вместе с Исмаилом Аврам восстановил Каабу (которая первоначально была возведена Адамом, но превратилась в негодное). Это была музыка для ушей Мухаммеда. Казалось, что Арабы не были исключены из божественного плана после всего, и что Кааба обладала древними монотеистическими полномочиями.

К 624 году было ясно, что большинство Евреев Медины никогда не смирялись с Пророком. Мухаммед также был шокирован, узнав, что Евреи и Христиане (которые он предполагал, принадлежат к одной вере) на самом деле имели серьёзные теологические разногласия, хотя, кажется он думал, что не все Ахль аль-Китаб потворствуют этому позорному сектанству. В январе 624 года он сделал то, что вероятно являлось одним из его самых творческих жестов. Во время намаза, он сказал прихожанам, чтобы они развернулись так чтобы молиться в сторону Мекки, а не Иерусалима. Это изменение киблы было провозглашение независимости. Отворачиваясь от Иерусалима к Каабе, которая не имела никакого отношения с Иудаизмом или Христианством, Мусульмане негласно продемонстрировали, что они возвращаются к начальному чистому монотеизму Авраама, который жил до откровения Торы или Евангелия, и, следовательно, до того момента, когда религия единого Бога была разделена на враждующие секты. Мусульмане направляли себя к единому Богу: это считалось идолопоклонством склониться перед человеческой системой или установленной религией, а не перед самим Богом: Воистину, для тех, кто нарушил единство своей веры и стал сектой – поэтому ты не имей ничего общего с ними ... Скажи: "Вот, моя Опора, который постоянно ведёт меня прямым путём через истинную веру путём Авраама, который отвернулся от всего, что является ложным, а не был из тех, кто приписывает божественность пустому месту, а не Ему ". Скажи: "Узри, моя молитва, и [все] мои акты поклонения, и моя жизнь, и смерть посвящены Богу одному."

Изменение киблы было привлекательным для всех Арабских Мусульман, особенно эмигрантов, которые совершили хиджру из Мекки. Мусульмане больше не волочились, прихрамывая, за Евреями и Христианами, которые высмеивали их чаяния, но

направились по своему собственному прямому пути к Богу. Второе крупное событие произошло в скором времени после смены киблы. Мухаммед и эмигранты из Мекки не имели никаких возможностей зарабатывать на жизнь в Медине; не было достаточно земли для них, чтобы обрабатывать, и в любом случае, они были купцами и предпринимателями, а не земледельцами. Мединцы, которые были известны как Ансар (помощники), не могли позволить себе содержать их бесплатно, поэтому эмигранты совершают рейд, который был своего рода национальным спортом в Аравии, а также грубой и настоящей формой перераспределения ресурсов в стране. Рейдеры нападали на караваны или людей из соперничающего племени и забирали добычу и скот, стараясь избегать убийства людей, так как это бы значило начало вендетты. Было запрещено проводить рейд против племени, который стал союзником или "клиент" (более слабые племена, которые искали защиты от какого-то сильного племени). Эмигранты, которые подвергались преследованиям со стороны Курайшитов и вынуждены были покинуть свои дома, начали проводить рейды против богатых караванов Мекки, которые приносили им доход, но вести рейд против собственного племени было серьезным нарушением. Группы рейдеров наслаждались некоторым успехом вначале, но в марте 624 года Мухаммед повёл большую группу мигрантов к побережью, чтобы перехватить самый большой Мекканский караван в том году. Когда они услышали этого произвола, Курайшиты направили армию, чтобы защитить караван, но, несмотря ни на что, Мусульмане нанесли сокрушительное поражение Мекканцам у колодца Бадр. Даже несмотря на то, что Мекканцы были в большем количестве, они сражались в старом Арабском стиле с небрежной бравадой, каждый командир вёл своих людей. Войска Мухаммеда, однако, были тщательно подготовлены и сражались под его единым командованием. Это был разгром, что впечатлило племена бедуинов, некоторые из которых наслаждались зрелищем, видя могучих Курайшитов униженными.

После последовали трудные дни для уммы. Мухаммед был вынужден бороться с враждебностью некоторых из язычников в Медине, которые негодовали властью Мусульманских новоприбывших и были намерены изгнать их из поселка. Он также должен был разобраться с Меккой, где Абу Суфьян повёл поход против него, и повёл два главных наступления против Мусульман в Медине. Его целью было не просто победить умму в бою, но также уничтожить всех Мусульман. Суровая этика пустыни означала, что не было никаких полумер в войне: от командира, одержавшего победу, если возможно, ожидалось истребление врага, таким образом умма столкнулась с угрозой полного исчезновения. В 625 Мекка нанесла серьезное поражение умме в битве при Ухуде, но два года спустя Мусульмане разбили Мекканцев в битве у Рва, так названного, потому что Мухаммад защищал поселение выкопав ров вокруг Медины, в которой сбросил Курайшитов, которые до сих смотрели на войну, скорее, как на рыцарскую игру и никогда не слышали о таких неспортивных трюках, в замешательстве вынесли их кавалерию, которая была бесполезна. Вторая победа Мухаммеда над численно превосходящими Курайшитами (было 10.000 Мекканцев на 3.000 Мусульман) была поворотным моментом. Это убедило кочевые племена, что Мухаммед, приходящий человек, бесспорно заставил Курайшитов выглядеть поблекшими. Боги, за чьё имя они сражались, были явно не на их стороне. Многие из племен хотели стать союзниками уммы, и Мухаммед начали строить мощную конфедерацию племён, члены которого поклялись не нападать друг на друга и сражаться с врагами защищая друг друга. Некоторые из Мекки также начали дезертировать и совершать хиджры в Медину; наконец, после пяти лет смертельной опасности, Мухаммед мог быть уверен, что умма выживет.

В Медине, главными жертвами этого Мусульманского успеха стали три Еврейских племени: Кейнока, Надир и Курайза, которые планировали уничтожить Мухаммеда и которые самостоятельно образовали альянсы с Меккой. У них были мощные армии, и, очевидно, представляли угрозу для Мусульман, их территория была расположена таким образом, что они могли легко присоединиться к осаждающей Мекканской армии или атаковать умму с тыла. Когда племя Кейнока устроило неудачное восстание против Мухаммеда в 625, оно было изгнано из Медины, в соответствии с Арабскими обычаями. Мухаммед попытался успокоить Надир, и заключил особый договор с ними, но когда он обнаружил, что они вступили в заговор с целью убить его, они тоже были изгнаны, после они присоединились к Еврейскому поселению Хайбаре, которое находилось поблизости и стали вербовать на поддержку Абу Суфьяна людей из северных Арабских племен. Надир оказался еще более опасным за пределами Медины, поэтому, когда Иудейское племя Курайза стала на сторону Мекки во время битвы у Рва, подумав, что Мусульмане потерпят поражение, Мухаммед не показал никакого милосердия по отношению к ним. Семь сотен человек из Курайза были убиты, а их женщины и дети проданы в рабство.

Жестокое убийство Курайза стало ужасным инцидентом, но это было бы ошибкой судить по меркам нашего времени. Это было очень примитивным обществом: Мусульмане сами только что чудом избежали уничтожения и Мухаммед просто изгнал Курайза, они бы пополнили Еврейскую оппозицию в Хайбаре и принесли бы еще одну войну на уммы. В седьмом веке в Аравии, Арабский лидер не ожидал оказание милости предателям, таким как Курайза. Исполнители направили мрачное донесение в Хайбар и помогли подавить языческую оппозицию в Медине, поскольку языческие лидеры были союзниками восставших Евреев. Это был бой на смерть, и все всегда знали, что ставки были высоки. Борьба не демонстрировала никакой враждебности по отношению к Евреям в целом, но только к трем племенам повстанцев. Коран по-прежнему почитает Еврейских пророков и призывает Мусульман уважать людей Писания. Небольшие Еврейские группы продолжали жить в Медине, а позже Евреи, как и Христиане, пользовались полной свободой вероисповедания в Исламских империях. Антисемитизм — это Христианский порок. Ненависть к Евреям стала отмечаться в Мусульманском мире только после создания государства Израиль в 1948 году и последующей потери Арабской Палестины. Примечательно, что Мусульмане были вынуждены импортировать антиеврейские мифы из Европы, и перевести на Арабский язык такие враждебные антисемитские тексты как “Протоколы Сионских Мудрецов”, потому что они не имели такого. Из-за этой новой враждебности, чтобы оправдать свое предубеждение по отношению к Еврейскому народу, некоторые Мусульмане в настоящее время цитируют отрывки Корана, которые относятся к борьбе Мухаммеда с тремя мятежными Еврейскими племенами. Вырывая эти стихи из контекста, они исказили послание Корана и отношение Пророка, который сам не чувствовал ненависти к Иудаизму.

Непримиримость Мухаммеда по отношению к Курайзу была из за его желания закончить военные действия как можно скорее. Коран учит, что война – это катастрофа, поэтому Мусульмане должны использовать всё, что в их силах, чтобы восстановить мир и спокойствие в кратчайшие сроки. Аравия была хронически жестоким обществом и умме пришлось прокладывать свой путь к миру. Крупные социальные изменения типа тех, которые Мухаммед пытался провести на полуострове, редко проводились без кровопролития. Но после битвы у Рва, когда Мухаммед поставил Мекку на колени и сокрушил оппозицию в Медине, он почувствовал, что настало время, чтобы отказаться

от джихада и начать мирное наступление. В марте 628 года он установил последовательную, смелую и творческий инициативу, которая привела конфликту к завершению. Он объявил, что собирается совершить хадж в Мекку, и попросил добровольцев сопровождать его. Так как паломникам было запрещено носить оружие, Мусульмане входили прямо в лвиный ров и полагали себя на милость враждебных и обиженный Курайшитов. Тем не менее, около тысячи Мусульман согласились присоединиться к Пророку и отправились в Мекку, одетые в традиционные белые одежды на хаджи. Если бы Курайшиты запретили Арабам подойти к Каабу или напали бы на добросовестных паломников они бы предают свой священный долг как хранителей святыни. Тем не менее Курайшиты послали войска, чтобы напасть на паломников, до того, как они достигнут области за пределами города, где насилие было запрещено, но Пророк уклонился от них с помощью некоторых из его союзников Бедуинов, им удалось достичь окраины святыни, стал лагерем в Худайбии и ожидал развития событий. В конце концов Курайшиты оказавшись под давлением этой мирной демонстрации подписали договор с уммой. Это было непопулярным шагом с обеих сторон. Многие из Мусульман были готовы к действию, и считали этот договор позорным, но Мухаммед стремился к достижению победы мирным путем.

В Худайбии был еще один поворотный момент. Это впечатлило еще больше Бедуинов, и обращение в Ислам стало еще более необратимой тенденцией. В конце концов в 630, когда Курайшиты нарушили договор, атаковав одно из союзных племен, Пророк Мухаммед пошёл на Мекку с армией в десять тысяч человек. Столкнувшись с этой непреодолимой силой, и будучи прагматиками, Курайшиты признали поражение, открыли городские ворота, и Мухаммед захватил Мекку, не пролив ни капли крови. Он уничтожил идолов вокруг Каабы, вновь посвятил его Аллаху, единому Богу, и придал древним языческим обрядам хаджи Исламское значение, связывая их с историей Авраама, Агарь и Исмаила. Ни одного из Курайшитов не принуждали стать Мусульманином, но победа Мухаммеда убедила некоторых из его самых принципиальных соперников, таких как Абу Суфьян, что древняя религия пала. Когда Мухаммед умер в 632 в объятиях любимой жены Айши, почти все племена Аравии вступили в умму в качестве Конфедератов или в качестве обращенных Мусульман. Так как члены уммы не могли конечно нападать друг на друга, убийственный цикл войн между племенами и кровная месть, закончились. Мухаммед в одиночку принес мир в истерзанную войной Аравию.

Рашидун (632-661)

Жизнь и достижения Мухаммеда навсегда повлияло на духовное, политическое и этическое видение Мусульман. Они выражали Исламский опыт спасения, который не состоит в искупление первородного греха, совершённого Адамом и входа в вечную жизнь, но в установлении общества, которое претворяет в жизнь Божии желания для человеческой расы. Это не только искупило Мусульман от политического и социального ада, который существовал в до-Исламской Аравии, но также предоставило им контекст, в котором они могли бы наиболее полно предаться Богу, который один может ответить на их нужды. Мухаммед стал архетипом примера того совершенного подчинения божественному, и Мусульмане, как мы увидим, будут пытаться соответствовать этому стандарту в своих духовных и социальных жизнях. Мухаммед никогда не почитался в качестве божества, но он был уважаем как Совершенный Человек. Его покорность Богу была настолько полной, что он изменил общество и позволил Арабам жить вместе в гармонии. Слово Ислам этимологически связано с салам (мир), и в ранние годы Ислам

провозглашал сплоченность и согласие.

Но Мухаммед достиг этого успеха, будучи получателем божественного откровения. На протяжении всего своего успеха, Бог посылал пророчества, которые легли в Коран. Когда они сталкивались с кризисом или дилеммой, Мухаммед входил глубоко в себя и слушал Богом вдохновленное решение.

Его жизнь, таким образом, представляла собой постоянный диалог между трансцендентной реальностью и жестокими, загадочными и тревожными событиями в материальном мире. Коран, поэтому, следовал общественным и текущим событиям, неся Божественное руководство и просвещение в политику. Преемники Мухаммеда, однако, не были пророками, им приходилось полагаться на свои собственные человеческие идеи. Каким образом они гарантируют, что Мусульмане по-прежнему реагируют творчески и непосредственно на эту святое повеление? Умма, которой они правили гораздо больше, и и более сложная, чем маленькой община Медины, где все знали друг друга и не было никакой необходимости для чиновничества и бюрократии. Как новые наместники (Халифы) Мухаммеда сохраняют сущность первой уммы в различных обстоятельствах?

Первые четыре халифы стремились добиться успеха Мухаммеда борясь с этими сложными вопросами. Они были людьми, которые были среди Пророков ближайшими соратниками и играли ведущую роль в Мекке и Медине. Они известны как рашидуны праведно направленные халифы, и их период правления был так же созидающим, как и у самого Пророка. Мусульмане определяли себя и свою теологию в соответствии с тем, как они оценивали бурные, славные и трагические события тех лет.

После смерти Пророка, ведущие Мусульмане должны были решить какую форму следует придать умме. Некоторые, возможно, не верили, что должно быть "государство", государственный строй, который не имел прецедентов в Аравии. Некоторые думали, что каждая племенная группа должна выбрать своего собственного Имама (лидера). Но компаньоны Пророка, Абу Бакр и Умар ибн аль-Хаттаб заявили, что умма должна быть единым обществом, и должна иметь одного правителя, так же как это было во время жизни Пророка. Некоторые считали, что Мухаммед желал, чтобы преемником стал Али ибн Аби Талиба, его ближайший родственник мужского пола. В Аравии, где кровная связь была священна, считалось, что особые качества лидера были получены по линии его потомков, и некоторые Мусульмане полагали, что Али унаследовал особую харизму Мухаммада. Но несмотря на то, что набожность Али была не под вопросом, он был еще молод и неопытен, и следовательно, Абу Бакр был избран первым халифом Пророка большинством голосов.

Царствование Абу Бакра (632-34) было коротким, но имело решающее значение. Он был в основном занят так называемыми войнами рида (отступничество), когда различные племена пытались оторваться от уммы и восстановить свою прежнюю независимость. Было бы, однако ошибкой рассматривать это как широко распространённый религиозный провал. Восстания были полностью политическими и экономическими. Большинство племен Бедуинов, которые вступили в Исламскую конфедерацию, были мало заинтересованы в деталях религии Мухаммеда. Пророк, реалист, он признавал, что многие из сформированных союзов были чисто политическими, один руководитель объединял силы с другим, как это было принято в Арабских степей. Некоторые лидеры верили, что их договор был только с Мухаммедом, а не с его преемником, и что после

его смерти они были свободны, чтобы совершать набеги на племена в умме, вызвав на себя ответный удар Мусульман.

Это было, однако важно, что многие из повстанцев чувствовали побуждение придать их восстанию религиозное обоснование; лидеры часто провозглашали себя пророками, и придумывали “откровения” в стиле Корана. Арабы проходили через глубокий опыт. Он не был “религиозным” в современном смысле этого слова, так как для многих — это была не индивидуальная вера, несущая внутреннее изменение. Пророк разрушил древний шаблон, и вдруг Арабы обнаружили себя среди первых членов единого общества, свободного от бремени постоянной, изнурительной войны. За короткое время руководства Мухаммеда они увидели возможность вести совершенно другой образ жизни, связанный с религиозным изменением. То, что произошло, было так поразительно, что даже те, кто хотел вырваться из уммы могли думать только пророческими терминами. Это было, вероятно, в течение ридов войн, когда Мусульмане начали утверждать, что Мухаммед был последним и величайшим из пророков, претензии, что не было явно в Коране.

Абу Бакр подавил восстания с мудростью и снисходительностью, и таким образом, завершил объединение Аравии. Он подходил творчески к разборам жалобам повстанцев, и не проводил никаких репрессий в отношении тех, кто вернулся в лоно. Некоторые из них заманили обратно перспективой принять участие в прибыльных захватнических рейдах на соседние земли, которые приобрели драматический импульс под руководством второго халифа Умара ибн аль-Хаттаба (634-44). Эти рейды были ответом на проблемы, которые возникли из нового Исламского мира на полуострове. На протяжении веков, Арабы поправляли недостаток своих ресурсов с помощью газа , но Ислам положил конец этому, потому что племенам уммы не разрешалось нападать друг на друга. Что могло бы заменить набеги газа позволив Мусульманам находить скудные средства для существования? Умар понял, что умма нуждается в порядке. Элементы беззакония должны были быть взятыми под контроль, и энергия, которая ранее израсходовалась на набеги и вражду теперь должна направляться ради совместной деятельности. Очевидным ответом был ряд рейдов газа против немусульманских общин в соседних странах. Единство уммы будет сохранена направленным наружу наступлением. Это позволило бы также повысить авторитет халифа. Арабы традиционно не любили царство и стали бы с подозрением относиться к любому правителю, который предлагает стиль монархии. Но они приняли бы авторитет лидера велущего военную кампанию или вовремя их путешествуя на новые земли. Поэтому Умар назвал себя амиром аль- муминин (повелитель правоверных), и Мусульмане приняли правление, которое рассматривало умму как одно целое, а не когда каждый мог решать сам за себя.

Поэтому под руководством Умара, Арабы ворвались в Ирак, Сирию и Египет, одержав серию удивительных побед. Они одержали вверх над Персидской армией в битве при Кадисии (637), что привело к падению столицы Персидских Сасанидов в Ктесифоне. Как только у них появился личный состав, Мусульмане смогли занять всю Персидскую Империю. Они встретили более жесткое сопротивление в Византийской Империи, и не завоевали территорию в центральной области Византии, в Анатолии. Тем не менее, Мусульмане одержали победу в битве при Ярмук (636) в северной Палестине, захватив Иерусалим в 638 и получив полный контроль над Сирией, Палестиной и Египтом в 641. Мусульманские армии пошли на захват побережья Северной Африки, вплоть до Киренаики , Спустя двадцать лет после битвы при Бадре, Арабы владели порядочными размерами империей. Это расширение продолжилось. Столетие после смерти Пророка, Исламская Империя простиралась от Пиренеев до Гималаев. Казалось, что это было еще

одним чудом и знамением о Божьем расположении к ним. До прихода Ислама к Арабам внешней группы относились с презрением; но в удивительно короткий промежуток времени они нанесли серьезные поражения двум мировым империям. Опыт завоеваний укреплял их чувство, что что-то потрясающее произошло с ними.

Таким образом, членство в умме было трансцендентальным опытом, потому что это выходило за рамки того, что они знали или могли себе представить в своём прошлом. Их успех также поддержал послание Корана, который утверждал, что правильно ориентированное общество должно процветать, потому что это идёт в гармонии с законами Божьими. Посмотрите, что произошло, как только они подчинились воле Божьей! Где Христиане увидели Божью руку в явной неудаче и поражении, когда Иисус умер на кресте, там Мусульмане испытали политический успех, в качестве сакраментального и полного откровений Божественном присутствии в их жизни.

Важно, однако, чтобы было ясно, что, когда Арабы вырвались из Аравии они не были побуждаемы сильной властью "Ислама". Западные люди часто думают, что Ислам является жестокой, милитаристской верой, которая вкладывает меч в руки его подданных. Это неточная интерпретация Мусульманских военных экспансий. Не было ничего религиозного в этих кампаниях, и Умар не думал, что получил божественный мандат на завоевание мира. Цель Умара и его воинов была полностью прагматична: они хотели совершать рейды и заниматься общественной деятельностью ради сохранения единства уммы. На протяжении веков Арабы пытались совершать набеги на богатые земли за полуостровами; разница была в том, что на этот раз они столкнулись с вакуумом власти. Персия и Византия были вовлечены на протяжении десятилетий в долгие и изнурительные войны друг с другом. Обе страны были измотаны. В Персии, велась фракционная борьба, и наводнение уничтожило сельское хозяйство страны. Большинство Сасанидских войск были Арабского происхождения и дезертировали во время военных кампаний. В Сирийских провинциях и Северно- Африканский провинциях Византии, местное население было отчуждено религиозной нетерпимостью со стороны Греческой православной организации, и не были склонны идти им на помощь, когда Арабы атаковали, хотя Мусульмане не могли продвинуться вперёд в Византийских землях Анатолии.

Позже, когда Мусульмане основали их большую империю, Исламский закон давал религиозную интерпретацию этого завоевания, разделив мир на Дар аль-Ислам (дом Ислама), который был в постоянном конфликте с Дар аль-Харб (Дом войны). Но на практике Мусульмане признали, что к этому моменту они достигли пределов своего расширения, и сосуществовали мирно с немусульманским миром. Коран не благословляет войны. Он развивает понятие справедливой войны - самообороны, дабы защитить благопристойные ценности, но осуждает убийство и агрессию. Кроме того, как только Арабы покинули полуостров, они обнаружили, что почти все принадлежали к Ахли Китаб, Люди Книги, которые получили подлинные писания от Бога. Поэтому их не заставляли принять Ислам; Действительно, до середины восьмого века, к обращению не принуждали. Мусульмане предполагали, что Ислам является религией для потомков Исаила, а Иудаизм был верой сыновей Исаака. Арабские племена всегда распространяли свою защиту на слабых племён (мавали). После того, как Евреи, Христиане и Зороастрийцы в своей новой Империи стали димми (человек, находящаяся под покровительством), на них не могли устраивать рейды или подвергать нападению. Для Арабов всегда было делом чести относиться к своим постояльцам хорошо, приходить им на помощь, или мстить за урон нанесённый им. Димми платил подушный

налог в обмен на военную защиту, и было разрешено исповедовать свою веру, как Коран предписывал. В реальности, некоторые из Римских Христиан, которые были преследуемы православными Греками за их веру, гораздо более предпочитали правление Мусульман Византии.

Умар был поставлен для поддержания хорошей дисциплины. Арабские солдаты не наслаждались плодами побед; завоеванные земли не должны были быть разделёнными между генералами, но оставлены существующим земледельцам, которые платили арендную плату Мусульманскому государству. Мусульманам не было разрешено селиться в городах. Вместо этого новые гарнизонные города (Амсар) были построены для них в стратегических местах: Куфе в Ираке, Басре в Ираке, Кум в Иране, и Фустат на вершине Нила. Дамаск был единственным древним городом, для того чтобы стать Мусульманским центром. Мечеть была построена в каждом из амсар, где Мусульманские войска участвовали в пятничной молитве. В этих гарнизонных городах, солдат учили жить Исламской жизнью. Умар подчёркивал важность семейных ценностей, был строг по отношению к пьянству, и продвигал добродетель Пророка, который, как и сам халиф, всегда жил скромно. Но гарнизонные города были также Арабскими анклавами, где эти традиции, которым могли бы быть подогнаны к мировоззрению Корана, были продолжены на территории иностранного государства. В таком случае, Ислам в сущности являлся Арабской религией. Любой димми, который обращался становился "постояльцем" одного из племен и втягивался в Арабскую систему.

Но этот период триумфа пришёл к резкому завершению в ноябре 644, когда Умар был зарезан в мечети Медины Персидским военнопленным, который имел обиду на него. Последние годы рашидуна характеризовались насилием. Усман ибн Аффан был избран шестью сподвижниками Пророка в качестве третьего халифа. Он был слабее характером, своих предшественников, но в течение первых шести лет его правления умма продолжала процветать. Усман правил хорошо, и Мусульмане завоевали новую территорию. Они отобрали Кипр у Византийцев, и таким образом, наконец, вытеснили их из восточной части Средиземного моря, и в Северной Африке армия достигла Триполи, сейчас Ливия. На Востоке, Мусульманские войска захватили большую часть Армении, проникли на Кавказ и установили Мусульманское правление, на всём протяжении реки Окс в Иране, Герат в Афганистане, и Синд на Индийском субконтиненте.

Но, несмотря на эти победы, солдаты становились недовольными. Они прошли через большие изменения. За чуть более десятилетний период они сменили суровый кочевой образ жизни на другой образ жизни профессиональной армии. Они провели лето сражаясь и зиму далеко от дома в гарнизонных городах. Расстояния теперь были настолько длинными, что военные кампании были более утомительными, и они проводили меньше грабительских рейдов, чем раньше. Усман по-прежнему отказывался разрешить командирам и богатым Мекканским семьям строить личные поместья в таких странах, как например, которая сейчас называется Ираком, и это сделало его непопулярным, особенно в Куфе и Фустат. Усман также отдалил Мусульман Медины, давая самые престижные посты членам своей семьи Омейядов. Они обвинили его в кумовстве, хотя многие из чиновников Омейядов были очень способными людьми. Усман был, например, назначен Муавием, сыном старого врага Мухаммеда Абу Суфьян, правителем Сирии. Он был хорошим Мусульманином и опытный руководителем, известным своим крепким характером и способностью оценивать обстоятельства.

Но это казалось неправильным Мусульман Медины, которые до сих пор хвастались тем, что являются Ансарами (помощники) Пророка, что они были обделены вниманием потомков Абу Суфьян. Чтецы Корана, знавшие Писание наизусть и ставшие главной религиозной властью, также были возмущены, когда Усман настаивал, что только одну версию священного текста можно использовать в гарнизонных городах, и запретил разночтения, которые многие из них предпочитали, но в которых были отличия в незначительных деталях. Все чаще недовольные смотрели в сторону Али ибн Аби Талиба, двоюродного брата Пророка, который, кажется, был против политики обоих, и Умара и Усмана, борясь за "права солдат" против центральной власти. В 656 недовольство вылилось в прямой бунт. Группа Арабских солдат из Фустат вернулась в Медину, чтобы выполнить свои обязанности, они окружили простой дом Османа, ворвались, и убили его. Мятежники провозгласили Али в качестве нового халифа.

Первая Фитна

Али казался был очевидным выбором. Он вырос в доме Пророка и была пропитан идеалами, продвигаемыми Мухаммедом. Он был хорошим солдатом и написал вдохновенные письма своим офицерам, которые до сих пор являлись классическими Мусульманские текстами, проповедовал о необходимости справедливости и важности сострадательном отношении к покоренным народам. Но, несмотря на его близость с Пророком, его правление не было общепринятым. Ансар Мединский поддержал Али и тех, Меккинцев которых возмущал рост Омейядов. Он также пользовался поддержкой Мусульман, которые все еще жили традиционным кочевым образом жизни, особенно в Ираке, гарнизонный город Куфа был оплотом Алид. Но убийство Усмана, который, как и сам Али, был зятем Мухаммеда и одним из самых ранних новообращенных в Ислам, было шокирующим событием, которое разожгло пятилетнюю гражданскую войну внутри уммы, которая известна как фитна, время искушения.

После короткой задержки, любимая жена Мухаммеда Айша вместе с ее родственниками Талхой и Зубайром, одним из Меккинских сподвижников Пророка, напали на Али, за то, что тот не наказал убийц Османа. Так как армия находилась в провинциях, мятежники двинулись из Медины в Басру. Али был в трудном положении. Он сам должен был быть шокирован убийством Усмана, будучи набожным человеком он не мог потворствовать. Но его сторонники настаивали на том, что Усман заслужил смерть, так как управлял не справедливо в соответствии с идеалом Корана. Али не мог отречься от своих сторонников и бежал в Куфу, которую он сделал своей столицей. Затем он двинулся на Басру со своей армией, которая легко победила мятежников там в так называемой Битве Верблюда, потому что Айша, которая вела войска, наблюдала битву сидя на спине её верблюда. После своей победы, Али дал своим сторонникам высокие посты, разделил свою казну с ними, но он до сих пор не предоставлял им полные "солдатские права", позволяя им аннексировать Савад, богатую сельскохозяйственную землю в районе Куфы, который отдавал старой Персидская Империи большую часть своих доходов. Он был не в состоянии удовлетворить нужды его собственной партии и также не осуждая убийство Османа, ставил себя в весьма непристойный свет.

Правление Али не было принято в Сирии, где находилась оппозиция во главе с Муавием из столицы в Дамаске. Усман был его родственником, и будучи новым главой семьи Омейядов был должен, как Арабского вождь, отомстить за смерть Усмана. Его поддерживали богатые кланы Мекки и Арабов Сирии, которые ценили его сильное и мудрое правление. Али, вероятно, чувствовал некоторую симпатию к позиции Муавия, и

первоначально не принимал никаких мер против него. Но наблюдая как родственники и сподвижники Пророка готовы были атаковать друг друга глубоко тревожило его. Миссией Мухаммеда было стремление способствовать единству среди Мусульман интеграция уммы, так чтобы она отражала единство Бога. Чтобы предотвратить ужасную возможность развития дальнейшего конфликта, обе стороны пытались договориться об урегулировании в Сиффине в верховьи Евфрата в 657 году, но дискуссия оказалась безрезультатной. Сторонники Муавия поместили копии Корана на наконечниках их копий и призвали нейтральных Мусульман сделать выбор между соперниками в соответствии с Божьим словом. Оказалось, что арбитраж обернулся против Али, и многие из его последователей попытались убедить его согласиться с этим. Чувствуя, таким образом себя уполномоченным, Муавия свергнул Али, послал войска в Ирак и провозгласил себя халифом в Иерусалиме.

Но некоторые из более радикальных сторонников Али отказались принять арбитраж и были шокированы подчинением Али. По их мнению, Усман не жил в соответствии со стандартами Корана. Али пошёл на компромисс со сторонниками несправедливости, не сумев исправить ошибки, совершенные Усманом и был, следовательно, не истинным мусульманином. Они вышли из уммы, которая, как они утверждали предала дух Корана, и создали свой собственный лагерь с независимым командиром. Али подавляет этих экстремистов, которые стали известны как хариджиты (восставшие), уничтожив повстанцев, но движение нашло сторонников по всей империи. Многие из них были возмущенные кумовством правления Османа и хотели реализовать эгалитарный дух Корана. Хариджитов всегда было меньшинство, но их положение было важно, так как это было первым случаем важного мусульманского отклонения, в результате чего политики повлияли на мораль уммы и что привело к развитию новой теологии. Хариджиты настаивали, что правитель Исламского общества не должен быть самым властным, но самым посвященным Мусульманином; халифы не должны искать власти как Муавии. Бог дал людям свободную волю, поскольку Он был справедлив, Он бы наказал преступников таких, как Муавия, Усман и Али, которые предав Ислам стали отступниками. Хариджиты были экстремисты, но они заставили Мусульман задуматься о том, кто был и кто не был Мусульманином. Политическое руководство было так же важно, как и религиозная идея, что привело к дискуссии о природе Бога, предопределении и свободе человека.

Жестокое отношение Али из Хариджитам стоило ему большой поддержки, даже в Куфе. Муавия сделал прочное усиление, и многие из Арабов оставались нейтральной. Вторая попытка в арбитраже, который пытался найти другую кандидатуру для халифата, не удалась; Армия Муавия разгромила сопротивление его правлению в Аравии, и в 661 году Али был убит Хариджитом. Те, кто остался верен делу Али в Куфе шумно приветствовали сына Хасана, но Хасан, пришёл к соглашению с Муавием исходя из финансовых соображений, удалился в Медину, где он жил без дальнейшего участия в политической жизни вплоть до своей смерти в 669 году.

Умма, таким образом, вступила в новую фазу. Муавий сделал Дамаск своей столицей и приступил к восстановлению единства Мусульманской общины. Но модель была установлена. Мусульмане Ирака и Сирии в настоящее время чувствовали антагонистически по отношению друг к другу. Оглядываясь в прошлое, Али считался сдержанным, благочестивым человеком, который был побежден логикой реальной политики. Убийство человека, который был первым мужчиной, обращённым в Ислам и являлся ближним родственником Пророка мужского пола, по праву считается позорным

событием, которое создает серьезные вопросы о нравственной целостности уммы. По общему убеждению Арабов, Али считалось унаследовал некоторые из исключительных качеств Пророка, и его потомков мужского пола почитали как ведущую религиозную власть. Гибель Али, человека, которого предали свои друзья также и его врагами, стала символом несправедливости жизни.

Время от времени, Мусульмане, которые протестовали против поведения правящего халифа отступали от уммы, как и Хариджиты, призывали всех истинных Мусульман присоединяться к их борьбе (джихад) за высшие Исламские нормы. Они часто утверждали, что они принадлежат к Шиитам Али, сторонникам Али.

Другие, однако, заняли более нейтральную позицию. Они были потрясены убийственными разделениями, которые разрывали умму на части, и с этого времени единство стало самым важным значением в Исламе, чем когда-либо. Многие были недовольны Али, но было видно, что Муавия были далеки от идеала. Они начали смотреть в прошлое на период четырех Рашидун как на время, когда Мусульманами правили люди набожные, которые были близки к Пророку, но были сброшены преступниками. События первой фитны стали символическими, и соперничающие стороны обратили внимание на эти трагические инциденты, в то время как они боролись, дабы понять их Исламское призвание. Все пришли к соглашению, однако, что переход от Медины, в столицу Пророка и рашидунов, что Дамаск Омейядов был более, чем политически целесообразным. Умма, казалось, отходила от мира Пророка, и была в опасности потери своей значимости. Более благочестивые и озабоченные Мусульмане решены были найти новые пути чтобы вернуть её на правильную дорогу.

2. РАЗВИТИЕ

Омейяды и вторая Фитна

Муавии Халифу (661-80) удалось восстановить единство империи. Мусульмане были в ужасе от фитны и осознали, насколько уязвимы они были в своих гарнизонных городах, изолированные от своих собратьев Арабов, в окружении потенциально враждебных субъектов. Они просто не могли позволить себе такую смертельную гражданскую войну. Они хотели сильное правительство, и Муавия способный правитель, был в состоянии дать им это. Он возродил систему Умара отделения Арабских Мусульман от другого населения, и, хотя некоторые Мусульмане в Аравии всё ещё агитировали за право строить поместья на оккупированных территориях, Муавия продолжал запрещать это. Он также не одобрял обращение и построил эффективную администрацию. Таким образом, Ислам оставался религией элиты Арабских завоевателей. Сначала Арабы, которые не имели никакого опыта имперского правления, опирались на опыт не Мусульман, которые служили предыдущим Византийским и Персидским режимам, но постепенно Арабы начали вытеснять димми с высших постов. В течение следующего столетия, халифы династии Омейядов постепенно превращали разрозненные регионы, завоеванные Мусульманскими армиями в единую империю, с общей идеологией. Это было большим достижением; но двор, естественно, начал развивать богатую культуру и роскошный образ жизни, и стал неотличим во многом от любого другого правящего класса.

В этом была дилемма. Было обнаружено, после многовекового опыта, что абсолютная монархия была единственно эффективным способом правления в до модернистской империи основанном на аграрной экономике и это было намного более достаточным, чем военная олигархия, где командиры, как правило, боролись за власть один с другим.

Идея создания одного человека, настолько привилегированным, что богатых и бедные уязвимы перед ним претит нам в наш век демократической эпохи, но мы должны понимать, что демократия стала возможной благодаря индустриальному обществу, которая имела технологию, чтобы воспроизводить свои ресурсы неограниченно: это не был вариант перед наступлением Западной модернизации. В до-современном мире, монарх, был настолько мощным, что не имел соперников и ему не нужно было бороться, он мог урегулировать большие разногласия и не имел оснований игнорировать просьбы тех, кто заступался за бедных. Настолько сильно было предпочтение монархии, что, как мы увидим, даже когда местные правители обладали реальной властью в крупной империи, они по-прежнему зависели от слов короля и действовали как его вассалы. Халифы Омейядов управляли обширной империей, которая продолжала расширяться под их властью. Они считали, что они должны были стать абсолютными монархами также для того, чтобы сохранить мир, но как это соотносить с Арабскими традициями, с одной стороны, и с радикальным эгалитаризмом Корана с другой?

Первые халифы Омейядов не были абсолютными монархами. Муавия всё еще правил в качестве Арабского лидера, первый среди равных. Арабы никогда не доверяли царскому правлению, которое было не осуществимо в регионе, где многочисленным мелким группам приходилось конкурировать из-за нехватки ресурсов. У них не было системы династического правления, так как они всегда нуждались в наличии самого лучшего человека в качестве управленца. Но фитна показала опасность преемственности. Было бы неправильно думать о Омейядах как о «светских» правителях. Муавия был религиозным человеком и набожным Мусульманином, основывающимся на преобладающем понятием Ислама. Он был посвящен неприкосновенности Иерусалима, первой Мусульманской киблы и дома такого большого числа великих пророков прошлого. Он упорно старался сохранить единство уммы. Его правление было основано на Кораническом учении, что все Мусульмане являются братья и не должны бороться друг с другом. Он давал димми религиозную свободу и личные права на основе учения Корана. Но опыт фитны убедил некоторых Мусульман, таких как Хариджиты, что Ислам должен значить больше, чем это, как в государственной, так и в частной сфере.

Следовательно существовал потенциальный конфликт между потребностями аграрного государства и Ислама, и это стало трагически ясно, после смерти Муавия. Он уже понял, что должен отойти из Арабских традиций в целях обеспечения преемственности, и прежде чем он умер, он организовал вступление в должность его сына, Йазида I (680-83). Но сразу же возникли протесты. В Куфе, верные Алиды призвали к правлению второго сына Али, Хусейна, который отправился из Медины в Ирак с небольшой группой последователей, вместе с их женами и детьми. В то же время, Куфаны были запуганы местным губернатором Омейядов и отказали в своей поддержке. Хусейн отказался сдаться, тем не менее, будучи убежденным, что семья Пророка всегда искала верных Исламским ценностям чтобы напомнить умме её первейший долг. На равнине Кербела, недалеко Куфе, он и его последователи были окружены войсками Омейядов и убиты. Хусейн умер последним, держа маленького сына на руках. Все Мусульмане оплакивают эту трагическую смерть внука Пророка, но судьба Хусейна сфокусировала взгляд тех, кто считал себя Шиитами Али, ещё более интенсивно на потомках Пророка. Как и

убийство Али, трагедия Кербела стала символом Мусульман Шиитов хронической несправедливости, которая, кажется, проникает в человеческую жизнь; это также, показало невозможность интегрировать религию в суровый мир политики, которая, казалось, убийственно антагонистическим по отношению к религии. Еще более серьезным было восстание в Хиджазе во главе с Абдаллой ибн аль-Зубайр, сыном одного восставшего против Али при Битве Верблюда; это было также попыткой вернуться к нетронутым значениям первой уммы, отобрав власть у Омейядов и восстановить власть в Мекке и Медине. В 683 войска Омейядов взяли Медину, но сняли осаду с Мекки в суматохе, последовавшей за преждевременной смертью Язида I и его малолетнего сына Муавия II в этом году. И снова умма была разрываемая гражданской войной. Ибн аль-Зубайр получил широкое признание в качестве халифа, но он был изолирован в Хиджазе, когда Хариджистские повстанцы установили независимое государство в Центральной Аравии в 684 году; были и другие восстания Хариджитов в Ираке и Иране; Шииты подымались в Куфе, чтобы отомстить за смерть Хусейна, а также содействовать продвижению кандидатуры другого сына Али. Все участники восстания утверждали эгалитаристские идеалы Корана, но это были Сирийские силы, которые шли во имя Марвана, Омейядского двоюродного брата Муавия I, и его сына Абд аль-Малика. К 691 году они разбили всех повстанцев и одержали победу, и убили самого Ибн аль-Зубайра.

Абд аль-Малику (685-705) удалось восстановить правление Омейядов, и последние двенадцать лет его правления были мирными и процветающими. Он еще не был абсолютным монархом, но после второй фитны он явно стремился к этому. Он поддерживал единство уммы против местных Арабских вождей, положил конец восстаниям и преследовал определенную политику централизации. Арабский заменил Персидский язык в качестве официального языка империи; впервые появились Исламские монеты, украшенные фразами из Корана. В Иерусалиме, Купол Скалы был завершена в 691 году, первый крупный Исламский памятник, который с гордостью утверждал превосходство Ислама в этом святом городе, в котором находилось Христианское большинство. Он объявлял, что Ислам пришел, чтобы остаться. Купол также заложил основы уникального архитектурного и художественного стиля Ислама. Не существовало метафорического искусства, которое могло отвлечь верующих от превосходства, которое не могло быть адекватно выраженным в человеческой образности. Вместо этого, внутренность Купола была украшена стихов из Корана, в Словом Божьим. Сам Купол, который стал характерно Мусульманской архитектурой, является символом, возвышающим духовное восхождения к небу, к которому все верующие стремятся, но оно также отражает идеальный баланс Таухида. Его внешний вид, который простирается по направлению к Небесам, является точной копией своего внутреннего размаха. Он показывает то, как человеческое и божественное, внутренний и внешний миры дополняют друг друга, как две половинки единого целого. Мусульмане становились все более уверенными, и начали выражать своё собственное уникальное духовное видение.

В этом изменяющемся климате, строгие правила, которые изолировали Мусульман от покоренных народов медленно ослабевали. Не мусульмане начали селиться в гарнизонных городах; сельские жители получили работу в Мусульманских районах и научились говорить по-арабски. Торговцы начали торговать с Мусульманами, и даже если обращение еще не поощрялось, некоторые чиновники даже приняли Ислам. Но, как старая сегрегация потерпела неудачу, население начало возмущаться привилегиями Арабских Мусульман. Подавление Хариджитов и Шиитов оставило плохое впечатление, и Абд аль-Малик знал о появлении нового Исламского движения в Аравии в

гарнизонных городах, движение настаивало на более строгое применение Исламских идеалов. Абд аль-Малик был заинтересован в этих новых идеях, но утверждал, что Коран поддержал его политику. Некоторые из этих новых набожных людей, однако хотели, чтобы Коран занял более активную роль и показал путь вместо того, чтобы быть использованным просто в качестве поддержки или опоры.

Религиозные движения.

Гражданские войны подняли много важных вопросов. Как могло общество, убившее своих набожных лидеров (Имамов) говорить, что руководствуется Богом? Какой человек должен вести умму? Должен ли халиф быть самым благочестивым Мусульманином (как полагают Хариджиты), прямым потомком Пророка (как утверждали Шииты), или должны ли верные принять Омейядов, со всеми их недостатками, в интересах мира и единства? Были ли Али или Муавия правы во время первого фитны? Насколько Исламским было государство Омейядов? Могли ли правители, которые жили в такой роскоши и попустительстве бедности подавляющего большинства народа быть истинными Мусульманами? И что о положении не арабов, обращённых в Ислам, которые должны были стать "клиентами" одного из Арабских племен? Не наводит ли это на мысли о шовинизме и несправедливости, что являлось несовместимым с Кораном?

Насколько мы знаем, именно из-за этого начали появляться политические дискуссии о религии и благочестии Ислама. Чтецы Корана и другие заинтересованные люди задавались вопросами, что это на самом деле означает быть Мусульманином. Они хотели, чтобы их общество было в первую очередь Исламским и во вторую Арабским. Коран говорил об унификации (Таухид) человеческой жизни, что означает, что все действия человека и все институты государства должны выражать фундаментальное подчинение воле Божьей. В это созидательной стадии становления своей истории, Христиане часто проводили оскорбительные дискуссии о природе и личности Иисуса, которые помогали им развить их отличительные взгляды на Бога, спасение и состояние человека. Эти напряжённые дебаты о Мусульманском политическом руководстве уммы после гражданских войн сыграли свою роль в Исламе, что было похоже на большие Христологические дебаты четвертого и пятого веков в Христианстве.

Прототипом и высшим примером этого нового Мусульманского благочестия был Хасан аль-Басри (умер 728), который был воспитан в Медине в кругах, близких к семье Пророка, и пережил смерти Усмана. Позже он переехал в Басру, где он развил духовность, основанную на презрении к мирским благам, которая вела обратно к аскетичной жизни Пророка. Хасан стал самым известным проповедником в Басре, и его скромный образ жизни стал красноречивой и антиправительственной критикой роскоши двора. Хасан инициировал религиозную реформу в Басре, обучая своих последователей глубокому размышлению над Кораном, что самоанализ и полное подчинение воле Божьей были источником истинного счастья, так как они уничтожали напряжённость между человеческими желаниями и тем, что Бог желает для мужчин и женщин. Хасан поддерживал Омейядов, но дал понять, что он оставляет за собой право критиковать их, если они это заслужили. Он предпочёл теологию, которая изучала декреты (Кадар) Бога. Люди имели свободную волю и были ответственны за свои действия; им не было предопределено действовать определённым образом, так как Бог являлся справедливым и не стал бы указывать им жить целомудренно, если это не было бы в их силах. Поэтому халифы должны нести ответственность за свои поступки, и должны быть призваны к

ответу, если они не были послушны учению Бога. Когда халиф Абд аль-Малик услышал, что Хасан распространял потенциально мятежную доктрину, он вызвал его в суд, но Хасан был настолько популярен, что халиф не смел наказать его. Хасан начал сильную Мусульманскую традицию объединения дисциплинированной внутренней жизни с политической оппозицией правительству. Джабариты приняли правление Омейядов, потому что, казалось только они смогли сохранить единство уммы; поэтому они выступили против Хариджитов, которые постановили, что Омейяды являлись отступниками и заслуживали смерти. Ученик Хасана ибн Ата Васан основал небольшую школу, которая "удалялась" (итазаху) от этих двух крайностей. Мутазилиты согласились с Джабаритами в подчеркивании свободной воли человека, в осуждении роскошного образа жизни двора и в их настоянии о равенстве всех Мусульман. Но акцент Мутазилитов на Божьей высокой справедливости по отношению к Мусульманам, которые вели себя по отношению к другим эксплуататорски. Встречая политический вопрос, они "удалялись" от вынесения суждения относительно правоты Али или Муавия, поскольку они утверждали, что только Бог может знать, что было в человеческих сердцах. Это очевидно было противоположным экстремизму Хараджитов, но тем не менее Мутазилиты часто были политическими активистами. Коран говорит Мусульманам "призывай к добру и запрещай зло", и так же как Хараджиты, некоторые из Мутазилитов отнеслись к этому очень серьезно. Некоторые поддержали восстания Шиитов; другие, такие как Хасан аль Басри, подвергали осуждению правителей, которые не жили по идеалу Корана. Мутазилиты будут доминировать в интеллектуальной жизни Ирака на протяжении более века. Мутазилиты разработали рационалистическую теологию (калам), которая подчеркивала строгую простоту и единство Бога, которые должны были отражаться в целостности уммы.

Мурджииты, другая школа, также отказалась судить между Али и Муавией, так как это имело отношение к внутреннему человеку. Мусульмане должны "отложить" осуждение, в соответствии с Кораном. Поэтому, Омейядов не следует судить предвзято или свергать как незаконных правителей до того, как они совершили что-нибудь, чтобы заслужить это, но их должны строго упрекнуть, если они противоречат нормам Писания. Самым известным сторонником этой школы был Абу Ханифа (699-767), купец из Куфы. Он принял Ислам и стал основателем новой дисциплины в юриспруденции (фикх), которая будет иметь огромное влияние для Исламской набожности и станет основной дисциплиной высшего образования в Мусульманском мире. Фикх также имеет свои истоки в массовое недовольство после гражданских войн. Мужчины собирались в домах друг друга или в мечетях, чтобы обсудить недостатки правительства Омейядов. Каким образом можно развивать общество по Исламским принципам? Юристы хотели установить точные правовые нормы, которые сделают повеление Корана о построении справедливого общества отдавшись целиком и полностью Божьей воле, реальной возможностью, а не набожным сном. В Басре, Куфе, Медине и Дамаске эти ранние юристы (факихы) разработали правовую систему для их конкретной местности. Их проблема была в том, что Коран содержит очень мало законодательства которое было предназначено для более простого общества. Таким образом, некоторые из юристов начали собирать «новости» или «доклады» (хадисы; единственное: хадис) о Пророке и его сподвижниках, чтобы выяснить, как они вели себя в подобной ситуации. Другие взяли обычную практику (сунна) Мусульман в качестве отправной точки, и попытались проследить в прошлом. Таким образом, по их мнению, они бы получили истинное познание о жизни, знание о том, что было правильным, и как себя вести. Абу Ханифа стал величайшим правовым экспертом периода Омейядов и основал школу (мазхаб) юриспруденции, которой Мусульмане до сих пор следуют сегодня. Он мало писал сам,

но его ученики сохранили его учение для потомков, в то время как более поздние юристы, которые слабо отличающиеся теории, основали новые мазхабы. Исламская история возникла из того же рода дискуссионных кружков. Для того, чтобы найти решение своих текущих трудностей, Мусульмане приходили к заключению, что им нужно было оглянуться назад на период Пророка и Рашидуна. Должен ли халиф быть членом племени Курайшитов, или являться потомком одного из Ансар? Выражал ли Мухаммед своё мнение об этом? Какие распоряжения оставил Мухаммед о преемственности. Что произошло на самом деле, после убийства Усмана? Историки, такие как Мухаммад ибн Исхак (умер. 767) начали собирать хадисы, которые объясняли некоторые из отрывков Корана, имеющие отношение к историческим обстоятельствам, в которых Пророк получал особое откровение. Ибн Исхак написал подробную биографию (Сира) пророка Мухаммеда, в которой подчеркивается добродетель Ансара и беззаконие Мекки, которая выступала против Мухаммеда. Он явно склонялся к позиции Шиитов, что не приемлемо для Мусульман быть под властью потомков Абу Суфьян. История, таким образом, стала религиозной деятельностью, которая оправдывала принципиальную оппозицию по отношению к режиму.

Поэтому политическое здоровье уммы являлось центральным местом в формирующемся благочестии Ислама. В то время как халиф и его руководство боролись с проблемами, которые подстерегали любую аграрную империю, и пытались разработать мощную монархию, набожные были категорически против любого такого решения. Поэтому в самой ранней стадии, поведение и политика правителя приобрели религиозное значение, что отразилось сильным эхом в аскетизме, мистике, духовной юриспруденции и раннем теологическом обсуждении Мусульманского мира.

Последние годы Омейядов (705-750)

Несмотря на неодобрение более набожных, Абд Аль-Малик был в состоянии гарантировать, что его сын аль-Валид I станет его приемником: впервые был принят династический принцип в Исламском мире без возражений. Династия Омейядов достигла своего апогея. Под правлением Аль-Валида, Мусульманские армии продолжили завоевание Северной Африки, и установили царство в Испании. Это положило предел Западной экспансии Ислама. Когда Карл Мартелл разбил Мусульманские войска в Пуатье в 732 году, это не было расценено Мусульманами как что то ужасное. Люди запада часто преувеличивают важность Пуатье, который был не Ватерлоо. Арабы не чувствовали принуждения, религиозного или другого, завоевать западное Христианство во имя Ислама. На самом деле, Европа казалась непривлекательной для них: там было мало возможностей для торговли в том примитивном болоте, мало трофеев и ужасный климат.

К концу правления Умара II (717-20), империя была в беде. Любая до модернистская империя имела ограниченную продолжительность жизни; основанная, как это было на аграрном изобилии, то неизбежно наступило бы время, когда большое, расширяющееся государство истощала свои ресурсы. Умар должен был заплатить за катастрофическую попытку завоевать Константинополь, которая не только привела к неудаче, но к тяжелой потере живой силы и техники. Умар был первым халифом, который поощрял обращение димми в Ислам, и они были готовы присоединиться к этой динамической новой вере, но так как они больше не должны были платить подушный налог (джизья), новая политика привела к резкому снижению доходов. Умар был набожным человеком, который был воспитан в Медине и находился под влиянием религиозного движения. Он попытался

смоделировать его поведение на том, что рашидун подчёркивал идеал Исламского единства, относился ко всем провинциям на равной основе (вместо выделения Сирии) и был гуманным по отношению к димми. Он был очень популярен, но его Исламские стратегии, которые расположили его по отношению к благочестивым, не являлись хорошими для экономики больной империи. Правления его преемников были подчёркнуты восстаниями и громкими выражениями недовольств.

Не имело большой разницы если халифы были развратными, как Язид II (720-24), или набожными, как Хишам I (724-43). Хишам был сильным и эффективным халифом, который смог вернуть империю на более прочную экономическую основу, но он добился этого, сделав государство более централизованным и его правление было более самодержавным. Он становится все более похож на обычного монарха, и империя выиграла от этого в политическом плане. Проблема в том, что этот тип самодержавия претит правоверным, и принципиально Исламу. Было ли это невозможным руководить государством на принципах? Шииты стали более активными. Их лидеры утверждали, что берут начало от Али, полагая, что УЖЦ (управление жизненным циклом) позволит Мусульманам инициировать справедливое общество будучи наиболее полно сохранённым в семье Мухаммеда и что должны править они одни. Более радикальные Шииты обвинили во всех присутствующих проблемах уммы первых трех рашидунов (Абу Бакра, Умара и Усмана), которые должны были позволить Али взять руководство в первую очередь. Многие из более экстремальных Шиитов (известные как гулаты: преувеличивающие) были обращёнными и принесли с собой некоторые из своих старых убеждений в Ислам. Они рассматривали Али как инкорнацию божества (как Иисус), верили, что лидеры Шиитов, которые были убиты в восстании находились во временном "утаивании" и вернутся в торжественно утопическом царстве справедливости и мира в Последние Дни.

Но религиозные люди были не единственными, кто чувствовал себя отчужденным от правления Омейядов. Обращенные в Ислам (мавали: клиенты) возражали против их статуса второго класса. Были племенные разногласия среди Арабских Мусульман, некоторые из них хотели осесть и интегрироваться с покоренными народами и другими, которые хотели продолжать старые экспансионистские войны. Но Исламские настроения стали настолько широко распространяться, что почти все различные восстания и мятежи приняли религиозную идеологию. Это было, конечно верно относительно мятежа, которое наконец свергло династию Омейядов. Фракция Аббасидов извлекла выгоду из широко распространённого желания видеть члена семьи Мухаммеда на троне, и подчеркнула происхождение своего лидера от дяди Пророка Аббаса и его сына Абдаллаха, одного из наиболее выдающихся ранних чтецов Корана. Они начали собирать поддержку в Иранских провинциях в 743 году, занимают Куфе в августе 749 года, и одерживают победу над последним халифом Омейядов, Мансурае II в Ираке, в следующем году. Когда они наконец, покорили империю, халифы из династии Аббасидов торжественно ознакомили совсем другой вид общества.

Аббасиды: высокий халифатский период (750-935)

Аббасиды получили поддержку тщательно демонстрируя себя в света Шиитов, но придя к власти, они скидывают с себя этот религиозный камуфляж и показывают, что полны решимости создать халифат абсолютной монархии традиционным аграрным способом. Абу аль-Аббас Аль-Сафат (750-54), первый халиф Аббасидов, жестоко убивает Омейядов которых он мог найти. До настоящего времени поголовное истребление

благородной Арабской семьи было бы немыслимо. Халиф Абу Джафар аль-Мансур (754-75) убил всех лидеров Шиитов, которых он считал опасными для его правления. Эти халифы дали себе титулы выражающие божественное право королей. Аль-Мансур кратко указал, что Бог окажет ему “особую помощь” для достижения победы; его сын называл себя аль-Махди (Ведомый), термин, используемый Шиитами для описания лидера, который установит век справедливости и мира.

Халиф аль-Махди (775-85), выбрав этот титул, возможно пытался расположить Шиитов по отношению к себе после кровопролития, совершенного его отцом. Аббасиды были хорошо осведомлены о недовольстве, которое помогло им свергнуть Омейядов и понимали, что должны сделать уступки группам недовольных. Не смотря на то, что они были Арабами, их победа закончила старую практику предоставления Арабам привилегированного положения в империи. Они перенесли свою столицу из Дамаска в Ирак, сначала установили в Куфе, а затем в Багдаде. Они обещали относиться км всем областям одинаково и не допускать какого-либо статус для особый этнической группы. Их империя была эгалитарной, это давало возможность любому способному человеку попасть во двор и администрацию. Но переход из Куфы в Багдад был значительным. Халифы оставили в прошлом атмосферу гарнизонного города, который был построен на старой модели и сделали каждый квартал равным и независимым. Центром Багдада был знаменитый “круглый город”, в котором располагалась администрация, двор и королевская семья. Базары, дома ремесленников и слуг были отнесены на периферию. Багдад был построен в удобном месте, рядом с Тигром и близко к Саваду, сельскохозяйственной базе в Ираке. Но это было также близко к Ктесифону, столице персидских Сасанидов, новый халифат был смоделирован на старом доисламском самодержавии.

Ко времени халифа Гаруна аль-Рашида (786-809), трансформация была завершена. Аль-Рашид правил в стиле старого абсолютного монарха, не как рашидун. Он был изолирован от окружения; старая неформальность, которая характеризовала жизнь во время правления первых халифов была заменена скрупулёзным великолепием. Придворные целовали землю, когда приходили в его присутствии, таким образом это было невозможно представить в те дни, когда Арабы падали ниц только перед Богом. Когда к Пророку всегда обращались неформально по имени, как и к любому другому смертному, халифа рассматривали как "Тень Бога на земле." Позади него стоял палач, чтобы показать, что халиф имел власть над жизнью и смертью. Халиф сам больше не руководил делами уммы, но оставил правление своему визирю. Его роль была быть в роли суда конечной инстанции, за пределами досягаемости фракций и политиканства. Он вёл молитвы по пятницам после обеда и направлял свою армию в крупных сражениях. Однако сама армия изменилась, Она больше не была народной армией, открытой для любого Мусульманина, но Персидским корпусом, которые помогли Аббасидам во власти и на них смотрели как на личные войска халифа.

Это было, конечно отвратительным для религиозного движения, члены которого имели большие надежды на Аббасидов, когда они впервые пришли к власти. Но тем не менее это было не Исламским, новый халифат достиг политического и экономического успеха в ранние дни. Ролью халифа было обеспечение своих подданных безопасностью, и под Харун аль-Рашидом, когда халифат был на своем пике, империя наслаждалась беспрецедентным миром. Восстания жестоко подавлялись, и население могло видеть, что быть в оппозиции этому режиму было бессмысленно, но на верху были люди способные жить более нормально, безмятежно живя. Харун аль-Рашид был покровителем искусств

и науки, и вдохновил на большое культурное возрождение. Литературная критика, философия, поэзия, медицина, математика и астрономия процветала не только в Багдаде, но в Куфе, Басре и Харране. Димми принимали участие в этом процветании, переводя философские и медицинские тексты классического Эллинизма с Греческого и Сирийского языков на Арабский.

Таким образом основываясь на изучении прошлого, которое стало доступным для них, Мусульманские ученые сделали больше научных открытий в течение этого времени, чем в целом во всей ранее истории. Также промышленность и торговля процветали, элита жила в изысканности и роскоши. Но было трудно увидеть, каким образом этот режим следовал по пути Ислама. Халиф и его окружение жили в полной изоляции, которая не могла более резко контрастировать с аскетизмом Пророка и рашидуна. Далеко от ограничения четырьмя женами, предусмотренными в Коране, они имели огромные гаремы, как Сасанидских монархи. Тем не менее, у религиозных реформаторов не было выбора, кроме как принять Аббасидов. Ислам является реалистичной и практичной верой, которая обычно не поощряет дух мученичества или принятие бессмысленных рисков.

Этот реализм был особенно очевидным среди Шиитов. После трагической смерти Хусейна в Кербеле, его непосредственные потомки жили уединенной и набожной жизнью в Медине, хотя многие считали их законными Имамами уммы. Старший сын Хусейна Али Зайн аль Абидин-(умер в 714) был известен как четвёртый Шиитский Имам, так как он следовал Али, Хасану и Хусейну, являлся мистиком и оставил красивый сборник молитв. Мухаммад аль-Бакир, Пятый Имам (735) разработал эзотерический метод чтения Корана: каждое слово, каждый стих имел скрытый (Батин) смысл, который можно было различить только с помощью мистических техник концентрации, схожих с разработанными во всех мировых вероисповеданиях, чтобы открыть доступ к созерцательным внутренним областям их бытия. Этот скрытый смысл (Батин)толковал новое учение аль-Бакира имамата. Его брат Зайд ибн Али был политическим активистом и был в конечном счете убит в мятеже против Омейядов в 740 году. Говоря о заявлении Зайда на право быть Имамом своего времени, аль-Бакир утверждал, что правление Пророка передавалось по линии непосредственным потомкам Али. Каждый из Имамов выбирал своего преемника и передавал эзотерические знания, которые позволяли ему открыть священный смысл Писания. Только Имам, который получил это специальное указание (насса) от своего предшественника являлся законным лидером Мусульман. Аль-Бакир-получил это указание от своего отца; Зайд нет. В 740 году, аль-Бакир получил несколько последователей; большинство Шиитов предпочли революционную политику Зайда мистическому созерцанию аль-Бакира, но после беспощадного подавления Аббасидами несогласных Шиитов, они были готовы слушать Джафара аль-Садика (умер в 765), шестого Имама, который был заключен в тюрьму халифом аль-Мансуром. Аль-Садик подтвердил и развил учение о насса, заявив, что, хотя он, будучи назначенным Имамом, являясь истинным лидером уммы, он не станет выражать свои претензии на халифат. Впредь Имам будет духовным учителем; он передаст божественное управление жизненным циклом (УЦЖ) своему поколению и направит их в Батин (внутренний или скрытый смысл) чтении Корана, но Шииты должны придерживаться своих доктрин и политических убеждений в этом опасном политическом климате.

Но это привлекало только мистически склонную элиту. Большинство Мусульман нуждались в более доступном благочестии, и они нашли его в новом виде посвящения,

который впервые появился в конце периода Омейядов, но получила известность только во время правления Гаруна аль-Рашида. Это было схоже с Христианским посвящением Иисусу, так как он рассматривал Коран как несотворенное Слова Божие, которое существовало с ним от вечности, и которые приняло плоть, как если бы это было, и человеческую форму в Писании показанному Мухаммеду.

Мусульмане не могли видеть Бога, но они могли слышать его каждый раз, когда они слушали чтение Корана, и чувствовали, что вошли в божественное присутствие. Когда они произносили вдохновенные слова, речь Божья была на их языках и в устах их; они несли его в своих руках, когда несли священную книгу. Это ужасало на Мутазилитов, так как это оскорбляло их рациональное благочестие и их сильное чувство единства и полной простоты Бога. Такая доктрина, казалось, делала Коран вторым божеством. Но, так же как эзотерические Шииты, Мутазилиты были интеллектуальным меньшинством, и такое посвящение Корану стало чрезвычайно популярным. Приверженцы его были известны как Ахль-аль-хадис, Люди Хадис, потому что они настаивали, что Мусульманский закон должен быть основан на очевидцах, "отчетах" о правилах поведения и обычной практике (сунна) Пророка. Они не согласились с последователями Абу Ханифа, который считался необходимым для юристов, чтобы использовать свои полномочия "независимые умозаключения" (иджтихад), утверждая, что они должны иметь свободу выпускать новые законы, даже если они не могут быть основаны на хадисе или высказывании Корана.

Ахль аль-хадисы, следовательно, были консерваторами; они были влюблены в идеализированное прошлое; они почитали всех рашидунов, и даже Муавию, которые были одними из сподвижников Пророка. В отличие от Мутазилитов, которые часто были политические активными, они настаивали, что обязанность "приказывать добро и запрещать зло" была только для очень малого количества людей; простые люди должны подчиняться халифу, какими бы ни были его религиозные права. Это было привлекательным для Харун аль-Рашида, который должен был примирить более благочестивые движения и санкционировать антиреволюционную тенденцию ахль аль-хадиса. Мутазилиты потеряли поддержку в Багдаде, и люди хадиса чувствовали себя уверенно чтобы изгнать их социально. По случаю, по их просьбе, правительство даже вкинуло в тюрьму лидеров Мутазилитов.

Аббасиды узнали о силе религиозного движения и, как только они создали свою династию, они попытались придать их режиму Исламскую легитимность. Поэтому они поощряли развитие фикхи для регулирования жизни населения. Раскол развивался в империи. Жизнь простых людей в реальности будет регулироваться шариатом, как был назван Исламский закон, но Мусульманские принципы не преобладали в придворных кругах, ни среди высших должностных лиц правительства, которые придерживались более авторитарным нормам доисламского периода, для того чтобы создать государство Аббасидов в обозримом будущем.

Во время правление Омейядов, каждый город имел свой собственный фикх, но Аббасиды заставляли юристов развивать более единую систему права. Характер Мусульманской жизни резко изменился со времён Корана. Так обращение в Ислам было рекомендовано, зимми становились меньшинством. Мусульмане не были больше маленькой элитной группой, изолированными от немусульманского большинства в гарнизонных городах. Теперь они были большинством. Некоторые из Мусульман недавно пришли к вере, и по-прежнему были пропитаны их старыми верованиями и

практиками. Более рациональная система и признанный религиозный институт были обязаны регулировать Исламскую жизнь масс. Начал появляться особый класс алимов (религиозных ученых; единственное: Алим). Судьи (кади) получили более тщательную подготовку, и оба аль-Махди и аль-Рашид поощряли изучение закона, сделавшись покровителями фикха. Два выдающихся ученых оказали неизгладимый вклад. Малик ибн Анас (умер в 795) в Медине составил сборник, который он назвал аль-Муватта (проторенный путь). Это был всеобъемлющим отчет закона и религиозной практики Медины, которая, как полагал Малик, до сих пор сохранился оригинальный сунне сообщества Пророка. Ученики Малика развивали его теории в школе Малика (мазхаба), которая стала преобладать в Медине, Египте и Северной Африке.

Но другие не были убеждены, что Медина нынешних дней была действительно надежным ориентиром по направлению к чистому Исламу. Мухаммад Идрис ибн аль-Шафии (умер в 820), который родился в нищете в Газе и учился с Маликом в Медине, доказывал, что было небезопасно полагаться ни на один Исламский город, какой бы великой ни была родословная. Вместо это вся юриспруденция должна быть основана на хадисах о Пророке, которого надо рассматривать в качестве вдохновлённого истолкователя, а не просто как носителя Корана. Заповеди и законы Писания могут быть поняты в свете слов и действий Мухаммеда. Но, Шафии настаивал, что каждый хадис должен надежно поддерживаться цепью (иснад) благочестивых Мусульман ведущей непосредственно к самому Пророку. Иснад должен быть строго изучен, и если цепь была нарушена или если кто-то из её "звеньев" мог быть показан как плохой Мусульманин, хадис должна быть отвергнут. Аль-Шафии пытался быть посредником между Ахль аль-хадис и теми юристами, такими как Абу Ханиф, которые настаивали на необходимости иджитхада. Шафии согласился, что в некоторой степени иджитхад был необходимым, но считал, что он должен быть ограничен строгой аналогией (кийас) между одним из обычаев Пророка и современной практикой.

Аль-Шафии учил, что существовали четыре "корня" священного закона (усул аль-фикх): Коран, Сунна Пророка, Кийас (аналогия) и Иджма "консенсус" в обществе. Бог не позволит всей умме оказаться ошибочной, так что если традиция была принята всеми Мусульманами, она должна быть признана подлинной, даже если нельзя было найти в его поддержку ссылки в Коране или хадис. Метод Аль-Шафии был не в состоянии обеспечить строгую историчность сунны Пророка, в соответствии с современными стандартами точности, но он давал план для создания образа жизни, что, конечно, давало Мусульманам глубокий и удовлетворяющий религиозный опыт.

Новаторская работа аль-Шафии подтолкнула других ученых к изучению хадисов, по его критериям. Два здоровых и авторитетных сборника были завершены аль-Бухари (умер в 870) и Муслимом (умер в 878), что стимулировало интерес к фикхе и в конечном итоге привело к созданию однородной религиозной жизни, основанной на священном законе Шариата, на территории всей огромной Исламской империи. Вдохновением для закона был Пророк, Совершенный Человек. Подражая мельчайшим деталям его внешней жизни и воспроизводя то как он ел, мылся, любил, говорил и молился, Мусульмане надеялись получить его внутренне отношение совершенной преданности Богу. Религиозные идеи и практики укоренялись не потому, что они продвигались энергичными теологами и не потому, что они могли казаться исторически здоровыми или имеющими рациональную основу, а потому, что они были на практике придавая верный смысл священной трансцендентности. По сей день, Мусульмане остаются глубоко привязаны к Шариату, который дал им возможность перенять архетипическую фигуру Мухаммада на очень

глубоком уровне и, высвобождая его от седьмого века, сделал его живым присутствием в их жизни и частью себя.

Но, как и всё Исламское благочестие, Шариат был также политическим. Это представляло собой протест против общества, которое считалось было религиозно повреждено. И Малик ибн Анас и Аль-Шафии приняли участие в Шиитском мятеже против ранних Аббасидов; и были заключены в тюрьму за их политику, хотя они были освобождены и находились под покровительством аль-Махди и Харуна аль-Рашида, которые хотели использовать свой опыт и создать единую правовую систему по всей империи. Шариат полностью отвергал аристократический извращённый характер двора. Это ограничивало власть халифа, подчеркивало, что он не имеет ту же роль, что и Пророк или рашидун, но что ему только разрешено содействовать священному закону. Изысканная культура, таким образом, молчаливо осуждалась как не Исламская. Характер Шариата, как и Корана, был эгалитарным. Были специальные положения для защиты слабых, и ни одна организация, как, например, халифат или двор, не имели никаких полномочий вмешиваться в личные решения и убеждения человека. Каждый Мусульманин имел личную ответственность повиноваться Божьим заповедям, а не религиозному авторитету, ни одно учреждение (например, "Церковь") и ни какая группа "духовенства" не могли встать между Богом и индивидуально Мусульманином. Все Мусульмане были равны; не было духовной элиты или священства, действующих как посредники. Таким образом, Шариат был попыткой восстановить общество на критериях, которые полностью отличаются от тех, что во дворце. Целью было строительство контркультуры и движения протеста, задолго до конфликта с халифатом.

К концу правления Гаруна аль-Рашида, стало ясно, что халифат прошел свой пик. Ни одно правительство не могло контролировать такую обширную территорию неопределенный срок, до появления современных коммуникаций и современных средств принуждения. Некоторые из окраин, таких как Испания (где сбежавший Омейяд создал соперничающую династию в 756 году), начинают отрываться. Экономика находится в упадке. Харун аль-Рашид пытался решить проблему путем деления империи между его двумя сыновьями, но это привело лишь к гражданской войне (809-13) между братьями после его смерти. Это был знак светского духа двора на то время, в отличие от гражданских войн прошлого, не было никакой идеологической или религиозной мотивации в этой борьбе, которая была просто столкновение личных амбиций. Когда аль-Мамун одержал победу и начал своё правление (813-33), было ясно, что было два основных блока в империи. Один блок был аристократическим окружением двора; другой эгалитарным и "конституциональным" блоком, основанным на шариате.

Аль-Мамун был осведомлен о непрочности своего правления. Его царствование началось с гражданской войны, с восстания Шиитов в Куфе и Басре (814-15) и восстания Хариджитов в Хорасане. Он пытался добиться расположения этих разрозненных групп и уменьшить религиозную напряженность, но его политика только сделал хуже. Будучи интеллектуальным, он чувствовал себя ближе к рационализму Мутазилитов и снова стал оказывать им расположение. Он также мог видеть, что популистское движение Ахль аль-хадиса, который настаивал, что божественный закон был в прямом доступе для каждого Мусульманина, не совместим с абсолютной монархией. Однако вернувшись к власти, Мутазилиты пошли против Ахль аль-хадиса, который преследовал их так долго. В результате пришла "Инквизиция" (михна), в которой ведущие Люди Хадиса, особенно популярный Ахмад ибн Ханбал (умер в 833), были заключены в тюрьму. Ибн Ханбал стал народным героем. Помощь Мутазилитам не принесла аль-Мамуну пользы; от него отвернулись массы. В один момент, халиф пытался обратиться к Шиитам назвав имя Али

аль-Рида, Восьмого Имама, назвав себя его наследником, но Шииты были, как и Мутазилиты, просто еще одной духовной и интеллектуальной элитой и не могли получить поддержку обычных людей. Через несколько месяцев, аль-Рида умер будучи отравлен.

Позже халифы также пытались заручиться расположением Шиитов и колебались между одной религиозной фракцией и другой, но безрезультатно. Халиф аль-Мутасим (833-42) попытался укрепить монархию, сделав армию своим личным корпусом. Эти войска состояли из турецких рабов, которые были захвачены за рекой Окса и обращены в Ислам. Но это всего лишь отдалило его еще дальше от населения, и создало напряжение между Турецкими солдатами и народом Багдаде. Чтобы облегчить это напряжение, халиф перенес свою столицу в Самарру, в шестидесяти милях (96км) к югу, но это еще больше изолировало его, в то время как Турки, которые не имели никаких естественных связей с людьми, становились всё более мощнее с каждым десятилетием, пока они в конечном итоге не отобрали эффективный контроль империи у халифов. Все больше и больше, в конце девятого и начале десятого веков, проходило вооруженных восстаний воинствующих Шиитов, которые до сих пор были политически активными и не уходили в мистический квиетизм и экономический кризис развивался от плохого к худшему.

Но эти годы политического распада также видели консолидацию, что стало известным как Суннитский Ислам. Постепенно, различные правоведы, Мутазилиты и Ахль аль-хадис объединили свои разногласия и сблизились. Важной фигурой в этом процессе был Абу аль-Хасан аль-Ашари (умер в 935), который пытался примирить теологию Мутазилиты с теологией Людей Хадиса. Мутазилиты так сильно боялись антропоморфных представлений о Боге, что они отрицали, что божество имело какие-то "человеческие" атрибуты вообще. Как мы могли сказать, что Бог "говорил" или "воссел на троне" как утверждал Коран? Как мы могли сказать о Божьей "знании" или "власти"? Ахль аль-хадис резко возразил, что эта настороженность истощит всё содержание ощущения Бога, а также снизит божественное до философской абстракции, без религиозного значения. Аль-Ашари согласился, но успокоил Мутазилитов, сказав, что атрибуты Бога не были подобными человеческим качествам. Коран был несотворенной речью Бога, но человеческими словами, которые выражали это, чернила и бумага книги были сотворены. Не было никакого смысла в поиске таинственной сущности основной реальности. Все, что мы могли знать наверняка были конкретные факты истории. Не существовало, исходя из точки зрения аль-Ашари, ни одного природного закона. Мир был упорядочен путем прямого вмешательства Бога. Не существовало свободной воли: мужчины и женщины не могли думать, если божество не думало через них; огонь горел не потому, что это было его природой, но потому, что Бог пожелал этого.

Мутализиты всегда были слишком заумными для подавляющего большинства Мусульман. Ашаризм стал преобладающей философией Суннитского Ислама. Очевидно это было не рациональным вероисповеданием, но более мистическим и созерцательным дисциплинами. Это ободряло Мусульман видеть божественное присутствие везде, смотря через внешний реализм трансцендентную реальность свойственную ему, таким образом, как Коран наставлял. Это удовлетворило голод, который был так очевиден в идеях Людей Хадисов по немедленному желанию ощутить Бога в конкретной реальности. Это также была философия, которая была сходна с духом Шариата. Рассматривая сунну Пророка в мельчайших деталях, Мусульмане отождествляют себя с Пророком, чья жизнь была насыщена божественным. Подражая Пророку, Возлюбленному (Хабиб) Богом – оказывающему доброту сиротам, бедным и животным,

или ведя себя во время еды с вежливостью и изысканностью, являлся возлюбленным самим Богом. Вплетая божественное повеление в промежутки их жизни, Мусульмане развивали постоянное упоминание (зикр) Бога, предписанное Кораном. К середине десятого века Шариатское благочестие было распространено по всей империи.

Существовали четыре признанных юридические школы, каждая имела отношение к Мусульманскому эгалитаризму в равной степени: Ханафи, Малики, Шафии и Ханбалиты, сохранившие идеалы Ибн Ханбаля и Людей Хадиса. На практике, эти четыре мазхабов не сильно отличались друг от друга. Каждый Мусульманин мог выбрать школу, которой он или она будут следовать, хотя большинство, как правило, выбирало ту которая была распространена на местном уровне.

Но, как и следовало ожидать, главным фактором объединившим всех Мусульман-Суннитов вместе был политическим. Священнослужитель принимал форму общества, и это повлияло на личное благочестие Мусульманина. Мусульмане-Сунниты все почитали Мухаммеда и всех четырех рашидунов. Несмотря на неудачи Усмана или Али, эти правители были набожными люди, которые далеко превосходили современных правителей в их преданности Богу. Сунниты отказались понизить заслуги первых трёх рашидунов, как это делали Шииты, полагая, что Али один был законным Имамом уммы. Суннитская набожность была более оптимистична, чем трагическое видения Шиитов. Она указывала на то, что Бог может быть с уммой, даже во времена неудач и конфликтов. Единство общины было священной ценностью, так как оно выражало единство Бога. Это было гораздо более важным, чем любые разделения по сектам. Поэтому это было жизненно важно ради поддержания мира, чтобы признать нынешних халифов, несмотря на их очевидные недостатки. Если Мусульмане жили бы по Шариату, они могли бы создать контркультуру, чтобы изменить коррумпированный политический порядок их дней, и подчинить её воли Божьей.

Эзотерическое движение.

Однако благочестие не удовлетворяло всех Мусульман, хотя оно стало верой большинства. Те, которые были более интеллектуальными или мистически настроенными нуждались в истолковании религии по-другому. В период Аббасидов, четыре более сложные формы Исламской философии и духовности приняли форму элиты. Эти идеи были засекречены от масс, потому что адепты верили, что они могут быть неправильно поняты более вульгарной интеллигенцией, и что они видели смысл только в контексте молитвы и размышлении. Секретность также была приспособлением самозащиты. Джафар ас-Садик, Шестой Имам Шиитов, сказал своим ученикам практиковать притворство ради их собственной безопасности. Это были опасные времена для Шиитов, которые были в опасности из-за политических правящих кругов. Улемы, религиозные ученые, также сомневались в православии этих эзотерических групп. Тагии свели конфликт к минимуму. В Христианстве, люди, чьи убеждения отличались от убеждений правящих кругов часто были преследуемы как еретики. В Исламе, эти потенциально инакомыслящие люди молчали о своих идеях, и, как правило, умирали в своих постелях. Но политика секретности также имел более глубокое значение. Мифы и теологическая проницательность эзотерики были общей частью образа жизни. Мистические доктрины, в частности, могли восприниматься как одарённые богатым воображением и интуитивно правомерными, но не обязательно понятными для обычного рационального понимания постороннего человека. Они были, как стихотворение или музыкальное произведение, влияние которых не могут быть объяснены рационально, и которые часто требует степени эстетической подготовки и

знаний, для того чтобы это было понятым полностью.

Эзотерики не думали, что их идеи были еретическими. Они считали, что они могли увидеть более глубокий смысл в откровении, чем обычные алим. Это также должно было напоминать об вере и доктринах не столь важных в Исламе, как в Христианстве. Как Иудаизм, Ислам является религией, которая требует, чтобы люди жили определенным образом, вместо того, чтобы принять определенные религиозные предложения. Это подчеркивает ортопраксию, но не православие. Все Мусульмане, которые были привлечены эзотерическими дисциплинами следуют пяти "столпам" (Рукн) или существенным практикам Ислама. Все они были в полном согласии с шахадой, кратким исповеданием веры Мусульман: "Не существует Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк Его". Они читают молитву (Салат) пять раз в день, платят милостыню (закят), постятся в Рамадан, и, если им позволят обстоятельства, совершают паломничество (хадж) в Мекку хотя бы раз в своей жизни. Любой, кто остался верен столпам был истинным Мусульманином, каковы бы ни были его или ее верования.

Мы уже обсудили форму отрешённой созерцательности Шиизма, изложенную Джафаром ас-Саддик вскоре после того как Аббасиды пришли к власти. Даже если Шииты были приверженцами набожности Шариата также как Сунниты и имели свою мазхаб (школа Джафари, названная в честь самого ас-Саддика), они искали в основном указаний текущего имама, хранилище божественного управления жизненным циклом для своего поколения. Имам был непогрешим духовным лидером и идеальным кади. Как Сунниты, Шииты хотели ощутить Бога непосредственно, как Мусульмане в первом обществе, которые стали свидетелями разворачивающегося откровения Корана Пророку. Символ боговдохновенного имама отражал чувство Шиита священного присутствия, различимый только в истинно погружённом в размышлении, но, тем не менее свойственным в бушующем, опасном мире. Доктрина имамата также демонстрировала крайнюю трудность воплощения божественного повеления в трагических условиях обычной политической жизни. Шииты верили, что каждый из имамов был убит халифом своего дня. Мученичество Хусейна, Третьего Имама, в Кербеле было особенно красноречивым примером опасностей, которые могут появиться из-за попытки исполнить Божью волю в этом мире. К десятому веку Шииты публично оплакивали Хусейна в день поста Ашура (10 Мухаррам), в годовщину его смерти. Они шли по улицам, плакали и били себя в грудь, заявляя о своём постоянном противодействии коррупции Мусульманской политической жизни, в которой продолжают давать привилегии богатым и угнетать слабых, несмотря на понятные заповеди Корана. Шииты, которые следовали Джафара ас-Саддику, возможно, отреклись от политики, но страсть к социальной справедливости была в центре их протеста набожности.

В девятом веке вражда между политическими кругами Аббасидов и Шиитов вышла снова на первый план, так как халифат падал морально. Халиф аль-Мутавакилем (847-61) вызвал Десятого Имама Али аль-Хади, из Медины в Самарру и поместил его под домашний арест. Он чувствовал, что он не мог riskовать позволить этому прямому потомку Пророка оставаться на свободе. Отныне, имамы были практически недоступны для Шиитов, и могли общаться с верными только через "агентов". Когда Одиннадцатый Имам умер в 874 году, было сказано, что он оставил молодого сына, который ушел в подполье, чтобы спасти свою жизнь. Конечно, не было никакого очевидного следа Двенадцатого Имама, который возможно, уже был мертв. Но все-таки, агенты правили Шиитами от его имени, направляя их эзотерическое исследование Корана, собирая закят и выдавая судебные решения. В 934 году, когда скрытый Имам достиг бы срока его

естественной жизни, агенты принесли Шиитам особое сообщение от него. Он ушел в утаивание и был чудесным образом скрыт Богом; он не может иметь никаких дальнейших контактов с Шиитами.

Он вернется в один чтобы инициировать эру справедливости, но только после того, как пройдет много времени. Миф о сокрытии Скрытого Имама не был предназначен для понимания в буквальном смысле, как земной факт. Это было мистической доктриной, которая выражала наше ощущение божественного как чего то незаметного, отсутствующего или находящегося вне досягаемости, присутствующее в мире, но не от него. Он также символизирует невозможность реализации по-настоящему религиозной политики в этом мире, так как халифы уничтожили линию Али и удалили управление жизненным циклов с земли. Отныне Шиитские улемы стали представителями Скрытого Имама, и использовали свои собственные мистические и рациональные идеи, чтобы постигнуть его волю. Шииты-двунадесятники (которые верили в двенадцать Имамов) не будут принимать дальнейшее участие в политической жизни, так как в отсутствие Скрытого Имама, истинного лидера уммы, ни одно правительство не может быть законным. Их мессианская верность, ожидание возвращения Имама, был авыражением божественного недовольства состоянием сообщества.

Не все Шииты были Двунадесятники, и не все отреклись от политики. Некоторые из них (называемые Исмаилиты) постановили, что линия Али закончилась с Исмаилом, сыном Джафара ас-Садика, который был назначен Имамом, но умер прежде, чем его отец. Они, следовательно, не признавали законность второго сына Джафара Муса аль-Казима, которого Двунадесятники почитали как Седьмого Имама. Они также развили эзотерическую духовность, которая искала скрытого (батин) смысла Писания, но вместо отхода от общественной жизни, они пытались разработать совершенно другую политическую систему и были часто активными. В 909 году лидеру Исмаилитов удалось захватить контроль над провинцией Туниса, присуждая себе мессианский титул аль-Махди (Ведомый) . В 983 Исмаилиты отобрали Египет у Аббасидов, и создали свой собственный халифат в Каире, который просуществовал почти двести лет. Существовали также тайные организации Исмаилитов в Сирии, Ираке, Иране и Йемене. Люди становились постепенно членами секты через местных даи (агенты). Религия практиковавшаяся в нижних слоях общества не отличалась от Сунизма, но так как инициация прогрессировала, он был введен в более мудреные круги философии и духовности, который сделал использование математики и науки в качестве средства пробуждения чувства трансцендентного интереса. Размышления Исмаилитов о Коране дали им циклический взгляд на историю, которая, по их мнению, была в упадке с тех пор как сатана восстал против Бога. Существовало шесть великих пророков (Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус и Мухаммед), которые поворачивали вспять эту нисходящую тенденцию. Каждый пророк был "исполнитель", который учил тайному смыслу его послания тех, кто способен понять его. Аарон, например, был исполнителем Моисея, а Али был исполнителем Мухаммеда. Будучи верными старались воплотить их учения на практике, они подготавливали мир к окончательному правлению правосудия, который будет явлен седьмым пророком, Махди.

Это движение было привлекательным. Когда Сунниты протестовали против двора делав Суннитов подозрительно относящимися к искусству и науку, Исмаилизм предложил более интеллектуальным Мусульманам возможность изучить новую философию на религиозном пути. Их духовное толкование было процессом Тавил , который направлял внимание поклоняющегося за рамки буквального смысла Писания к скрытой,

божественной реальности, которая была его первоисточником. Коран настаивает на том, что Бог общается с верным путем "символов" (аят), так как божественное не может быть выражено в полностью рациональном или логическом заключении. Иسمайлиты всегда ссылались на Бога во фразе, "Тот, Кого смелость мысли не может вместить." Они также верили, что не одно откровение или богословская система никогда не могли быть окончательными, поскольку Бог всегда был больше, чем человеческая мысль. Исмайлиты соглашались, что Мухаммед был последним и самым важным из шести главных пророков, но также подчеркивали, что полное значение откровения, которое он принёс Арабам станет ясно только тогда, когда Махди придёт. Поэтому они были открыты возможности новой истины, которая была тревожной для более консервативных улемов. Но Исмайлиты были не просто наблюдающей сектой. Как и все истинные Мусульмане, они были обеспокоены судьбой уммы, и считали, что вера ничего не стоит, если она не согласовывается с политической деятельностью. Прилагая усилия ради насаждения справедливого и достойного общества, они бы выкладывали путь для прихода Махди. Успех Исмайлитов в создании прочного халифата показал, что их идеал имел политический потенциал, но никогда не мог взывать к большинству. Видение Исмайлитов было слишком иерархическим и элитарным, чтобы взывать к более чем малому количеству интеллектуальных Мусульман.

Исмайлиты получили немало число их космической символики из Фалсафада, одна треть эзотерического движения, возникнув это время. Это возникло из культурного ренессанса, открытого Аббасидами, в частности, открытие Греческой философии, науки и медицины, которые были теперь доступны для Мусульман на Арабском языке. Файласуфы были в восторге от эллинистической культуры разума; они считали, что рационализм является высшей формой религии, и хотели связать себя с более возвышенным пониманием откровения Корана. У них была трудная задача. Высшим божеством Аристотеля и Платона очень сильно отличался от Аллаха. Это божество не обременяло себя земными событиями, не создавало мира, и не будет судить его в конце времени. Где монотеисты видели Бога в исторических событиях этого мира, там Файласуфы соглашались с Греками, что история являлась иллюзией; не существовало начала, середина или конца, так как Вселенная является результатом её вечной Первопричины. Файласуфы хотели проникнуть за кратковременный поток истории, и научиться различать неизменный, идеальный мир божественного, который лежал за ней. Они считали, что человеческий разум является отражением Абсолютного Разума, которым является Бог. Очищая наши умы от всего, что не является рациональным и учась жить совершенно разумным способом, люди могут повернуть вспять процесс вечного излучения божественного, подниматься от множественности и сложности жизни позади простоты и особенности Единого. Процесс катарсиса (очищение духа посредством душевных переживаний), по убеждению Файласуфы, являлся изначальной религией всего человечества. Все другие культы были просто неадекватными версиями истинной веры разума.

Тем не менее, как правило, Файласуфы были набожными людьми, которые верили, что они являлись хорошими Мусульманами. Сам по себе рационализм являлся как бы видом веры, потому что требовалось много мужества и большого доверия чтобы верить, что мир рационально упорядочен. Файласуф посвящал себя на то чтобы прожить всю свою жизнь в разумном порядке; он хотел привести все свои переживания и ценности к тому, чтобы они образовали последовательное, полное и логическое мировоззрение. Это было, пожалуй, философской версией таухида. Файласуфы были хорошими Мусульманами также в их социальной озабоченности; они презирали роскошное общество двора и деспотизм халифов. Некоторые из них хотели сделать общество в соответствии с их

идеалом. Они работали, как астрологи и врачи при дворце и в других великих семьях, и это оказало незначительное влияние на культуру. Ни один из Файласуфов не пытался провести такое всестороннее реформирование, как улемы, однако, и не делали ничего общего с популярной привлекательностью Шариата. Якуб ибн Исхак аль-Кинди (ум. 870) был первым крупным Файласуфом или "Философом" Мусульманского мира. Родился в Куфе и получил образование в Басре, потом поселился в Багдаде, где он пользовался покровительством Аль-Мамуна. В столице он работал в тесном контакте с Мутазилистами в попытке избавить теологию (калам) от антропоморфизма, но он не ограничивался, как они это делали, Мусульманскими источниками, но искал мудрости и у Греческих мудрецов. Таким образом, он использовал доказательство Аристотеля о существовании Первопричины по отношению к Богу Корана. Как и все последующие Файласуфы, он считал, что Мусульмане должны искать истину там, где бы она не находилась, даже в других народах, чьи религии отличались от их собственной. Явленные учения в Коране о Боге и душе были притчами абстрактных философских истин, которые сделали их доступными для масс, масс не способных рационально мыслить. Явленная религия, поэтому, была "бедной человеческой Фалсафой," как это было. Файласуф, такой как аль-Кинди не пытался подчинить откровение причине, но, увидеть внутреннюю душу Писания, таким же образом как Шииты искали батину истину Корана.

Однако это было музыкант Турецкого происхождения, который полностью создал Исламскую традицию рационалистической философии. Абу Наср аль-Фараби (умер в 950) пошел дальше, чем аль-Кинди в том, что рассматривал философию выше чем явленную религии, ставшую, по его мнению, всего лишь целесообразной и естественной общественной необходимостью. Однако Аль-Фараби отличался в важности, которую он придавал политике, от обоих Греческих рационалистов и Христианских философов. Кажется, что Он в то, что торжество Ислама, которое Ислам имел в прошлом позволило построить рациональное общество, о котором Платон и Аристотель только могли мечтать. Ислам был более разумной религии, чем его предшественники. Там не было нелогичных доктрин, такие как Троица, и он подчеркивал важность закона. Аль-Фараби считал, что Шиитский Ислам, с его культом Имама как лидера общины, мог бы подготовить рядовых Мусульман, чтобы жить в обществе, управляемом философом-королём на рациональных принципах. Платон утверждал, что хорошо упорядоченное общество нуждается в учении, в которые массы верили, как в божественно вдохновенные. Мухаммед принес закон, опираясь на такие божественных санкции, как ад, которые убедят незнающих так как более логические доводы не смогли бы. Таким образом, религия была ветвью политической науки, и должна была быть изучена и исследуема хорошим Файласуфом, даже если бы он видел в вере дальше чем средний Мусульманин.

Показательно, однако, что аль-Фараби был практикующим Суфием. Различные эзотерические группы, как правило, перекрываются и имеют больше общего друг с другом, чем с более консервативной улемов. Мистически настроенные Шииты и Файласуфы как правило, притягивались другу к другу, так же как это было между Шиитами и Суфией, которые, возможно, имели разные политические взгляды, но общие схожие духовные взгляды. Суфизм, мистицизм Суннитского Ислама, отличается от других школ, которые мы рассмотрели, так как он не развивался открыто на политической философии. Вместо этого, он, казалось, отвернулся от истории, и Суфии искали Бога в глубине своего существа, а не в текущих событиях. Но почти все религиозные движения в Исламе стартовали, по крайней мере с политической точки

зрения, и Суфизм не был исключением. Он имел свои корни в аскетизме (Зухд), который развивался в период Омейядов в качестве реакции против растущего мирского образа жизни и роскоши Мусульманского общества. Это была попытка вернуться к первозданной простоте уммы, когда все Мусульмане жили как равные. Аскеты часто носили грубые шерстяные одежды (тасаввуф), который были нормой среди бедных, также как это делал Пророк. К началу девятого века термин тасаввуф (который дал нам "суфий") стало синонимом мистическому движению, которое медленно развивалось в обществе Аббасидов.

Суфизм также, вероятно являлся реакцией на рост юриспруденции, которая, казалось, некоторым Мусульманам принижающий Ислам набором чисто внешних правил. Суфии хотели воспроизвести в себе состояние ума, который дал возможность Мухаммеду получить откровения Корана. Оно было внутренней душой Ислама которая являлась истинной основой для закона, а не усул аль-фикх юристов. Когда правление Ислама становилось менее терпимым, рассматривая Коран как единственное настоящее Писание и религию Мухаммеда как единственную истинную веру, Суфии вернулись к духу Корана в своей оценке других религиозных традиций. Некоторые из них, например, были особенно преданы Иисусу, которого они видели в качестве идеального Суфия, так как он проповедовал Евангелие любви. Другие утверждали, что даже язычник, который пал ниц перед камнем, поклонялся Истине (аль-Хакк), которая была в центре всех вещей. Где улемы и юристы все чаще относились к откровениям, как полным и законченным, Суфии, как Шииты, были постоянно открыты для возможности новых истин, которые могли бы быть найдены в любом месте, даже в других религиозных традициях. Где Коран описывал Бога строгой справедливости, Суфии, такие как известная женщина аскет Рабия (умерла в 801), описывали Бога великой любви.

По всему миру и в каждой традиции значительной веры, мужчины и женщины, которые имели талант для этого типа внутреннего путешествия развили определенные методы, которые позволяли им войти глубоко в подсознание и испытать то, что, кажется присутствием в недрах их бытия. Суфии научились концентрировать свои умственные способности, дышать глубоко и ритмично; они постились, совершали ночные бдения и скандировали как мантру Божественные Имена, приписываемые Богу в Коране. Иногда это вызывало дикий, безудержный иступлённый восторг, и такие мистики, стали известны как пьяные Суфии Один из самых ранних из них был Абу Язида аль-Бистами (умер в 874), который добивался расположения Аллаха, как любовник. Но он также выучил дисциплину фана (уничтожение): постепенно счищая слой эгоизма за слоем (которые, все духовные писатели согласны, удерживает нас от ощущения божественного), Аль-Бистами находил улучшенным себя в основании его собственного бытие, что не было ничем другим, как сам Аллах, который сказал аль-Бистами: " Я насквозь в Тебе; нет иного Бога, кроме Тебя" Это шокирующее повторение формулировки шахады выражает глубокую истину, которая была обнаружена мистиками в разных религиозных традициях. Шахада провозглашала, что не нет никакого бога, нет реальности, кроме Аллаха, поэтому это должно быть верным, что однажды самостоятельный, наконец, отменено в идеальном действии Ислама, все люди потенциально божественны. Хусейн аль-Мансур (умер в 922), также известный как аль-Халладж, Прядильщик шерсти, как говорят, сделал аналогичное заявление: Ана аль-Хакк (" Я есмь Истина "), хотя некоторые ученые предположили, что это следует читать как: " Я вижу Истину "

Халладж был казнен улемом за утверждение, что возможно было совершить правильный хадж в духе, не выходя из дома. Его смерть показывает враждебность, которая складывалась между Суфиями и улемами. Джунейд из Багдада (умер в 910), первый из так называемых Трезвых суфиев, отошел от такого типа экстремизма. Он думал, что опьянение, испытанное аль-Бистом было просто этапом, который мистик должен был превзойти в целях достижения возвышенного самоощущения и более полного самообладания. Когда Суфий впервые слышал божественный призыв, он или она узнавали о своей болезненной разлуке с источником всего сущего. Мистическое путешествие являлось просто возвращением к тому, что действительно являлось естественным для человека, учение очень похоже с тем, которому следуют Буддисты. Суфизм оставался периферийным движением в первый период правления Аббасидов, но позже Суфийские мастера станут основываться на системе Джунейд и создавать эзотерический движение, которое, в отличие от других рассмотренных нами, будет увлекать большинство Мусульман.

Хотя они все утверждали, что являются благочестивыми, посвящёнными Мусульманами, эзотерики изменили религию Пророка. Мухаммед был бы поражен доктриной Файласуфов, и Али почти наверняка не признал бы идеи и мифы Шиитов, которые объявили себя его сторонниками. Но, несмотря на убеждения многих верующих в любой традиции, которые убеждены, что религия никогда не меняется, и что их верования и практики схожи с теми, которые получены от основателей своей веры, религии должны изменяться, чтобы выжить. Мусульманские реформаторы находили тайные формы Ислама недостоверными, и пытались вернуться к чистоте первой уммы, прежде чем она была повреждена в более поздних наслоениях. Но никогда нельзя было вернуться назад во времени. Любая “реформация”, однако консервативна в своём намерении, это всегда новое путешествие, и адаптация веры к конкретным проблемам собственного времени реформатора. Если традиция не имеет в себе гибкости для роста и развития, она умрет. Доказано, что Ислам обладал творческим потенциалом. Он обращался в глубинам мужчинам и женщинам, которые жили в условиях существенно отличаются от отчаянной, жестокой эпохи Пророка. Они могли видеть смысл в Коране, который выходил далеко за рамки буквального смысла слов, и которые превосходили обстоятельства первоначальных откровений. Коран стал силой в их жизни, которая принесла близость божественного и позволила построить новые духовны силы и проницательности.

Мусульмане в девятом и десятом веках ушли далеко от первой маленькой осажденной уммы в Медине. Их философия, фикха и мистические дисциплины укоренились в Коране и в любимом образе Пророка, но потому что Писание было Божьим словом, оно считалось вечным и способным к многократному толкованию. Они были, таким образом, в состоянии сделать откровение понятным для Мусульман, которые жили в мире, который Пророк и рашидуны не мог себе представить. Но одно оставалось неизменным. Так же как религия первой уммы, философия, духовный закон Ислама были глубоко политическими. Мусульмане прекрасно понимали путь, который был замечательным для всех его блестящих достижений культуры, но империя которую они создали не жила в соответствии со стандартами Корана. Халиф был лидером уммы, но он жил и правил таким образом, что поверг бы Пророка в ужас. Каждый раз, когда было заметное расхождение между идеалом Корана и текущем государственным строем, Мусульмане чувствовали, что их самые священные ценности были нарушены; политическое здоровье уммы могло коснуться глубин их бытия. В десятом веке, более проницательные Мусульмане смогли увидеть, что халифат был в беде, но он так был чужд духу Ислама,

что Мусульмане видели его упадок в качестве освобождения.

3 КУЛЬМИНАЦИЯ

Новый порядок (935-1258)

К десятому веку было ясно, что Ислам не сможет функционировать эффективно, как единая политическая единица. Халиф оставался номинально главой уммы и сохранял символическую, религиозную функцию, но на практике разные регионы империи управлялись независимо. Из Египта отколовшийся халифат Фатимидов-Исмаилитов правил в Северной Африке, Сирии, большей части Аравии и Палестины; в Ираке, Иране и Центральной Азии, Турецкие офицеры армии (Амиры) захватили власть и установили, действительно независимые государства, конкурируя друг с другом в военном отношении. Десятый век был назван веком Шиитов, потому что многие из этих династий имели неясные учения Шиитов. Но все эмиры продолжали признавать халифа Аббасидов в качестве верховного лидера уммы, так укоренён был идеал абсолютной монархии. Эти династии достигли определенного политического успеха. Одной династии даже удалось основать постоянную Мусульманскую базу на северо-западе Индии в начале одиннадцатого века. Но никто не смог править очень долго, до тех пор, пока Турки-Сельджуки, из нижнего бассейна Сырдарьи, не захватили власть в Багдаде в 1055 и заключили специальный договор с халифом, который признал их в качестве своих помощников по всему Дар-аль-Ислам. За долго до победы Сельджуков, казалось, что будто империя будет обречена на бесконечное разделение на составные части. По мере того как одна династия сменяла другую, также сдвигая границы, сторонний наблюдатель мог бы оправдано предположить, что после начального периода успеха, правление Ислама было в упадке.

Но он был бы не прав. На самом деле, почти случайно, новый порядок вытекал из того что было бы гораздо более приемлемым для Мусульманского духа. Несмотря на политическую нестабильность, Исламская религия переходила из силы в силу. Каждый регион имел свою собственную столицу, так что вместо одного культурного центра в Багдаде, в настоящее время существовало несколько. Каир стал важным городом искусства и обучения Фатимидов. Философия процветала там и в десятом веке халифы основали колледж Аль-Азхар, которому суждено было стать самым важным Исламским университетом в мире. Самарканд также видел возрождение Персидского литературы. Одним из таких был Файласуф Абу Али ибн Сина (980-1037), который известен как Авиценна на Западе. Ибн Сина был учеником аль-Фараби, но гораздо более серьезно относился к религии. По его мнению пророк был идеальным философом, а не просто приносящим абстрактно-рациональные истины людям, потому что он имел доступ к знаниям, которые не зависели от дискурсивного мышления. Ибн Сина интересовался Суфизмом, и признавал, что мистики достигают божественного познания, что не могло быть достигнуто с помощью логических процессов, но что было тесно связано с понятиями Файласуфов. Файласуфа вера в мистиков и условное благочестие поэтому находились в гармонии.

Кордова также испытал культурный расцвет, хотя халифат Омейядов в Испании в конце концов рухнул в 1010 году и распался на ряд соперничающих, независимых дворов. Испанский ренессанс был особенно известен своей поэзией, которая отражала аристократические традиции Французских трубадуров. Мусульманский поэт Ибн Хазм

(994-1064) развил простое благочестие, которая основывалась исключительно на хадисах, и отбрасывала с сторону сложные фикхи и метафизическую философию. Тем не менее, одним из поздних интеллектуальных звезд Испании был Файласуф Абу аль-Валид Ахмад ибн Рушд (1126-98), который был менее важным в Мусульманском мире, чем более мистически настроенный Ибн Сина, но чьи рационалистической мысли влияли такие Еврейские и Христианские философы как Маймонид, Фома Аквинский и Альберт Великий. В девятнадцатом веке филолог Эрнест Ренан называл Ибн Рушда (который, известен на Западе как Аверроэс) свободным духом, ранним чемпионом рационализма против слепой веры. Но на самом деле, Ибн Рушд был набожным Мусульманином и кади судьей Шариатского закона. Как и Ибн Сина, он считал, что не было никакого противоречия между религией и Фалсафой, но в то время как религия для всех, только, интеллектуальная элита должна пытаться философию.

Кажется, что когда-то халифат был - для всех практических целей - брошенным, Ислам получил новую жизнь. Всегда существовало противоречие между идеалами абсолютной монархии и Кораном. Новые политики, которые развивались в Исламском мире в процессе проб и ошибок подходили ближе к концепции Ислама. Не то, чтобы все новые правители были благочестивыми Мусульманами, далеко от него, но системы независимых судов и правителей, все обладали паритетом друг к другу, содержались в свободном условном единстве, приблизились ближе к эгалитарному духу Корана. Это находилось также в гармонии с искусством, которое формировалось в Мусульманском мире того периода. В Арабском не уделялось большего внимания одной букве чем другой; каждый символ имел своё место и оказывал свой уникальный вклад в целом. Мусульманские историки, такие как Ибн Исхак и Абу Джафар аль-Табари (умер в 923), сделали небольшую попытку синхронизации порой противоречивых преданий о жизни Пророка, просто сочетая соперничающие версии, придавая каждому равную ценность. Мусульмане приняли халифат, потому что он гарантировал единство уммы, но как только халифы показали, что они не могли больше объединять империю, они были довольны, они придали забвению их. Произошли изменения в Исламской набожности. До сих пор, теология и духовность почти всегда были укоренены в политическом ответе на исторические обстоятельства Мусульманского общества. Но теперь, когда у Мусульман были более благоприятные политические планы, Мусульмане думали, что посвящение меньше зависело от текущих событий. Примечательно, что Ислам стал более политическим снова в современный период, когда Мусульмане столкнулись с новыми опасностями, которые, по их мнению, поставили моральное, культурное и религиозное благополучие уммы в опасность, и даже угрожали самому существованию уммы.

Это был Турок-Сельджук, который, скорее случайно, чем запланировано, дал наиболее полное выражение новому порядку Плодородного Полумесяца, где децентрализация была более развита. Сельджуки были Суннитами, с сильным стремлением к Суфизму. Их империей правил блестящий Персидский визирь Низомулмулк 1063 по 1092, который хотел использовать Турок для восстановления единства империи и восстановить старую бюрократию Аббасидов. Но это было слишком поздно, чтобы возродить Багдад, поскольку сельскохозяйственный район Савад в основе своей ее экономики был в необратимом упадке. И у Низомулмулка не было возможности контролировать армии Сельджуков, кавалерию кочевых племен, которые были сами себе закон и двигались со своими стадами, куда они хотели. Но, при помощи нового военного корпуса рабов, Низомулмулк построил империю, которая простиралась до Йемена на юге, до бассейна Сыр-Окс на востоке и до Сирии на западе. Эта новая империя Сельджуков имела очень мало формальных политических институтов, и управляли порядком на местном уровне

эмиры и улемы, которые заключили сотрудничество. Эмиры, которые командовали различными районами помешали развитию планов централизации Низомулмулка, став практически независимыми, управляя своими регионами и получая земельные доходы непосредственно от жителей, а не из Багдада. Это не был феодальной системой, так как, чтобы визирь не планировал, эмиры не были вассалами ни халифа, ни султана Сельджуков Малик Шаха. Эмиры были кочевниками, которые не имели никакого интереса в развитии сельского хозяйства на своей территории, поэтому они не образуют феодальную аристократию, привязанную к земле. Они были солдатами, и не очень заинтересованными гражданской жизнью своих подчинённых, что повлияло на провинцию улемов.

Улемы держали эти разбросанные военные режимы вместе. В десятом веке они стали недовольны уровнем их образования, и создали первые медресе, колледжи для изучения Исламских наук. Это систематизировало более их обучение, их обучение стало более равномерным, и повысило статус духовенства. Низомулмулк ободрял постройку медресе по всей империи Сельджуков, добавив предметы в учебную программу, которая позволила бы улемам работать в органах местного самоуправления. В Багдаде, он основал престижную медресе Низамейи в 1067 году. Теперь, когда они имели свои собственные институты, улемы получили мощную базу, которая стала отличаться, но была наравне с военным двором эмиров. Стандартизированные медресе также способствовали однородному образу жизни Мусульман обучаемыми Шариатом по всем владениям Сельджуков. Улемы также монополизировали правовую систему в их судах Шариата. Таким образом, фактически произошел раскол между политической властью и гражданской жизнью общества. Ни один из мини-государств, управляемых эмирами не существовало долго; они не имели политической идеологии. Эмиры были временными функционерами, и весь идеализм империи был предоставлен улемами и Суфийскими мастерами (пирс), которые обладали своей отдельной сферой деятельности. Обученные улемы бы путешествовали из одного медресе в другой; Суфийские пирсы были заведомо мобильные, путешествуя из города в город из одного центра в другой. Религиозные люди стали своего рода клеем, который склеивал разрозненные общества вместе.

Таким образом, после отречения действующего халифата империя стала более Исламской. Вместо того, чтобы чувствовать, что они принадлежали одному эфемерному государству эмиров, Мусульмане начали рассматривать себя более как членов международного общества, представленных улемой, который существовала с целым Дар аль-Исламом. Улемы адаптировали Шариат к этим новым условиям. Вместо того чтобы использовать Мусульманский закон для построения контркультуры, Шариат видел смотрел на халифа как на символического хранителя священного закона. Так же как эмиры пришли и ушли, улемы, при поддержке Шариата, стали единственным стабильным органом, и, так же как Суфизм стал более популярным, набожность народа стала глубже и приобрела внутреннее измерение.

Суннитский Ислам теперь, кажется, на подъеме почти всюду. Некоторые из более радикальных Исмаилитов, которые разочаровались в империи Фатимидов, которым с таким треском не удалось навязать истинную веру на умму, созданную в подпольной сети партизан, посвятившие себя свержения Сельджуков и разрушить Суннитов. Начиная с 1090 года они вели рейды из их горной крепости Аламут, к северу от Казвина, осаждая крепости сельджуков и убивая ведущих эмиров. К 1092 году это произошло полномасштабное восстанием. Повстанцы стали известны своим врагам, как гашиши (что дает нам наше слово "убийца"), потому что они, как было сказано, использовали

гашиш, чтобы получить больше мужества, принимая участие в нападениях, что часто приводило к их собственной смерти. Иسمайлиты верили, что они были победителями обычных людей, которые сами часто были преследуемыми эмирами, но эта кампания террора повернула большинство Мусульман против Исмайлитов. Улема распространялась бурными и неточными рассказы о них (легенда о гашишах являлась одним из этих мифов), людей, которых подозревали, что они являлись Исмайлитами схватывали и убивали, и эти убийства привели к новым атакам Исмайлитов. Но, несмотря на это противостояние, Исмайлитам удалось построить государство вокруг Аламута, которое длилось 150 лет и которое только Монголы смогли уничтожить. Однако непосредственным эффектом от их джихада, как они надеялись, не было появление Махди, но дискредитация всех Шиитов. Дванадцатники, которые никогда не участвовали в восстаниях Исмайлитов, были осторожны, умиротворяя Суннитские власти и воздерживаясь от любой политической вовлеченности. Со своей стороны, Сунниты были готовы ответить теологу, который был в состоянии дать авторитетное определение их веры, и кто был назван самым важным Мусульманином, со времён Пророка Мухаммеда.

Абу Хамид Мухаммад аль-Газали (умер 1111), протеже визиря Низомулмулка, преподаватель в медресе Низамия в Багдаде, и эксперт в области Исламского права, страдал от нервного срыва в 1095 году. Мятеж Исмайлитов в это время был на высоте, но аль-Газали был в основном огорчен возможностью того, что он терял свою веру. Он был найден парализованным и не способным говорить; врачи диагностировали глубокий эмоциональный конфликт, а потом Газали объяснил, что он был обеспокоен тем, что, хотя он знал много о Боге, сам Бога он не знал. Поэтому он отправился в Иерусалим, практиковал Суфийские упражнения и вернулся в Ирак через десять лет, чтобы написать свой шедевр аль-Дин (Возрождение религиозных наук). Он стал наиболее цитируемым Мусульманами текстом после Корана и хадисов. Книга была основана на важном понимании того, что только ритуал и молитва могут дать людям непосредственное знание о Боге; аргументы теологии (калам) и Фалсава, однако, не могли дать нам уверенности относительно божественного. Шедевр аль-Дина обеспечивал Мусульман ежедневной духовной и практической схемой, разработанной, чтобы подготовить их для религиозного переживания. Все правила Шариата о еде, сне, стирки, гигиене и молитве принесли благочестие и этическое истолкование, так что они теперь больше не были просто внешними директивами, но давали способность Мусульманам культивировать эту вечное сознание божественного, которое защищается Кораном. Шариат, таким образом, стал больше чем просто средство социального конформизма и подобострастной внешней имитации Пророку, и его сунне: он стал способом достижения внутреннего Ислама. Аль-Газали писал не для религиозных экспертов, но и для набожных людей. Существовали, как он считал, три вида людей: те, кто принимает истины религии, не подвергая сомнению их; тех, кто пытается найти оправдание для своих убеждений в рациональных дисциплинах калам; и Суфии, которые имеют непосредственное переживание религиозной истины.

Аль-Газали был в курсе того, что в своих новых политических обстоятельствах люди нуждались в различных религиозных решениях. Ему не нравилась преданность Исмайлитов непогрешимому Иمامу: Где был этот имам? Как обычные люди могли найти его? Эта зависимость от авторитетной фигуры, казалось, нарушала эгалитаризм Корана. Фалсафа, он признавал, являлась незаменимой для таких дисциплин, как математика или медицине, но он не могла дать никаких надежных проводников в духовных вопросах, которые лежат за пределами понимания разума. В мировоззрении

Аль-Газали, Суфизм был ответом, потому что его дисциплины могли привести к прямому восприятию божественного. В ранние дни, улема были встревожены Суфизмом, и рассматривала его как опасное периферийное движение. Теперь аль-Газали побуждал религиозных деятелей к практике созерцательных ритуалов, которые Суфийские мистики развили и продвигали внутреннюю духовность, в то же время, как пропагандировали внешние правила Шариата, Оба имели решающее значение для Ислама. Аль-Газали, таким образом, дал мистикам одобрение, используя свой авторитет и престиж, чтобы обеспечить включение мистицизма в основу Мусульманской жизни.

Аль-Газали был признан в качестве высшего религиозного авторитета при его жизни. В течение этого периода Суфизм стал популярным движением и больше не являлся ограниченным только для элиты. Теперь, людская набожность не была слишком занята, как в первые дни, политикой уммы, люди были готовы к внеисторическому, мифическому внутреннему путешествию мистика. Вместо того чтобы являться одиночной практикой для эзотерических Мусульман, зикр (воспевание Божественных Имен) стал групповой деятельностью, которая побудила Мусульман к альтернативному состоянию сознания, под руководством своего пира. Суфии слушали музыку, чтобы усилить своё знание о трансцендентности. Они группировались вокруг своих пиров, так же как Шииты однажды собирались вокруг своих имамов, рассматривая их в качестве проводников к Богу. После того как пир (старец, название руководителя Суфиев) умер, он становился, по сути, "святым", вниманием святости, и народ станет молиться и совершать зикр (ритуал молитвы) на его могиле. Каждый город теперь обладал своим ханега (монастырь), а также мечетью или медресе, где местные пиры учили своих учеников. Были образованы новые Суфийские ордена (тарикаты), которые не были связаны с конкретной областью, но являлись международными, с филиалами по всему Дар-аль-Исламу. Эти тарикаты, таким образом, стали еще одним источником единства в децентрализованной империи. Так появились новые братства и гильдии (фатува) для ремесленников и торговцев в городах, которые были в значительной степени под влиянием Суфийских идеалов. Все больше и больше, это были Исламские институты, которые объединяли империю и, в то же самое время, вера даже самых необразованных Мусульман приобретала внутренний резонанс, который когда-то был прерогативой умудренной и эзотерической элиты.

Отныне, там не будет теологического или философского рассуждения в Исламе, который глубоко не сочетался с духовностью. Новые «теософы» начали толковать новый Мусульманскую синтез. В Алеппо, Яхья Сухраварди (умер 1191) основал школу озарения (аль-Ишрак), основанную на древней доисламской Иранской мистике. Он видел истинную философию как результат брака между дисциплинированной подготовкой интеллекта по средствам Фалсафы и внутренней трансформации сердца по средствам Суфизма. Причина и мистицизм должны идти рука об руку; оба имели важное значение для человека, и оба были необходимы для поисков истины. Видения мистиков и символы Корана (например, небо, ад и Страшный Суд), не могли быть доказанными на основе опыта, но могли быть видимы только обученным интуитивно-созерцательной способности. Вне этого мистического измерения, мифы религии не имели смысла, потому что они не были "реальными" таким же образом, как земные явления, которые мы испытываем в нашем обычном бодрствующем сознании. Мистик обучал его или её способности видеть внутреннее измерение земного существования посредством Суфийских дисциплин. Мусульмане должны развивать чувство алам аль-Миталь, "мир чистых образов", которое существует между нашим обычным миром и Божьим. Даже тем, кто не был обучен мистике стало известно об этом мире в снах или образах,

происходящих во время перехода от бодрствования ко сну которые могли быть поверхностными или в состоянии транса. Когда пророк или мистик видел видение, Сухраварди считал, что такой человек начинал осознавать свой внутренний мир реальности, который мог бы соответствовать тому, что мы называем сегодня подсознанием. Этот тип Ислама был незнаком для Хасана аль-Басри или Шафии. Сухраварди, возможно, мог быть казнен за свои взгляды, но он был набожным Мусульманином, который цитировал Коран более широко, чем любой предыдущий Файласуф. Его произведения до сих пор считаются как Мистическая античность. Эти книги пользующегося спросом и очень влиятельного Испанской теософа Муин ад-Дин ибн аль-Араби (умер в 1240), который также призывал Мусульман раскрыть Алам аль-Миталь в них, и учил, что путь к Богу лежит через творческое воображение. Книги Ибн аль-Араби не были легкими и обращались к более интеллектуальным Мусульманам, но он верил, что любой может быть Суфием, и что каждый должен искать символический, скрытый смысл Писания. Мусульмане были обязаны создавать свои собственные Богоявления, путем тренировки их воображения, чтобы заглянуть за обратную сторону поверхности священного присутствия, которая пребывает во всем и каждом. Каждый человек является уникальным и неповторимым откровением одного из скрытых атрибутов Бога, и только Бог, которого мы когда-либо знали, является Божественным Именем, вписанным в нашей сокровенной сущности. Это видение личного Господа было обусловлено религиозной верой, в которой человек был рождён. Таким образом мистик должен видеть все конфессии в равной степени заслуживающими право на существование дома, в синагоге, мечети, храме или церкви, ибо, как Бог говорит в Коране: “Куда бы вы ни повернулись, там будет Лик Аллаха”

Таким образом, произошла религиозная революция после распада халифата. Это отразилось на скромном ремесленнике таким же образом как на утончённом интеллектуале. Настоящие Мусульмане пришли в жизнь, которые научились поддерживать веру на глубоком уровне. Мусульмане реагировали на то, что, возможно, было политической катастрофой, с огромным духовным обновлением, переосмысливая веру, чтобы соответствовать новым условиям. Теперь Ислам стал процветать без государственной поддержки. В самом деле, Ислам был единственным неизменным в мире политической потока.

Крестовые походы

Новый порядок политически автономных эмиров, которые появились во время Турок-Сельджуков, продолжался и после того как их империя начала разваливаться в конце одиннадцатого века. Система имела очевидные недостатки. Эмиры постоянно воевали друг с другом, и было его очень трудно объединить их против внешнего врага. Это стало очевидным, трагически в июле 1099 года, когда Христианские Крестоносцы из Западной Европы атаковали Иерусалим, третий святой город в Исламском мире после Мекки и Медины, жестоко убили его жителей и установили государства в Палестине, Ливане и Анатолии. Эмиры этого региона, которые боролись друг с другом, по причине упадка Сельджуков, не могли нанести объединённый ответный удар, и, оказались, бессильными против этого агрессивного Западного вторжения. Это было за пятьдесят лет до того как Имад ад-Дин Занги, эмир Мосуле и Алеппо, был в состоянии изгнать Крестоносцев из Армении в 1144 году и еще почти полвека, прежде чем Юсуф ибн Айюб Салах ад-Дин, Курдский генерал, который известен как Саладин на Западе, был в состоянии в 1187 году забрать Иерусалим у Крестоносцев, которым однако, не удалось сохранить позиции на Ближнем Востоке вдоль побережья до конца тринадцатого века. Из-за этой внешней

угрозы, династия Аюбидов, основанная Саладином, просуществовала гораздо дольше, чем более эфемерные государства эмиров в Плодородном Полумесяце. На ранней стадии его кампании, Саладин победил династию Фатимидов в Египте, включив территорию в его растущую империю и вернул её жителям Суннитский Ислам.

Крестовые походы были постыдными, но формирующими событиями в Западной истории; они были разрушительными для Мусульман Ближнего Востока, но и для подавляющего большинства Мусульман в Ираке, Иране, Средней Азии, Малайе, Афганистане и Индии, там были удаленные пограничные инциденты. Только в двадцатом веке, когда Запад стал более мощным и угрожающим, Мусульманские историки стали заниматься средневековыми крестовыми походами, оглядываясь назад с ностальгией на победного Саладина, и с тоской по лидеру, который был бы в состоянии сдержать нео-крестовый поход Западного империализма,

Экспансия

Непосредственной причиной Крестовых походов было завоевание Сельджуками Сирии у Фатимидов в 1070 году. Во время их кампании, они также вступали в конфликт с находящейся в ослабленном состоянии Византийской империей, границы которой были плохо защищены. Когда конница Сельджуков пересекла границу и вошла в Анатолию, она нанесла сокрушительное поражение Византийцам в битве при Манцикерте в 1071 году. В течение десятилетия Турецкие кочевники свободно передвигались по всей Анатолии со своими стадами, и эмиры основали малые государства там, укомплектованные Мусульманами, которые рассматривали Анатолию как новый форт и землю возможностей. Не в силах остановить это Турецкое продвижение, Византийский император Алексей Комнин I попросил помощи у Папы Римского в 1091 году, и в ответ Папа Римский Урбан II мобилизовал Первый Крестовый поход. Оккупация Крестоносцами частей Анатолии была не долгой. К концу тринадцатого века Турки достигли Средиземноморья; в четырнадцатом веке они пересекли Эгейское море, обосновались на Балканах, и вышли к Дунаю. Никогда ранее, ни один Мусульманский правитель не был в состоянии нанести поражение Византии, за которой стоял престиж древней Римской Империи. Поэтому с гордостью, Турки называли их новое государство в Анатолии "Рам" или Рим. Несмотря на упадок халифата Мусульмане теперь расширились в две области, которые прежде никогда не были частью Дар-аль-Ислама - Восточная Европа и северо-западная часть Индии, - и который стали в последствии очень творческими регионами.

Халиф аль-Насир (1180-1225) попытался восстановить халифат в Багдаде и его окрестностях. Видя силу религиозного возрождения, он пытался привлечь внимание к Исламу. Первоначально шариат был создан в знак протеста против халифатского правления, но теперь аль-Насир учился во всех четырех Суннитских школах закона, чтобы стать Алимом. Он также был принят в члены общества в один из клубов фатувва, с целью стать великим магистром всех фатуввов в Багдаде. После смерти аль-Насира, его преемники продолжали эту политику. Но было слишком поздно. Исламский мир был вскоре поглощён в катастрофе, которая, наконец, привела халифат Аббасидов к насильственному и трагическому концу.

Монголы (1220-1500)

На Дальнем Востоке, Монгольский вождь Чингисхан строил мировую империю, и столкновение с Исламом было неизбежно. В отличие от Сельджуков, он был в состоянии контролировать и дисциплинировать свои кочевые орды, и превратил их в боевую машину с разрушительной силой, которой мир никогда не видел прежде. Любой правитель, который не подчинился сразу Монгольским вождям, мог бы ожидать, что их крупные города будут полностью опустошены и их население будет убито. Свирепость Монголов была тщательно спланирована и также выражала сдерживаемую обиду кочевников городской культурой. Когда Мухаммед, Хорезмшах Тюрк, (1200-1220), попытался построить Мусульманский халифат самостоятельно в Иране и в регионе Окса, Монгольский генерал Хулагу расценил это как акт наглого высокомерия. С 1219 года по 1229 год Монгольские армии преследовали Мухаммеда и его сына Джалал ад-Дина в Иране, Азербайджане и в Сирии, оставляя позади себя след смерти и разрушения. В 1231 году, началась новая серия рейдов. Один большой Мусульманский город за другим падали. Бухара была разрушена до основания, Багдад пал после одного боя и унёс с собой старый халифат: трупы заполнили улицы, и беженцы бежали в Сирию, Египет или Индия. Исмаилиты Аламута были убиты, и, хотя династия новых Сельджуков Рам подчинилась сразу Монголам, она никогда полностью не восстановилась. Первым Мусульманским правителем, который был в состоянии остановить Монголов был Бейбарс, султан нового Египетского государства командующий корпусом турецких рабов. Мамлюки (рабов) доминировали в армии империи Айюбидов, основанной Саладином; в 1250 году эмиры Мамлюков провели успешный переворот против государства Айюбидов, и основали свою собственную империю на Ближнем Востоке. В 1260 году Бейбарс нанёс поражение Монгольской армии в Айн-Джалуте, в северной Палестине. После их вылазки в Индию был откинуты новым султанатом, базирующемся в Дели, Монголы обустроивались, наслаждались плодами победы, создавая империи в сердце Ислама, заслуги приписываются Хубилаю, монгольскому хану в Китае.

Монголы создали четыре крупных государств. Потомки Хулагу, которые были известны, как II Ханы (представители Верховного Хана), сначала отказались признавать, что их поражение было окончательным, и разрушили Дамаск, прежде чем они в конечном итоге уступили и отошли в их империю, в долину Тигра и Евфрата, горные районы Ирана. Чагатайские Монголы установили государство в бассейне Сыр-Окса, в то время как Белая Орда была установлена в регионе Иртыша, и Золотая Орда вокруг реки Волги. Это был самый большой политический переворот на Ближнем Востоке со времён Арабских нашествий седьмого века, но в отличие от Арабских Мусульман Монголы не принесли с собой духовность. Они были, однако, терпимы ко всем религиям, хотя они склонялись к Буддизму. Их код закона, Яса, который был символом самого Чингисхана, был узко военной системой, которая не влияла на гражданское население. Это была Монгольская политика, построенная на местных традициях, сразу после того как они покоряли область, и таким образом к концу тринадцатого и началу четырнадцатого веков все четыре Монгольских империй были обращены в Ислам.

Вследствии этого Монголы стали главной Мусульманской силой в центральном Исламском районе. Но не смотря на официальную верность Исламу, главной идеологией своих государств была "Монгольская идеология", которая прославляла имперскую и военную мощь Монголов и мечтали о завоевании мира. Государство управлялось по военным законам. Монарх был главнокомандующим и от него ожидалось, что он сам поведёт свой народ и не возложит кампании на своих заместителей. Поэтому, в ранние

дни не было столиц. Столица была там, где хан и его армия останавливались, располагаясь лагерем. Весь аппарат государства управлялся как в армии, и руководство сопровождало солдат на марше. Вся сложная лагерная культура управлялась с высокой эффективностью. Существовали две главные политические цели: мировая гегемония и сохранение правящей династии, которые оправдывали любую жестокость. Эта идеология была похожа на идеологию старой абсолютистской политики, которая считала, что чем сильнее власть правителя, тем лучше мир и выше безопасность государства. Указы всех монархов династии оставались в силе до тех пор, пока семья была у власти, изолируя все другие правовые системы. Все основные места в правительстве были отданы членам семей и их местным клиентам, и протее, которые были приближёнными окружению центрального руководства великой армии кочевников.

Вряд ли мог существовать больший контраст с эгалитаризмом Ислама, но это было, в некотором смысле, продолжением милитаризации общества, которая произошла в последние годы правления халифата Аббасидов, где эмиры правили из гарнизонов, оставив гражданам и улемам их собственные исламские устройства. Всегда существовала возможность, что военные могут вмешаться в гражданские дела, если эмир добился какой-либо стабильности. В некоторой степени, это произошло под правлением Монгол, которые были достаточно сильны, чтобы устанавливать новые ограничения для улемов. Шариат больше не разрешался и являлся потенциально антиправительственным. К пятнадцатому веку было решено, что улемы больше не могли использовать свой собственный независимый суд (иджтихад); было сказано, что "врата иджтихада" были закрыты. Мусульмане обязаны были согласовывать постановления прошлых властей. Шариат стал, в принципе, системой установленных правил, которые не могли поставить под угрозу более динамичный закон династического правящего двора.

Монгольской вторжение в жизнь Мусульман было болезненным. Монголы оставляли полосу разрушенных городов и библиотек, за собой, а также экономический упадок. Но как только они добивались победы, Монголы восстанавливали в большом масштабе города, которые они опустошили. Они также установили отличительные дворы, которые способствовали развитию науки, искусства, истории и мистики. Насколько ужасающими, были Монголы, так же захватывающими было то, что Монгольские правители очаровывали своих Мусульманских подданных. Их политические структуры оставались прочными и, как мы увидим, даже под влиянием Мусульманских империй позже. Сила Монголов открывала новые горизонты. Они, казалось, завоевали почти весь мир, и являлись предзнаменованием нового вида империализма, который связывал возможность универсального правления с массовым уничтожением. Великолепие их государств ослепляло, в то же самое время подрывало Мусульманские предубеждения. Мусульмане не были ошеломлены, находясь в пассивности, ни ужасами которые они пережили, ни политическим поражением, которое представляло собой это Монгольское государство. Ислам прочная вера. Часто в своей истории Мусульмане реагировали положительно на катастрофу, и использовали её конструктивно, чтобы найти свежие религиозные идеи. Так же после Монгольского нашествия, когда люди четко чувствовали, что мир, который они знали, приходит к концу, но также, появлялась возможность для полностью нового глобального правления.

Это было чётко видно в видении Суфийского мистика Джалал аль-Дин Руми (1207-73), который сам был жертвой Монгол, но чье учение выражено чувством безграничной возможности того, что они принесли с собой. Руми родился в Хорасане; его отец был

Алим и Суфийским учителем, и сам Руми был образованным, в фикхе, теологии, Арабском и Персидской литературе. Но, чтобы избежать приближающихся Монгольских орд, семья была вынуждена бежать. Они пришли как беженцы в Конья, столицу султаната Рума, в Анатолии. Духовность Руми проникнута чувством вселенской бездомности и отделения от Бога, божественного источника. Самым большим несчастьем, которое могло случиться с любым человеком, Руми настаивал, являлось отсутствие чувства боли разрыва, которое стимулирует мужчину или женщину к религиозным исканиям. Мы должны признавать нашу недостаточность и что наше чувство индивидуальности является иллюзорным. Наше эго скрывает реальность от нас, и, отказываясь от эгоизма и себялюбия мы увидим, что Бог является всем, что у нас осталось.

Руми был Пьяным Суфием "Его духовная и личная жизнь шла от одной эмоциональной крайности в другую. Он искал высшего наслаждения в танцах, песнях, поэзии и музыке, и членов порядка, что он основал часто называют Дервиши, из-за их величественного, танца, который показывал состояние транса трансцендентности. Несмотря на его очевидную нестабильность, Руми был известен в своей жизни, как Мевлян (наш господин) своим учениками, и его Орден Мевлеви оказывал большое влияние в Турции вплоть до настоящего дня. Маснави, его Опус Магнум, известен как Суфийское Писания. В то время как Ибн аль-Араби писал интеллектуальные вещи, Руми призывал всех людей жить за пределами рутины повседневной жизни. Маснави славили стиль жизни Суфий, которые могли сделать любого неукротимым героем битвы, которая проходит постоянно в космосе и в душе. Монгольское нашествие привело к мистическому движению, которое помогало людям прийти к соглашению с фактом катастрофы, которую они ощущали на более глубоком уровне психики и Руми был их самым большим светильником и примером для подражания. Новые Суфии Тарикаты были основаны в это время, подчёркивая неограниченный потенциал человеческой жизни. Суфии могли испытать в духовном плане то, чего Монголы почти достигли в земной политике.

Другие отреагировали на появление этого периода по-разному. Разрушения во время нашествий, когда так много было потеряно, привело к укреплению консерватизма, который всегда характеризовал аграрное общество. Когда ресурсы были ограничены, это являлось невозможным призывать к изобретательности и оригинальности таким образом, как мы делаем это сегодня на современном Западе, когда мы ожидаем узнавать больше, чем поколения наших родителей, и что наши дети будут испытывать еще большее продвижение. Ни одно общество, существовавшее до нашего, не могло себе позволить постоянную переподготовку кадров и замену инновационной инфраструктуры, по этой шкале требований. Следовательно, во всех пре-модернистских обществах, в том числе и аграрной Европе, образование предназначалось для сохранения того, что уже было достигнуто, и остановить изобретателей и личное любопытство, которые могли бы подорвать стабильность общества, не имеющего средства интеграции или использования свежих идей. В медресе, например, учащиеся заучивали древние тексты и комментарии наизусть, и учение состояло из пояснений "слово в слово" стандартного учебника. В общественных дискуссиях между учеными принималось как должное, если один из участников дебатов был прав, а другой неправ. Не существовало ни малейшего представления о стиле обучения "вопрос-ответ", позволявшим столкновение двух противоположных позиций, ради построения нового синтеза. Таким образом, медресе продвигало принятие тех понятий, которые могли бы объединить Мусульман во всем

мире, и клеймило еретические идеи, которые могли бы вызвать разногласия и дать желание людям уйти с прямого пути и пойти своим путем.

К четырнадцатому веку, изучение и соблюдение Шариата стало только типом набожности, принятого одинаково всеми Мусульманами, Суннитами и Шиитами, Суфиями и Файласуфами. К этому времени, улемам хотелось верить, что эти законы существовали с самого начала истории Ислама. Таким образом, в то время как некоторые Суфии, такие как Руми, начали заглядывать за новые горизонты, многие из улемов считали, что ничего не изменилось. Следовательно, они были довольны, что "ворота иджитхада были закрыты". После потери такого большого количества знаний прошлого, уничтожения рукописей и убийств ученых, являлось более важным восстановление того, что было утеряно, чем внедрения новых изменений. Из-за того, что военный свод Монгольских законов не заботился о гражданском населении, улемы продолжали управлять жизнью верующих, и их влияние, как правило было консервативным. В то время как Суфии, такие как Руми верили, что все религии были обоснованными, к четырнадцатому веку улемы заменили плюрализм Корана на жесткую общину, которая рассматривала другие традиции как нерелевантные реликвии прошлого. Немусульманам теперь было запрещено посещать святые города Мекку и Медину, и оскорбительные замечания в адрес Пророка Мухаммеда стали преступлением, караемым смертной казнью. Вред от нашествий, не удивительно, заставил Мусульман не чувствовать себя в безопасности. Иностранцы были не только подозрительными; они могли быть смертельно опасными, как Монголы.

Но были улемы, которые отказались принять закрытие "ворот иджитхада". На протяжении истории Ислама, во времена великого политического кризиса - особенно в период иностранного посягательства, реформа (мудждадид) часто обновляла веру, так чтобы вера могла подходить под новые условия. Эти реформы, как правило, следовали схожей модели. Они были консервативны, так как пытались вернуться к истокам, а не создавать совершенно новое решение. Но в этом желании вернуться к первоначальному Исламу Корана и сунне, реформаторы часто были критически настроенными в отношении поздних средневековых событий, которые стали считаться священными. Они также относились с подозрением к иностранному влиянию, и бракам с чужеземцами, которые были безнравственными, что они рассматривали, как чистоту веры. Этот тип реформ станет особенностью Мусульманского общества. Многие из людей, названных "Мусульманскими фундаменталистами" в наше время точно соответствуют старому образцу, установленному в мудждадидах.

В пост-Монгольском мире, великий реформатором тех дней являлся Ахмад ибн Теймия (1263-1328), Алим из Дамаска, который ужасно пострадал от рук Монгол. Ибн Теймия происходил из древнего рода улемов, который принадлежал к мазхабу Ханбали, и хотел, укрепить ценности Шариата. Он заявил, что, хотя Монголы обратились в Ислам, они были по факту неверными и отступниками, потому что они провозглашали Ясы вместо Шариата. Как истинный реформатор, он назвал Исламские события, которые произошли после Пророка и рашидуна недостоверными: Шиизм, Суфизм и Фалсафа. Но он также имел позитивную программу. В это изменившееся время, Шариат должен был быть обновлён, чтобы соответствовать фактическим обстоятельствам Мусульман, даже если это означало избавление от большей части фикха, которая сложилась на протяжении веков. Важно поэтому, что юристы использовали иджитihad, чтобы найти правовое решение, которое было близко по духу Шариату, даже если это нарушило букву закона, как это было понято в последнее время.

Ибн Теймия был беспокойной фигурой для этого правления. Его возвращение к основам Корана и сунны, и его отрицание многих духовных ценностей и философии Ислама, возможно, давало обратную реакцию, но являлась также революционным. Он возмущал консервативных улемов, которые хватались за учебники в поисках ответов, и подвергал критике правительство Мамлюков в Сирии за то, что они практиковали противоречащие Исламу закон, как он это понимал. Ибн Теймия был заключен в тюрьму, и, как говорили, умер от скорби, так как его тюремщики не позволяли ему писать. Но обычные люди Дамаска любили его, потому что они могли видеть, что его реформы Шариата были либеральными, и что он преследовал их интересы. Его похороны стали массовой демонстрацией народного признания.

Перемены могут быть захватывающими, но они также несли беспокойства. В Тунисе, Абд аль-Рахман ибн Халдун (1332-1406) наблюдал падения одной династии за другой в Магрибе, Западном регионе Исламского мира. Эпидемия уничтожила целые общины. Кочевые племена мигрировали из Египта в Северную Африку, в результате чего массивное опустошение и соответствующий упадок в традиционном Берберском обществе. Ибн Халдун сам эмигрировал в Тунис из Испании, где Христиане провели успешный захват Мусульманской территории, забрав Кордову в 1236 году и Севилью в 1248 году. Все, что осталось от процветающего Мусульманского царства Аль-Андалус был город-государство Гранада, который будет побежден Христианами в 1492 году, но не раньше строительства великолепного дворца Альгамбры, в середине четырнадцатого века. Ислам был явно в кризисе. "Когда происходит полная смена условий," Ибн Халдун свидетельствовал "это так же, как если бы всё творение изменилось и весь мир, был бы преобразован, как нечто новое рождение, мир появившийся заново".

Ибн Халдун хотел подчеркнуть основные причины этого изменения. Он был, вероятно, последним великим Испанский Файласуфом; его великое новшество применялось в качестве принципов философского рационализма изучения истории, до сих пор считающимся прерогативой философа, потому что имело отношение только с временными, мимолетными событий вместо вечных истин.

Ибн Халдун верил, что позади исторических событий, универсальные законы управляли состоянием общества. Он решил, что это было сильным чувством групповой солидарности (асабийя) которое давало возможность людям выжить, и, если условия были хорошими, подчинять себе других. Это завоевание означало, что доминирующая группа может поглотить ресурсы покоренных народов, развивать культуру и сложную городскую жизнь. Но, так как правящий класс привык к роскошной жизни, самодовольству достатком, они начали терять свою силу. Они больше не уделяли достаточного внимания своим подданным, существовали зависть и борьба, и поэтому экономика начала падать. Таким образом, государство стало уязвимым к новому племени или кочевой группе, которая была в первом потоке собственной асабийи и весь цикл начался снова. Ибн Халдуна в своём шедевре Аль-Мукаддима (Введение в Историю) применил эту теорию к истории Ислама, и это читалось внимательно Мусульманскими строителями империи в ближайшие годы, а также Западными историкам в девятнадцатом веке, которые рассматривали Ибн Халдуна, как первоходца их научного изучения истории.

Ибн Халдун был в состоянии наблюдать упадок Монгольских государств во второй половине четырнадцатого века, что ясно подтвердило его теорию. Их исходная асабийя достигла своего максимума, установилось самодовольство, и теперь наступило время для других доминирующих групп взять контроль. Казалось вероятным, что новые лидеры

придут не из Исламского центра, но с периферии Мусульманского мира, которая не была предметом Монгольского владычества. К этому времени, Империя Мамлюков в Египте и Сирии также стала приходить в упадок. На своём пике, Мамлюки создали живое общество, с сильным духом в армии, и процветающей культурой. Но в пятнадцатом веке империя исчерпала свои ресурсы, и, как любое аграрное государство, начала разваливаться. Правителем, который наиболее полно выразил дух времени был Турк из долины Сырдарьи, который вырос в Самарканде, и был увлечен идеалом Монголов. Тимур (1336-1405), известный как Тимур Ленк (Тимур Хромой) из-за выраженной хромоты, и как Тамерлан на Западе, захватил власть в империи Чингизхана, провозгласил о Монгольском происхождении, и начал отвоевывать старые Монгольские территории с жестокостью, которая характеризовала ранние вторжения. Тимур совмещал жажду к достижениям и любви к уничтожению со страстью к Исламу, и потому, что он бережно сохранил воодушевление, он стал народным героем. Он построил великолепные здания в Самарканде, где он председательствовал в великолепном дворце. Его версия Ислама - фанатична, жестока и насильственна - имела малое отношения к консервативному благочестию улемов или к Суфийскому учению о любви. Он рассматривал себя в качестве плети Аллаха, посланного, чтобы наказать Мусульманских эмиров за их несправедливые дела. Его главной заботой было навести порядок и наказать коррупцию, и, хотя его подданные боялись жестокости Тимура, они ценили его сильное правительство после упадка последних лет. Как Монголов до него, так и Тимура казалось невозможно было остановить, и в течение какого-то времени казалось, что он добьется завоевания всего мира. К 1387 он покорил все Иранские нагорья и равнины Месопотамии. В 1395 году он победил старую Золотую Орду в России, и в 1398 году он вошёл в Индию, где были убиты тысячи Индуистских заключенных и опустошил Дели. Два года спустя он завоевал Анатолию, осадил Дамаск и учинил расправу в Багдаде. Наконец, в 1404 году, он отправился в Китай, где он был убит в следующем году.

Никто не был в состоянии сохранить империю Тимура нетронутой. Завоевание мира всё ещё являлась несбыточной мечтой, но открытие порохового оружия в течение пятнадцатого века позволило новым Мусульманским правителям установить стабильные и более управляемые империи в конце пятнадцатого и начале шестнадцатого веков, которые также пытались сочетать Монгольские идеи с Исламом, Эти новые империи укоренились в Индии, Азербайджане и Анатолии.

Султанат Дели был создан в тринадцатом веке, а к началу четырнадцатого века Ислам был крепко установлен в бассейне Ганга, вплоть до Бенгалии. В горных районах, несколько Индуистских Раджпутов, Индийский правящий класс, оставался в стороне, но большинство Индусов приняло Мусульманское господство. Это было не так удивительно, как может показаться. Кастовая система ограничивается осуществлением политической власти, ограниченным числом семей, и когда они были изнурены, Индусы были готовы принять кого угодно на их место, при условии, что те не нарушат кастовые правила. Будучи иноземцами, Мусульмане не были связаны этим, и они имели за собой мощную силу международного общества. Мусульмане составляли меньшинство в Индии. Некоторые низшие касты и торговцы, в том числе некоторые из "неприкасаемых" приняли Ислам в результате частых проповедей Суфийских пиров. Но большинство сохранило верность Индуизму, Буддизму или Джейн. Не верно утверждение того, что Мусульмане разрушили Буддизм в Индии. Существует доказательство только одного нападения на один монастырь, и никаких конкретных данных говорящих о большом количестве убийств. К 1330 году большая часть субконтинента признала власть Делийского султаната, но неразумное управление со стороны султанов привело к

восстаниям среди Мусульманских эмиров, и стало очевидно, что султанат был слишком велик для того чтобы управляться одним человеком. В обычном порядке, центральная власть распалась, и эмиры управляли своими государствами, с помощью улемов. До появления пороха, султанат Дели оставался одним среди многих в Мусульманской Индии.

На периферии Монгольских государств воины Гази были оставлены для того чтобы создавать собственные эмираты, признавая Монгольских правителей как их повелителей. Государства Гази, как правило, были религиозными с сильной склонностью в Суфизм. В Азербайджане и Анатолии, были сформированы тарикаты, которые адаптировали некоторые из агрессивных форм Суфизма в революционной этике старых Шиитов. Они возродили теологию гулов "экстремист" которая вдохновляла ранних Шиитов, почитая Али как воплощение божественного, полагая, что их мертвые эмиры ушли в "сокрытие", и часто почитая их лидера, как Махди, который вернулся, чтобы открыть новую эпоху справедливости. Дервиши Бекташи в Анатолии пользовались широкой популярностью среди последователей, и проповедовали о скором пришествии нового порядка, который сметет старые религиозные нормы. Похоже неконформистским был и орден Сафавия в Азербайджане, который зародился как Суннитский тарикат, но к пятнадцатому веку был привлечён идеей гулов, и, который провозгласил себя Шииты Двенадцатники. Они считали, что их лидер был потомком Седьмого Имама, и, таким образом, единственным законным лидером Мусульманской уммы. К началу шестнадцатого века, Исмаил, пир Ордена, который, возможно, также считал себя реинкарнацией Скрытого Имама, основал империю Шиитов в Иране.

Когда Монгольские государства рухнули, вся Анатолии была разделена на маленькие независимые государства Гази, которые, начиная с конца тринадцатого века, начали отбирать силой города и деревни у упадочнической Византийской империи. Самым маленьким из этих государств правила семья Османлы, которая стала более сильной в первые годы четырнадцатого века. В 1326 году Османы и Турки завоевали Бурсу, которая стала их столицей; в 1329 году они захватили Изник, и в 1372 году они захватили большую часть территории Византии. Они основали новую столицу в Эдирне (Адрианополь), а также понизили Византийского императора до зависимого союзника. Секрет Османского успеха был в дисциплине его обученной пехоты, известной как новое войско (Ени – Ченри или Янычары), корпус рабов. Мурад I (1360-89) стал самым сильным из Западных Мусульманских правителей, и к 1372 году был готов продвинуться к Балканам, нападая на независимые царства Булгар и Сербии, наиболее значительную силу на Балканском полуострове. В 1389 году, Турки разгромили Сербское войско на Косовом поле в центральной Сербии. Мурад был убит, Сербский князь Лазарь Хребелянович был схвачен и казнен. Это положило конец Сербской независимости, и по сей день, Сербы почитают князя Лазаря, как мученика и национального героя, и воспитывают глубокую ненависть к Исламу. Но Османцы продолжали продвижение и это происходило из-за непопулярности Византии среди большинства подданных. Старая империя была в беспорядке; Османы навели порядок и возродили экономику, и многие из населения симпатизировали Исламу. Османцы потерпели крупное поражение в 1402 году, когда Тимур победил их армию в Ангоре, но они были в состоянии заново объединить свои силы после смерти Тимура, и в 1453 году Мехмед II (1451-81) смог захватить Константинополя, используя новое огнестрельное оружие.

На протяжении веков, Византийская империя, которую Мусульмане называли "Ром" (Рим), держала Ислам в страхе. Один халиф за другим вынужден был признавать своё

поражение. Теперь Мехмед "Завоеватель" воплотил свою давнюю мечту. Мусульмане были на пороге новой эпохи. Они пережили удар Монгол и нашли в себе новые силы. К концу пятнадцатого века Ислам стал самым большим блоком власти в мире. Он проник Восточную Европу, в Евразийские степи, и незначительно в Африканскую Сахару в результате Мусульманской торговли. В тринадцатом веке Мусульманские купцы также утвердились на побережье южных морей в Восточной Африке, Южной Аравии, и на западном побережье полуострова Индостан. Мусульманские купцы, каждый миссионер своей веры, поселился в Малайе, в то время, когда Буддийская торговля рухнула, и вскоре стали пользоваться огромным авторитетом. Суфийские проповедники следовали за торговцами, и к четырнадцатому и пятнадцатому векам Малая была преимущественно Мусульманской. Весь мир, казалось, становится Исламским: даже те, кто не жили под властью Мусульман обнаружили, что Мусульмане контролировали открытое море, и что, когда они покидали свои земли они сталкивались с Исламом. Даже когда Европейские мореплаватели совершили свои удивительные открытия в конце пятнадцатого и начале шестнадцатого веков, они не могли вытеснить Мусульман с морских путей. Ислам, казалось, непобедимым, и в теперь Мусульмане были готовы установить новые империи, которые станут самыми мощным и соответствующими современным требованиям мира.

4. Триумфальный Ислам

Имперский Ислам (1500-1700)

Открытие и использование пороха привело к развитию военной технологии, которая дала правителям больше власти над своими подданными, чем раньше. Они могли контролировать большие участки более эффективно при условии, что они также развили эффективное, рационализированное управление. Военное государство, которое было особенностью Исламской политики со времён упадка власти Аббасидов, теперь могло прийти в себя. Также в Европе монархи начали создавать большие централизованные государства и абсолютную монархию, с более рационализированным государственным аппаратом. Три основные Исламские империи были созданы в конце пятнадцатого и начале шестнадцатого веков: Империи Сефевидов в Иране, Империя Великих Моголов в Индии и Османская Империя в Анатолии, Сирии, Северной Африке и Аравии. Появились также другие впечатляющие государства. Большое Мусульманское государство было образована в Узбекистане, в бассейне Сыр-Окс; другое государство со склонностью к Шиитам было создано в Марокко, и хотя Мусульмане в это время соперничали с Китайскими, Японскими, Индуистскими и Буддийскими торговцами за контроль над Малайским архипелагом, Мусульмане заняли лидирующее положение в шестнадцатом веке.

Поэтому это был период триумфа. Однако казалось, что три основные империи, отвернутся от эгалитарной традиции Ислама, и построят абсолютную монархию. Почти каждый аспект общественной жизни развивался с систематической и бюрократической точностью и империи разработали сложную систему администрирования. Все они находились под влиянием Монгольской идеи относительно государственной армии, но вовлекали гражданских в их имперской политику, таким образом династии получили очень незначительную поддержку. Но эти империи очень сильно отличались от старого государства Аббасидов в одном важном отношении. Халифы Аббасидов и их двор никогда не был по-настоящему Исламские учреждением; они не подчинялись законам Шариата и разработали собственный мирской характер. Однако новые империи, все были сильно ориентированы на Ислам, продвигаемым самими правителями. В

Сасанидском Иране, Шиизм стал государственной религией; Фальсуфа и Суфизм оказали доминирующее влияние на политику Моголов; в то время как Османская Империя полностью функционировала на основе Шариата. Но старые проблемы остались. Однако казавшийся набожным абсолютный монарх был настолько самодержавным, что в корне противоречило духу Корана. Большинство людей по-прежнему жили в бедности; и страдали от несправедливости, которые были свойственны для аграрного общества. Существовали также новые трудности. Индия Моголов и Анатолия, центральные земли Османской империи, являлись местами, где Мусульмане были относительно новичками. Нужно было учиться как развивать отношения с их немусульманскими подданными, которые составляли большинство населения. Создание Империи Шиитов вызвало новый и решительный разлом между суннитами и Шиитами, что привело к нетерпимости и агрессивному сектантству, что было беспрецедентным в Исламском мире, но являлось схожим с горьким конфликтом между католиками и протестантами, который разразился в то же время в Европе. Также стояла сложная задача и перед самой Европой, которая до сих пор была отсталым регионом и не имела особого интереса к Мусульманам. Европа, однако, только начинала развивать совершенно новый вид цивилизации, свободной от ограничений аграрного общества, которая в конечном итоге позволила бы Западу не только догнать, но и подчинить себе Исламский мир. Новая Европа начинала играть мускулами, но в шестнадцатом веке еще не составляло реальной угрозы. Когда Русские вторглись в Мусульманские Казань и Астрахань (1552-56), и принесли Христианство, Мусульмане выиграли от этого поражения, открыв новые маршруты торговли с Северной Европой. Иберийские мореплаватели, которые открыли Америку в 1492 году и открыли новые морские маршруты по всему миру дали Португальским купцам дополнительную возможность передвижения. Во второй половине шестнадцатого века они попытались разрушить Мусульманскую торговлю в Южных морях путем проведения нео-крестового похода в Красном море. Эти действия Португальцев имели большое значение для Запада, но оказали незначительное влияние на Исламский мир. Мусульмане были гораздо более заинтересованы в создании империи Шиитов в Иране; эффектные успехи ранних Сефевидов были тяжелым ударом по Суннитским ожиданиям. Впервые в веках, стабильное, мощное и прочное Шиитское государство было посажено в самом центре Исламской территории.

Империя Сефевидов

Сефевидский Суфийский орден в Азербайджане, который обращается в Шиизм двенадцатников, в течение некоторого времени проводит рейды против Христиан Грузии и на Кавказе, но также навлек на себя гнев эмиров Месопотамии и западного Ирана. В 1500 году шестнадцатилетнему Исмаилу удалось заказать трёхмачтовые корабли и снарядить их, чтобы отомстить за отца, который умер от рук эмиров. В 1501 году Исмаил одержал победу над Тебризом в ходе своей кампании, а затем пошел на остальную часть Ирана в течение следующего десятилетия. Он заявил, что Шиизм Двенадцатников станет официальной религией его новой империи.

Это было началом развития. До этого момента, большинство Шиитов были Арабами. Шиитские центры были в Иране, в Рее, Кашане и Хорасане, а также в древнем гарнизонном городе Кума, но большинство Иранцев были Суннитами. Поэтому Исмаил постановил об уничтожении Суннизма в Иране: Суфизм Тарикатов был подавлен, и улемы были либо казнены, либо высланы. Члены этого правительства обязаны были проклинать первые три рашидуна, которые "узурпировали" власть, которая должна по праву была отдана Али. Никто из Шиитских правителей никогда не пытался сделать

нечто подобное до этого; современное вооружение давало религиозным руководителям новую насильственную власть. На протяжении последних двухсот лет существовала разрядка между Шиитами и Суннитами. На протяжении веков, Шиизм Дванадцатников был эзотерической, мистической сектой, которой воздерживалась от политики, считая, что ни одно правительство не может быть законным в отсутствие Скрытого Имама. Как могло существовать "государство Шиизма"? Шах Исмаил не задумывался об этих рассуждениях. Он, вероятно, знал очень мало о православии Дванадцатников, так как он присоединился к народному мнению новых тарикатов, которые считали, что мессианская утопия была близко. Возможно он мог говорить своим последователям, что он был Скрытым Имамом, и вернулся чтобы вести битвы Последних Дней. Его джихад против Суннитского Ислама не закончился в Иране. В 1510 году он изгнал Узбекских Суннитов из Хорасана и оттеснил их к северу от Оксы; он также атаковал Османских Суннитов; но потерпел поражение от султана Селима I при Чалдыранской битве в 1514 году. Его попытка выдавить Суннитов за границы его владения не удалась, но наступление Исмаила в Иране было успешным. К концу семнадцатого века большинство Иранцев были Шиитами, так и осталось по сегодняшний день.

Шах Исмаил установил военное государство, но в значительной степени опирался на гражданских лиц, которые работали в администрации. Также как старые Сасанидские и Аббасидские монархи, шах был назван "Тень Бога на земле", но легитимность Сефевидов была основана на заявлении Исмаила, что он был потомком Имамов. Много времени не понадобилось Сефевидам для того чтобы осознать, что их экстремистская идеология, которая зажигала их революционное рвение в оппозиции, не пойдёт им на добро, когда они станут государством. Шах Аббас I (1588-1629) избавлялся в его правительстве от тех, кто проводил взгляды ghuluww (по ту сторону границ), нёс Арабский Шиизм из-за рубежа, для того чтобы научить людей более православной форме Шиизма Дванадцатников, строил медресе для них и оказывал им щедрую финансовую поддержку. Во время правления Аббаса, империя достигла своего апогея. Он одержал важные территориальные победы в боях против Османов, его столица в Исфахане наслаждалась культурным возрождением, которое так же как Итальянский Ренессанс в Европе, черпало вдохновение из языческого прошлого данной области; в случае с Ираном, это означало из древней доисламской Персидской культуры. Это был период, таких великих художников, как Бехзад Сефевидов (умер 1535) и Риза-и Аббаси (умер 1635), которые произвели светлые и сказочные миниатюры. Исфахан стал великолепным городом парков, дворцов и огромных открытых площадей, с внушительными мечетями и медресе.

Новые улемы иммигранты оказались в странном положении, однако. Являясь отдельной группой, они никогда не имели своих собственных Шиитских медресе раньше, но встречались для изучений и обсуждений друг у друга по домам. Они всегда, в принципе, держались в стороне от власти, но теперь они должны были взять на себя образовательную и правовую систему Ирана, также, как и другие религиозные задачи правительства. Шах дал им щедрые подарки и гранты, которые в конечном итоге сделали их финансово независимыми. Они чувствовали, что не могут отказаться от этой уникальной возможности распространения своей веры, но по-прежнему настороженно относились к государству, отказываясь от официальных государственных должностей и предпочитая, чтобы к ним относились как подданным. Их позиция была потенциально очень сильной. В соответствии с православием Дванадцатников, улемы, но не шахи являлись единственными законными представителями Скрытого имама. Но пока, Сефевиды были в состоянии держать улемов в границах; они не смогут никогда в полной

мере использовать свое положение пока Иранский народ в целом не обратится в Шиизм. Но их новая власть означала, что некоторые из наиболее привлекательных черт Шиитов Двунадесятников исчезли. Вместо того, чтобы следовать своему глубоко мистическому толкованию, некоторые из них стали воспринимать всё буквально. Мухаммад Бакир Маджлиси (умер в 1700) стал одним из самых влиятельных улемов за всё время, но он демонстрировал слепую приверженность Шиизму. Он пытался подавить учение Фалсафы и мистицизм (Ирфан) в Исфахане, и беспощадно преследовал оставшихся суфиев. Отныне, ему удалось настоять на том, что улемы должны сосредоточиться на фикхах. Маджлиси внёс в Иранский шиизм недоверие к мистике и философии, что до сих пор является распространённым сегодня.

Чтобы заменить старые Суфийские обряды, такие как общественная зикра и культ Суфийских святых, Маджлиси содействовал скорбным ритуалам в честь Хусейна, мученика Кербеле, чтобы преподать населению ценности и набожность Шиитов. Существовали детально разработанные шествия процессий, очень эмоциональные плакальщицы пели погребальные песни, в то время как люди, причитали и плакали вслух. Эти обряды стали крупнейшими в Иранской системе. В восемнадцатом веке был разработан *ta'ziyeh* (буквально означает выражения сочувствия, скорби и утешения) в Кербеле, в котором люди были не пассивными наблюдателями, а почувствовав эмоциональный отклик, рыдали и били себя в грудь, присоединяя их собственные скорби к страданиям Имама Хусейна. В то время как они стонали, били себя по лбу и неудержимо рыдали, смотрящие вызывали в себе стремление к справедливости, которая была в центре Шиитского благочестия, спрашивая себя, почему как кажется добро всегда страдает, а зло почти всегда торжествует. Но Маджлиси и шахи были осторожны, подавлявая революционный потенциал этих обрядов. Вместо того, чтобы протестовать против тирании у себя дома, людей учили бороться против Суннитского Ислама. Вместо того, чтобы обещать следовать за Хусейном в борьбе против несправедливости, людям говорили, чтобы рассматривали его как покровителя, который мог бы обеспечить их прием в рай. Обряд был, таким образом был в балансе и заставлял служить статусу-кво, и призывал население добиваться расположения и искать только своих собственных интересов. После Иранской революции в 1978-79 гг культ снова станет средством угнетенных для формулировки своих претензий против коррумпированного правительства.

Но некоторые из улемов остались верными древним традициям Шиитов, и их идеи станут вдохновлять реформаторов и революционеров, вплоть до сегодняшнего дня, не только в Иране, но и во всём Мусульманском мире. Мир Дамад (умер в 1631) и его ученик Мулла Садра (умер в 1640) основали школу мистической философии в Исфахане, которую Маджлиси, сделав все возможное, подавил. Они продолжали традиции Сухраварди, связывая философию с духовностью, уча своих учеников мистическим дисциплинам, которые позволяли им ощутить алам аль-Миталь и духовный мир. Оба настаивали на том, философ должен быть таким же рациональным и обученным как Аристотель, но он также должен развивать творческий, интуитивно понятный подход к истине. Оба были категорически против новой нетерпимости некоторых улемов, к которым они относились как к тем, кто извратили религию. Истина не может быть навязана силой и интеллектуальный конформизм несовместим с истинной верой. Мулла Садра также видел политическую реформу как неотделимую от духовности. В своем шедевре Аль-Афсан аль-Арба (Четыре путешествия Духа), он описал мистическую подготовку которую лидер должен пройти, прежде чем он сможет начать преобразование светского мира. Он должен сначала избавиться себя от своего эго, получить божественное

вдохновение и мистическое ощущение Бога. Это был путь, который мог привести его к такой же духовной проницательности, как и у Шиитских имамов, хотя, конечно не на таком же уровне, что и они. Аятолла Хомейни (1902-89) находился глубоко под влиянием учения Муллы Садра, и в своем последнем обращении к Иранскому народу, перед своей смертью, он умолял их продолжать изучение и практиковать ирфан, поскольку не могло существовать по-настоящему Исламской революции, если не было также духовного преобразования. Мулла Садра был глубоко встревожен совершенно новой идеей, которая постепенно набирала силу среди улемов Ирана, и которая также будет иметь судьбоносное политическое последствие в наши дни. Группы, которые называли себя Усулиты верили, что обычные Мусульмане были не в состоянии толковать основные принципы (усул) веры для себя. Они должны, следовательно, искать одного из ученых улемов и следовать его правовым постановлениям, так как только они имели полномочия Скрытого Имама. Шиитские улемы никогда не соглашались закрыть "ворота иджтихада", как Сунниты. На самом деле, они называли ведущего юриста муджтахидом, который заслужил право осуществлять "независимое суждение" при формулировке Исламского законодательства. Усулиты учили, что даже шах должен подчиняться фатихе муджтахиды, которую он выбрал для своего наставника, так как он нуждался в его законной экспертизе. В семнадцатом веке усулиты не получили широкой поддержке, но к концу века, когда стало ясно, что Империя Сефевидов была в упадке, их позиция стала популярной. Стало критически важным установить прочный правовой орган, который мог бы компенсировать слабость государства.

К этому времени, империю постигла судьба любого аграрной экономики, и она больше не могла идти в ногу со временем. Торговля ухудшилась, существовало отсутствие экономической безопасности, а также более поздние шахи были некомпетентны. Когда Афганские племена атаковали Исфахан в 1722 году, город бесславно сдался. Один из князей Сефевидов избежал смерти, и с помощью гениального, но безжалостного командира Надир Хана ему удалось вытеснить захватчиков. На протяжении более двадцати лет Надир-хан, который избавился от своего коллеги Сефевида и провозгласил себя шахом, поднимал Иран и добивался заметных военных побед. Он был суровым, жестоким человеком и был убит в 1748 году. В течение этого периода, два важнейших события дали Иранским улемам власть, аналогов которой нигде в Мусульманском мире не было. Во-первых, когда Надир Хан пытался, полностью безуспешно, восстановить Ислам Суннитского толка в Иране, ведущие улемы покинули империю и поселились в святых Шиитских городах Наджафе и Кербеле (посвященных соответственно Али и Хусейну). Это, казалось, катастрофой на первый взгляд, но в Наджафе и Кербеле, которые находились в Османском Ираке, они имели базу, с которой они могли бы наставлять людей, будучи вне досягаемости для временных правителей Ирана. Во-вторых, в темный период междоусобицы, последовавшего после смерти Надир Хана, когда не было центральной власти в Иране до Ага Мухаммеда из Тюрского племени Каджаров, захватившего контроль в 1779 году и основавшего династию Каджаров, улемы шагнули в вакуум власти. Положение Усулов стало обязательным, и события покажут, что улемы смогут управлять преданностью и послушанием Иранского народа гораздо более эффективно, чем любой шах.

Империи Великих Моголов

Суматоха по причине джихада Шиитского Шаха Исмаила против Суннитского Ислама, в частности, несёт ответственность за создание новой Мусульманской Империи в Индии. Ее основатель Бабур (умер в 1530), был союзником Исмаилом, и бежал как беженец в

Кабул в горы Афганистана во время войны между Сефевидами и Узбеками, где он захватил контроль над остатками государства созданного там Тимуром Ленком. Оттуда он за короткий срок, установил политическую базу в северной Индии, которую он намеревался использовать на Монгольских территориях, пользующихся расположением Тимура. Его положение было не долгим, существовала фракционная борьба среди Афганских эмиров до 1555 года, когда Хумаюн, самый способный из потомков Бабура, воссел на трон и, хотя он почти сразу умер, крепко управлял Монголами (или Моголами) до сына Хумаюна Акбара (1542-1605) достигшего совершеннолетия в 1560 году. Акбар смог создать единое государство в северной Индии, где он был признан в качестве бесспорного правителя. Он сохранил древний Монгольский обычай управления центральным правительством, так же как армия под непосредственным командованием султана. Он создал эффективную организацию, и с помощью своего огнестрельного оружия, Империя Моголов начала расширяться за счет других Мусульманских правителей, пока он не стал контролировать Индостан, Пенджаб, Мальва и Декана.

Однако в отличие от Исмаила, Акбар не угнетал или преследовал своих подданных, а также он не пытался обратить их в свою веру. Если бы он сделал так, его империя не выжила бы. Мусульмане были небольшим правящим меньшинством в стране и никогда не старались навязать религиозное послушание. Каждая Индуская каста имела свои собственные религиозные практики, Буддистам, Якобитам, Евреям, Джайнистам, Христианам, Зороастрийцам, Мусульманам-Суннитам и Исмаилитам было позволено поклоняться беспрепятственно. В четырнадцатом и пятнадцатом веках, Индусы всех каст и даже некоторые Мусульмане объединились в создании одухотворенной, созерцательной формы монотеизма, который отрекся от сектантской нетерпимости. Религия Сикхов, основанная Гуру Нанак (умер в 1469), получила рост с этих кругов, настаивая на совместности Индуизма и Ислама. Однако, всегда существовала возможность агрессивного противостояния. Универсализм был твердо установлен в Индии, и политика нетерпимости станет работать против Индийской культуры. Мусульманские правители давно знали об этом и наняли Индусов в свои армии и администрацию. Акбар акцентировал эту традицию. Он отменил налог на джизью, который Шариат предписывал для димми, стал вегетарианцем, чтобы не обидеть Индуистские чувства, и отказался от охоты (спорт, которым он в значительной степени наслаждался). Акбар уважал все религии. Он построил храмы для Индусов, и в 1575 году создал "дом поклонения", где ученые всех религий могли бы встречаться для дискуссий. Он также основал свой собственный Суфийский орден, посвященный "божественному монотеизму" (таухид-е илахи), на основе учения Корана, что один Бог мог явить себя в любой правильно направленной религии.

Даже если это было, конечно, верным духу Корана, Акбарский плюрализм очень отличается от жесткого принципа общинной организации общества, который развивался в некоторых кругах Шариата, и это были светлые годы после недавнего фанатичного конфликта Суннитов / Шиитов. Любая другая политика было бы политически - катастрофической в Индии. Акбар хорошо относился к улемам в начале своего правления, но он никогда не был по-настоящему заинтересован в Шариате. Он склонялся к Суфизму и Фалсафе, оба направления были склонны к универсалистской концепции. Акбар хотел построить модель общества, которую описал Фалсафа. Его биограф, историк Суфий Абул Фазл Аллами (1551-1602), видел Акбара в качестве идеального философа-короля. Он также считал, что Акбар был Совершенным Человеком, который как Суфии полагали, существует в каждом поколении, чтобы дать Божественное руководство по направлению к умме. Акбар создавал цивилизацию, которая, Аллами

утверждал, поможет людям культивировать дух такой щедрости, что конфликт станет невозможным. Это было государство, которое выражало Суфийский идеал Сюлх-е Кулл "Всеобщий мир", который был просто прелюдией к Махаббат-е Кулл "вселенская любовь", которая будет искать материального и духовного благополучия всех людей, С этой точки зрения, фанатизм был нонсенсом; идеальный Фалсуфский царь, такой как Акбара, был выше предубеждений сектантства.

Некоторые Мусульмане, однако, были оскорблены религиозным плюрализмом Акбара. Ахмад Сирхинди (умер в 1625), который также являлся Суфий, чувствовал, что универсализм (который предлагал Ибн аль-Араби) являлся опасным. Сирхинди заявил, что он сам, а не Акбар был Совершенным Человеком эпохи. Единство с Богом могло быть достигнуто только тогда, когда Мусульмане свято соблюдают законы Шариата, который к тому времени становился все более сектантским в перспективе. Однако, в начале семнадцатого века, немногие Мусульмане в Индии присоединились к взглядам Сирхинди. Шах Джихан, внук Акбара, который правил с 1627 по 1658 годы, придерживался в основном политике Акбара. Его Тадж-Махал продолжал традиции своего деда объединяя Мусульманский с Индуистским стили архитектуры. Во время его правления, он позаботился о том, чтобы Индуистские поэты и Мусульманские научные работы были переведены на санскрит. Но Шах Джихан относился враждебно к Суфизму и его верность была основана более на Шариате, чем это было при Акбаре.

Он оказался переходной фигурой. К концу века, было ясно, что Империи Великих Моголов начала катиться вниз. Содержание армии и двора стало слишком дорогим, императоры продолжали инвестировать деньги в культурные мероприятия, но пренебрегали сельским хозяйством, от которого их богатство зависело. Экономический кризис пришел во время правления Аурангзеба (1658-1707), который считал, что ответ кроется в большей дисциплине в Мусульманском обществе. Его неуверенность была выражена в убийственной ненависти к Мусульманам "еретикам", а также приверженцам других конфессий. Его поддерживали в его сектантской политике те Мусульмане, которые, как и Сирхинди, были недовольны древним плюрализмом. Шиитские торжествования в честь Хусейна были подавлены в Индии, вино было запрещено законом (который усложнил общение с Индусами) и количество Индуистских фестивалей с участием императора была резко снижено. Джизья была вновь введена, и налоги с Индуистских купцов увеличены были в два раза. Хуже всего, Индуистские храмы были разрушены по всей империи. Реакция показала, насколько мудрой была предыдущая толерантность. Произошли серьезные восстания, во главе с Индуистскими вождями и Сикхами, которые начали кампанию за собственное государство в Пенджабе. Когда Аурангzeb умер, империя была в ужасном состоянии, и никогда полностью не восстановилась. Его преемники отказались от политики принципа общинной организации общества, но ущерб был уже нанесен. Даже Мусульмане были недовольны: не существовало ничего по-настоящему Исламского в рвении Аурангзеба по отношению к Шариату, который проповедует справедливость для всех, в том числе димми. Империя начала распадаться, и местные Мусульманские чиновники, как правило, контролировали только свои регионы в качестве автономных единиц.

Тем не менее Моголам удалось остаться у власти, до 1739 года, пока в восемнадцатом веке не произошло сближение между Индусами и Мусульманами при дворе; они изучали языки друг друга, читали и переводили вместе книги, полученные из Европы. Но вожди Сикхов и Индусов из горных районов все еще боролись с этим режимом, северо-западные Афганские племена, которых притесняла Империю Сефевидов в Иране,

совершили неудачную попытку построить новую Мусульманской империю в Индии. Индийские Мусульмане начали чувствовать себя неловко относительно своего положения, и их проблемы предвещали о многих трудностях и дебатах, которые будут существовать у Мусульман в современном периоде. Теперь они чувствовали себя находящимися в осаде в меньшинстве в их области, что не являлось реальностью, так же как Анатолийские центральные земли Османской Империи, периферийная область, но являющаяся одной из основных культур цивилизованного мира. Они не только боролись с Индусами и Сикхами, но Британцы также установили сильное торговое присутствие которое становилось всё более политическим на субконтиненте. Впервые Мусульмане столкнулись с перспективой оказаться в подчинении у неверных, и, учитывая важность уммы в Исламской вере, это глубоко тревожило. Это был не просто вопрос политики, но это также затрагивало самые глубокие уголки их бытия. Новая неуверенность будет продолжать характеризовать жизнь Мусульман в Индии. Станет ли Ислам просто еще одной Индуской кастой? Потеряют ли Мусульмане свою культурную и религиозную самобытность, взамен получив чуждые традиции Ближнего Востока, которые отличались от традиций Ислама, в которых он зародился? Потеряют ли они связь со своими корнями?

Суфийский мыслитель Шах Вали-Улла (1703-62) считал, что ответ лежит в положении Сирхинди, и станут ли его взгляды продолжать оказывать влияние на Мусульман Индии в двадцатом веке. Он выразил новое видение военных действий, и, по мере того как Мусульмане в других частях мира чувствовали, что их сила ускользает, и выражали подобные опасения по поводу выживания Ислама, философы и реформаторы пришли к подобным заключениям. Во-первых, Мусульмане должны объединиться, похоронить их сектантские различия друг с другом и выступить единым фронтом против своих врагов. Шариат должен быть адаптирован для удовлетворения особых условий субконтинента, и стать средством сопротивления Индуизации. Важно, чтобы Мусульмане сохраняли лидерство в военном и политическом отношении. Так он был обеспокоен, что Шах Вали-Улла даже поддержал гибельную Афганскую попытку возродить Мусульманскую власть. Оборонительное отношение вошло в Мусульманское мышление, и оно станет по-прежнему характеризовать Исламскую веру в современный период.

Османская Империя

Когда Османы завоевали Константинополь (который теперь известен как Стамбул) в 1453 году, они были в силах создать империю, которая смогла постепенно развиваться, стать более твердо укоренённой, чем другие империи, и которая в последствии станет самой успешной и долго живучей. Ранние Османской вожди были типичные Гази правители, но в Стамбуле султаны установили абсолютную монархию по примеру Византийской модели, с сложным дворцовым ритуалом. Государство в основном было основано на старой Монгольской идее, однако, рассматривая центральную власть в качестве огромной армии в личном распоряжении султана. Мощност Мехмеда Завоевателя была основана на поддержке Балканской знати, многие из которых к настоящему времени обращены в Ислам, и пехоте - "новый вид войск" (Yeni-Шери) - которая стала намного важнее с появлением пороха. Янычары, которые будучи обращенными рабами, были чужеземцами без каких-либо интересов, стали независимой силой, закреплённой за султанами. Османцы также сохранили дух своего старого идеала, рассматривая себя в качестве защитников границы государства, посвященные джихаду против врагов Ислама. На западе они столкнулись с Христианством, а на востоке с Шиитскими Сефевидами. Османы стали убийцами сектантов, таких как Сефеvidы, и

было совершено много жестоких убийств Шиитов, живущих в Османском владении. Джихад имел феноменальный успех. Кампания Селима I (1467-1520) против Сефевидов, которые остановили Иранское продвижение, превратилась в победоносную войну завоеваний, поглотив всю Сирию и Египет и присоединили их к Османской империи. Северная Африка и Аравия также были включены в империю. На западе, Османские войска продолжали завоевание Европы и достигли ворот Вены в 1530 году. Теперь Султаны правили огромной империей, с превосходно эффективным аппаратом управления, непревзойденным ни одним другим государством того времени. Султан не навязывал единообразия на своих подданных и ни он пытался собрать разрозненных подданных своей империи в одну огромную партию. Правительство лишь давало основу, которая позволила различным группам - Христианам, Евреям, Арабам, Туркам, Берберам, купцам, Алимам, Тарикатам и торговым гильдиям - жить мирно вместе, каждый вносил свой вклад, следуя своим собственным убеждениям и обычаям. Таким образом, Империя являлась коллекцией сообществ, в каждом из которых были лояльно преданные члены. Империя была разделена на провинции под управлением губернатора (паша), который был непосредственно ответствен перед Стамбулом.

Империя достигла своего апогея при Сулеймане аль-Кануни (Законодатель) (1520-66), который был известен как Сулейман Великолепный на Западе. Во время его правления, империя достигла пределов своего расширения, и Стамбул испытал культурное возрождение, которое главным образом характеризовалось превосходной архитектурой, в частности, дворец архитектора Синана-Паши (умер в 1578). По всей империи появились Османские мечети, имеющие отличительные стили: они были просторными, наполненными светом, с низкими куполами и высокими минаретами. Двор также покровительствовал живописи, истории и медицине на высоком уровне, в 1579 году была построена обсерватория и двор также был заинтригован новыми Европейскими открытиями в навигации и географии. Существовал активный обмен информацией с Западом в течение этих лет, когда несмотря на успехи в Европе, Османское государство было самым мощным в мире.

Также, как и другие две империи, Османцы также придавали своему государству особенное Исламское направление. Под правлением Сулеймана, Шариат получил более высокий статус, чем в любом из предыдущих Мусульманского государствах. Он стал официальным законом земли для всех Мусульман, и Турки были первыми придавшими регулярную форму Шариатским судам. Законные эксперты, Кади, которые устанавливали справедливость в судах, их консультанты (муфтии), которые толковали закон, и учителя в медресе - стали официальными правительственными корпусами, создавая нравственную и религиозную связь между султаном и его подданными. Это было особенно ценно в Арабских провинциях, где партнерство между государством и улемами помогло людям принять Турецкое правление. Не только улемы имели поддержку священного закона и тем самым давая законность режиму, но часто бывало, что улемы, которые были родом из той или иной области, выступали в качестве основных посредников между коренным населением и Турецким губернатором.

Османские подданные в основном, гордились принадлежностью Шариатскому государству. Коран учил, что умма (общество), живущее по закону Божьему будет процветать, потому что оно находилось в гармонии с основополагающими принципами бытия. Эффектные успехи ранних Турков, чья легитимность была в значительной степени основана на их преданности Божьему явленному закону, укрепляли веру. Улемы также могли чувствовать, что империя была их государством и что Турки достигли

редкой интеграции государственной политики и Мусульманской совести. Но это партнерство – плодотворное, насколько оно было - имело отрицательную сторону, так как оно вместо расширения прав и возможностей улемов, в конечном счете заставило замолчать и даже дискредитировало их. Шариат, зародился как движение протеста, и большую часть его динамизма получал от своей оппозиционной позиции. В Османской системе, это неизбежно терялось. Улемы стали зависеть от государства. Будучи правительственными чиновниками, султан и его паши могли - и делали - контролировать их, угрожая отозвать свои субсидии. Абу аль-Сунд Кхола Челеби (1490-1574), который разработал принципы Османско - улемского альянса, ясно дал понять, что Кади получили свои полномочия от султана, опекуна Шариата, и, следовательно, были обязаны применять Закон, по его директивам. Таким образом, Шариат заставили одобрять систему абсолютной монархии (в настоящее время более мощное, чем когда-либо прежде), которой он в первоначальном плане, должен был противостоять.

Шиитские улемы Ирана решили стать не стеснёнными правилами государства, и получили поддержку народа. Многие из Иранских улемов стали посвящёнными реформаторами и были в состоянии предоставить народу эффективное руководство в борьбе против деспотических шахов. Значительное число было открыто для принятия демократических и либеральных идей современного периода. Но в Османской Империи улемы стали ослабевать; отодвинутые на обочину политики, они стали консервативными и противостояли любым переменам. После правления Сулеймана, учебная программа в медресе сузилась: изучение Фалсафы было прекращено ради большей концентрации на фикхе. Исламская позиция в Османской Империи, огромном государстве Гази, была коммуналистской и сектантской. Мусульмане считали, что они являлись борцами православия против неверных, которые наступали со всех сторон. Улемы и даже Суфии впитал этот этнос, и когда империя начала демонстрировать первые признаки слабости, эта тенденция стала еще более отмечена. Когда двор был еще открыт для новых идей, идущих из Европы, медресе стали центрами оппозиции всему полученному от неверных Европейцев. Например, Улемы были против использования печати для Исламских книг. Они отвернулись от Христианских общин в империи, многие из которых были страстно настроены на новое с Запада. Влияние алимов на народ придало обманчивую внешность секторам Османского общества, делая их устойчивыми к идее изменения в то время, когда изменение было неизбежно. Древняя преобладающая черта осталась позади в прошлом, улемы стали не в состоянии помогать людям, когда Западная современность пришла в Мусульманский мир, и они должны были искать руководства в другом месте.

Даже могучая Османская империя не была доказательством против ограничений аграрного общества, которое не могло идти в ногу с его расширением. Военская дисциплина ослабла, султаны обнаружили, что им больше не принадлежала абсолютную власть. Экономический спад привёл к коррупции и значительному повышению налогов. Высшие классы жили в роскоши, в то время как доходы сократились; торговля сократилась в результате более эффективной конкуренции со стороны Европы, местные правители, как правило, набивали свои собственные карманы. Тем не менее, империя не рухнула, но сохранила активную культурную жизнь на протяжении семнадцатого века. Однако в восемнадцатом веке упадок был очевидным, особенно в периферийных областях. Там местные реформаторы попытались восстановить порядок с помощью религиозной реформы.

На Аравийском полуострове, Мухаммаду ибн Абд аль Ваххаба (1703-92) удалось оторваться от власти Стамбула и создать государство в Центральной Аравии и в

Персидском заливе. Он был типичным реформатором, в традициях Ибн Теймийи. Он считал, что нынешний кризис лучше всего отвечает фундаменталистскому возвращению к Корану и сунне, и воинствующему отторжению всех более поздних наслоений, которые включали в себя средневековый фикх, мистику и фалсафу, которые большинством Мусульман в настоящее время рассматриваются как нормативные. Поскольку Турецкие султаны не соответствовали его видению истинного Ислама, Абд аль-Ваххаба заявил, что они были отступниками и достойны смерти. Он пытался создать анклав чистой веры, на основе его мнения о первой умме седьмого века. Его агрессивные методы будут использоваться некоторыми фундаменталистами в XX веке, в период еще больших изменений и волнений. Ваххабизм является формой Ислама, которая все еще практикуется сегодня в Саудовской Аравии, пуританская религия, основанная на строго буквальном толковании Писания и на ранней Исламской традиции.

В Марокко, реформатор Суфий Ахмад ибн Идрис (1780-1836) подошёл к проблеме по-другому. Его решением было обучение людей и делать их лучшими Мусульманами. Он много путешествовал по Северной Африке и Йемену, наставляя простых людей на их родном диалекте, уча их как выполнять правильно такие основные ритуалы, как молитвы намаз. По его мнению, улемы не выполняли своих обязанностей, заперлись в своих далеких медресе, заинтересованные только в деталях фикха, и оставляя людей в их собственных проблемах. Другие Нео-Суфии, как называют их, выполняли схожие миссии в Алжире и Медине. Мухаммад ибн Али аль-Сануси (умер в 1832) основал движение Санусия, которая до сих пор является преобладающей формой Ислама в Ливии. Нео-суфии не имели интереса в Западном и не знали о новом Западе, но они развивали идеи, сходные с теми, которые поддерживались Европейским Просвещением, с помощью своих собственных мистических традиций. Они настаивали на том, что люди полагаются на свои собственные идеи, а не полагаться на улемов. Ибн Идрис пошел так далеко, что отвергнул авторитет каждого Мусульманского мыслителя, кроме Пророка. Таким образом, он ободрял Мусульман сбросить привычки уважения и ценить то, что было новым, вместо того чтобы цепляться за прошлые традиции. Его мистицизм был основан на фигуре Пророка, и учил людей моделировать себя на примере идеального человека, а не стремиться к далекому Богу, своего рода посвященный гуманизм.

Поэтому не существовало, значительной причины по которым Мусульманам нужно было отвергать идеалы новой Европы. На протяжении веков они развивали добродетельность, которая также имела важное значение для современного Запада: страсть к социальному справедливости, эгалитарное государственное устройство, свобода слова и, несмотря на идеал Таухид, де-факто или (в случае Шиизма) принципиальное разделение религии и политики. Но к концу восемнадцатого века наиболее бдительные Мусульмане были вынуждены признать, что Европа обогнала их. Османцы нанесли сильное поражение Европейским державам в ранние дни, но к восемнадцатому веку они уже сами не могли устоять против них, ни бороться с ними, как с равными. В шестнадцатом веке Сулейман предоставил Европейским торговцам дипломатический иммунитет. Договоры, известные как капитуляций (потому что они были сформулированы под столичным главенством) означали, что Европейские торговцы, живущие на Османской территории не были обязаны соблюдать законы страны; осуждение по их преступлениям происходило в соответствии с их собственными законами в их собственных судах, которые проходили под председательством их собственного консула. Сулейман заключал эти договоры со странами Европы на равных. Но к восемнадцатому веку стало ясно, что эти Капитуляции делали Османской суверенитет слабее, особенно, когда они были расширены в 1740 году на Христиан в империи, которые были в настоящее время "охраняемыми" как

Европейские эмигранты, и больше не подлежащих государственному контролю.

К концу восемнадцатого века Османская империя находилась в критическом состоянии. Торговля упала еще больше; племена бедуинов вышли из-под контроля в Арабских провинциях, а местные паши не могли больше достойно управляться из Стамбула, были часто коррумпированными, и эксплуатировали население. Запад, однако, переходил от одного триумфа к другому. Но турки не были чрезмерно обеспокоены. Султан Селим III попытался взять пример с Европы, предполагая, что реформа по Западному образцу восстановила бы баланс власти. В 1789 году он открыл ряд военных школ с Французскими инструкторами, где студенты учили Европейские языки и изучали новые Западные науки наряду с современными боевыми искусствами. Но это было не достаточно, чтобы сдержать Западную угрозу. Мусульмане еще не поняли, что Европа превратилась в совершенно иной тип общества, с того времени как Османская империя была создана, что они теперь вышли безвозвратно вперед и вскоре станут мировой державой.

Все три великих империи пришли в упадок к концу восемнадцатого века. Это не было связано с существенной некомпетентностью или фатализмом Ислама, как Европейцы часто высокомерно считали. У любого аграрного государства существовал ограниченный цикл существования, и эти Мусульманские государства, которые представляли последний расцвет аграрного идеала, попросту приходят к естественному и неизбежному концу. В период до модернизма, Западные и Христианские империи также испытали спад и упадок. Исламские государства, раньше, когда падали; в каждом случае, Мусульмане могли подняться как птица феникс, как-бы из руин и достичь еще больших успехов. Но в этот раз все было иначе. Мусульманская слабость в конце восемнадцатого века совпала с появлением совершенно другого типа цивилизации на Западе, и на этот раз Мусульманскому миру будет гораздо труднее решить задачу.

5. Исламские противники

Приход Запада (1750-2000)

Подъем Запада не имеет аналогов в мировой истории. Страны к северу от Альп на протяжении веков считались отсталой областью, которая присоединилась к Греко-Римской культуре на юге и уже, постепенно, развила свою собственную особую версию Христианства и свою собственную форму аграрной культуры. Западная Европа далеко отстала от Христианской Византийской Империи, где Римская Империя не рухнула, как это было в Европе. К двенадцатому и тринадцатому векам эти Западноевропейские страны примерно догнали других основные культуры, и к шестнадцатом веке начали процесс масштабных преобразований, которые позволили бы Западу доминировать в остальном мире. Достижение такого господства с помощью людей не принадлежащих их группе уникален. Это похоже на появление Арабских Мусульман в качестве мировой державы в седьмом и восьмом веках, но Мусульмане не достигли мировой гегемонии и не развили новый вид цивилизации, как Европа начала делать в шестнадцатом веке. Когда Турки пытались реорганизовать свою армию вдоль западных границ в надежде, сдержать угрозу со стороны Европы, их усилия были обречены, потому что они были слишком поверхностны. Чтобы победить Европу в её собственной игре, обычное аграрное общество должно измениться сверху донизу, и вновь полностью создать свои социальные, экономические, образовательные, религиозные, духовные, политические и

интеллектуальные структуры. И это пришлось бы делать очень быстро, невыполнимая задача, поскольку Западу понадобилось почти триста лет, чтобы достичь этого развития.

Новое общество Европы и ее Американские колонии имели разные экономические основы. Вместо того, чтобы полагаться на излишек сельскохозяйственной продукции, общество было основано на технологиях и инвестициях капитала, что позволило Западу воспроизводить свои ресурсы на неопределенный срок, так что на Западное общество уже не распространялись такие же ограничения, как на аграрную культуру. Этот крупный переворот в действительности представляет собой второе Осевое Время, которое нуждалось в перевороте установленных нравов на нескольких фронтах одновременно: политическом, социальном и интеллектуальном. Это не было запланировано или продумано заранее, но являлось результатом сложного процесса, который привел к созданию демократических, светских социальных структур. К шестнадцатому веку Европейцы достигли научной революции, которая дала им больший контроль над окружающей средой, чем кто-либо добивался раньше. Также существовали новые изобретения в области медицины, навигации, сельском хозяйстве и промышленности. Ни один из них не являлся сам по себе решающим, но их совокупный эффект был радикальным. К 1600 году инновации происходили в таких масштабах, что прогресс, казался необратимым: открытие в одной области часто приводит к свежим идеям в другой. Вместо того, чтобы рассматривать мир, как регулируемый непреложными законами, Европейцы обнаружили, что они могли бы изменить ход природы. В то время как консервативное общество, созданное аграрной культурой не могло позволить себе такое изменение, люди в Европе и Америке становились все более уверенными. Теперь они были готовы инвестировать и реинвестировать капитал в уверенное ожидание продолжительного прогресса и постоянного совершенствования торговли. К тому времени, когда технизация общества привела к промышленной революции девятнадцатого века, Западные люди чувствовали такую уверенность, что они больше не смотрели в прошлое ради вдохновения, как в аграрных культурах и религиях, но надеялись на будущее.

Модернизация общества включала в себя социальные и интеллектуальные изменения. Лозунгом являлась эффективность: изобретение или государство должно было видеть, эффективную работу. Все большее число людей были необходимо для того чтобы принять участие в различных научных и промышленных проектах на достаточно скромных уровнях – такие как печатники, клерки, фабрично-заводские рабочие - и для того, чтобы соответствовать новым стандартам, люди должны были получить какое-нибудь образование. Другие люди были необходимы, чтобы покупать серийные товары, таким образом, чтобы удерживать экономику в рабочем состоянии нужно было чтобы всё большее число людей жили выше прожиточного минимума. Чем больше рабочих становились грамотными, тем больше они требовали принятия участия в решениях правительства. Если нация хотела использовать все свои людские ресурсы, чтобы повысить свою производительность, она должна была привести группы, которые до сих пор были разделены и маргинальны, такие как Евреи, в основной поток культуры. Религиозным различиям и духовным идеалам не должно быть позволено препятствовать прогрессу общества, ученые, монархи и чиновники настаивали, чтобы они свободны от церковного контроля. Таким образом, идеалы демократии, плюрализма, терпимости, прав человека и секуляризма были не просто красивыми идеалами придуманными политологами, но были, по крайней мере, продиктованными потребностями современного государства. Было установлено, что для того, чтобы быть эффективной и продуктивной, современная нация должна была быть организована на светской,

демократической основе. Но было также установлено, что, если общество организовывало все свои институты в соответствии с новыми рациональными и научными нормами, они станут неустойчивыми и обычные аграрные государства не подходили им.

Это имело роковые последствия для Исламского мира. Прогрессивный характер современного общества и промышленной экономики означали, что они будут постоянно расширяться. Необходимы были новые рынки, и как только развивающиеся страны насыщались, им приходилось искать рынки сбыта за рубежом. Поэтому Западные государства начали различными путями колонизировать аграрные страны за пределами современной Европы для того, чтобы привлечь их в коммерческую сеть. Это также являлось сложным процессом.

Колонизированная страна поставляла сырьё на экспорт, который был необходим для Европейской промышленности. В свою очередь, она получала дешевые промышленные Западные товары, что означало то, что местная промышленность, как правило была, разрушена. Колония также должна была быть преобразована и модернизирована по Европейскому образцу, ее финансовая и коммерческая жизнь рационализировалась и подгонялась под Западную систему, и по крайней мере некоторым из местных приходилось приобретать некоторое знакомство с современными идеями и преобладающими чертами.

Такая колонизация пришла в аграрные колонии захватническим путём, тревожная и чужеродная. Модернизация была неизбежно поверхностной, так как процесс, который занял три столетия в Европе, был бы достигнут при максимальной скорости. В то время как современные идеи имели достаточно времени для того чтобы постепенно достичь нижних слоёв общества в Европе, в колониях лишь небольшое число людей, которые являлись членами высшего общества и в частности военные, могли получить Западное образование и оценить динамику современности. Подавляющее большинство населения осталось по неволе в упадке в старой аграрной культуре. Следовательно, общество разделилось и больше ни одна из сторон не могла понять другую. Те, кто остался за пределами процесса модернизации были встревожены смотря как их страна стала совершенно другой, подобно другу, изуродованному болезнью и ставшему неузнаваемым. Ими правили, используя светские иностранные законы, которые они не могли понять. Их города были преобразованы, Западные здания "модернизировали" города, часто оставляя "старый город", в качестве музейного экспоната, туристической ловушки и реликта ушедшего века. Западные туристы часто чувствовали себя дезориентированными и потерявшимися в извилистых переулках и кажущемся хаосе Восточного города: они не всегда понимали, что для многих из коренного населения, их модернизированные столицы также чужды. Люди чувствовали себя потерянными в их собственных странах. Но более всего, местных жителей всех классов общества возмущало то, что они больше не могли управлять своей собственной судьбой. Они чувствовали себя оторванными от своих корней, и испытывали поглощающую потерю идентичности.

Где Европейцам и Американцам позволялось модернизировать в своём собственном темпе, и устанавливая свои собственные планы, жителей же колонизированных стран заставляли модернизироваться слишком быстро и вынуждали соблюдать чей то план. Но даже Западные люди нашли преобразование их общества болезненным. Они прошли через почти четыреста лет политических и часто кровавых революций, правления

террора, геноцида, насилия религиозных войн, ограбления деревень, огромные социальные потрясения, эксплуатация на заводах, духовные недуги и глубокое разложение общества в новых мегаполисах. Сегодня мы наблюдаем аналогичную картину насилия, жестокости, революции и дезориентации в развивающихся странах, которые делает еще более трудным продвижение к современности. Это также является верным, что современный дух, который развился на Западе в корне отличается. В Европе и Америке он имел две основные характеристики: инновация и автономия (процесс модернизации был отмечен в Европе и Америке декларацией независимости на политических, интеллектуальных, религиозных и социальных фронтах). Но в развивающемся мире, современность сопровождается не автономией, но потерей независимости и национальной автономии. Вместо инноваций, развивающиеся страны могут только модернизировать подражая Западу, который так далеко ушел в развитии, что они не имеют никакой надежды догнать. Поскольку процесс модернизации не был одинаковым, то маловероятно, что конечный продукт будет соответствовать тому, что Запад считает желательной нормой. Если правильные ингредиенты торта не доступны - если рис используется вместо муки, яичный порошок вместо свежего яйца и специи вместо сахара - результат будет отличаться от торта, описанного в книге рецептов. Очень разные ингредиенты использовались в приготовлении современного торта колонизированных стран, и демократия, секуляризм, плюрализм и остальные не будут возникать из процесса таким же образом, как это произошло на Западе.

Исламский мир содрогнулся от процесса модернизации. Вместо того, чтобы стать одним из лидеров мировой цивилизации, Ислам стал быстро и навсегда падать до зависимости от блока Европейских держав. Мусульмане были подвержены неуважению со стороны колонизаторов, которые были так тщательно, пропитаны духом современности, что они часто были потрясены тем, что они могли видеть только отсталость, неэффективность, фатализм и коррупцию Мусульманского общества. Они предположили, что Европейская культура всегда была прогрессивной и им не хватало исторической перспективы, чтобы увидеть то, что они просто рассматривают пре-модернизированное аграрное общество, и что несколько веков назад Европа была отсталой. Они часто считали само собой разумеющимся, что Западные люди по своей сути и расово превосходят "Восточных" и выражали свое презрение бесчисленными способами. Все это имело не противоестественное разрушительное воздействие. Западных людей часто сбивает с толку враждебность и гнев, которые Мусульмане часто испытывают к их культуре, которую, из-за их недостаточного знания, они нашли освобождающей и дающей много возможностей. Но Мусульманский ответ не является странным и эксцентричным; потому что Исламский мир был настолько широким и стратегически расположенным, что был на первом месте для того чтобы быть подвергнутым систематическим образом процессу колонизации на Ближнем Востоке, в Индии, Аравии, Малая (западная часть Малайзии) и значительной части Африки. Мусульмане во всех этих местах очень рано почувствовали на себе всю тяжесть этой насильственной модернизации. Их реакция не была просто реакцией на новый Запад, но была парадигматической реакцией. Они не смогли бы прийти к современности так успешно или так гладко, как например Японии, которая никогда не была колонизирована, чья экономика и институты остались нетронутыми, и кто не был вынужден изнурительно зависеть от Запада.

Европейское вторжение в Исламский мир не было однообразным, но оно было тщательным и всесторонним. Она началось в Могольской Индии. Во второй половине восемнадцатого века, Британские торговцы обосновались в Бенгалии, в то время, когда модернизация все еще была в зачаточном состоянии, Британцы жили на одном уровне с

Индуистскими и Мусульманскими торговцами. Но эта фаза Британской активности известна как "разграбление Бенгалии," потому что Британия постоянно разрушала местную промышленность, и меняла их сельское хозяйство таким образом, чтобы Бенгальцы больше не выращивали посевы для себя, но производили сырье для промышленно развитых западных рынков. Бенгалия был снижена до статуса второго класса в мировой экономике. Постепенно, по мере того как Британия становилась более "современной" и довольной собой, их отношение стало более надменным, и они были полны решимости "цивилизовать" Индейцев, с помощью Протестантских миссионеров, которые начали прибывать в 1793 году. Но Бенгальцы не было предложено развивать своё полностью развитое индустриальное общество; Британские управляющие принесли только те аспекты современной технологии, которые бы укрепляли их превосходство и держали Бенгалию на вспомогательной роли. Бенгальцы извлекли пользу из Британской эффективности, которая защищала от такие бедствий, как болезнь, голод и войны в заливе, и в результате население увеличилось; но это создало новые проблемы перенаселения и нищеты, так как не было возможности миграции в города, как на Западе, и все люди должны были оставаться на своей земле.

Разграбление Бенгалии экономически привело к политическому господству. В промежутке между 1798 и 1818 годами, в соответствии с договором или благодаря военному завоеванию, Британское правление было установлено по всей Индии, за исключением долины Инда, которая была покорена в 1843 и 1849 году. В то же время, Французы пытались создать свою империю. В 1798 году Бонапарт Наполеон взял Египет, надеясь создать базу в Суэце, что-бы отрезать Британские морские пути в Индию. Он привез с собой отряд ученых, библиотеку современной Европейской литературы, научные лаборатории и типографский пресс с Арабскими буквами. С самого начала, развитая культура Европы шла нападая, имея великолепную, эффективную и современную армию, как это было на Мусульманском Ближнем Востоке. Экспедиция Наполеона в Египет и Сирию не удалась. Он намеревался напасть на Британскую Индию с севера, с помощью России. Это придало Ирану совершенно новую стратегическую важность, и в течение следующего столетия Британия создала базу на юге страны, в то время как Русские пытались захватить контроль на севере. Ни желая делать Иран полной колонией или протекторатом (пока нефть не была обнаружена там в начале XX века) обе державы доминировали над новой династией Каджар, так что шахи не решались сделать даже шаг без поддержки хотя бы одного них. Также как и в Бенгалии, Британия и Россия продвигали только технологии, которые способствовали их собственным интересам и скрывали такие изобретения, как железная дорога, которыми мог бы воспользоваться Иранский народ, в случае угрозы их собственному стратегическому положению.

Европейские державы колонизировали одну Исламскую страну за другой. Франция девять лет спустя заняла Алжир в 1830 году, Великобритания Аден. Тунис был занят в 1881 году, Египет в 1882 году, в 1889 году Судан и Ливия, и Марокко в 1912 году, в 1915 году соглашение Сайкса-Пико разделило территорию умирающей Османской Империи (которая примкнула к Германии во время Первой мировой войны) между Великобританией и Францией в ожидании победы. После войны, Британия и Франция в подходящее время установили протектораты и мандаты в Сирии, Ливане, Палестине, Ираке и Трансиордании. Это было принято с возмущением, так как Европейские державы обещали Арабских провинциям Османской Империи независимость. На центральных Османских землях, Мустафа Кемаль, известный как Ататюрк (1881-1938), был в состоянии держать Европейцев в страхе и построить независимое государство Турции. Мусульмане на Балканах, в Россия и в Центральная Азии стали поданными

нового Советского Союза. Даже после того, некоторым из этих стран было разрешено стать независимыми, Запад зачастую продолжал контролировать экономику, такие ресурсы, как нефть или Суэцкий канал. Европейская оккупация часто оставляла в наследство ожесточенный конфликт. Когда Англичане ушли из Индии в 1947 году, Индийский субконтинент был разделен между Индуистской Индией и Мусульманским Пакистаном, которые по сей день находятся в состоянии смертельной враждебности, имея в наличии ядерное оружие, направленное на столицы друг друга. В 1948 Арабы Палестины потеряли родину, отдав Сионистам, которые создали Еврейское светское государство Израиль на той земле при поддержке Организации Объединенных Наций и международного сообщества. Потеря Палестины стал мощным символом унижения Мусульманского мира руками Западных держав, которые, казалось, не чувствовали угрызений совести по поводу лишения и постоянного изгнания сотен тысяч Палестинцев.

Тем не менее, в самые ранние дни, некоторые Мусульмане были влюблены в Запад. Иранские интеллектуалы Малким Хан (1833-1908) и Ага Хан Кирмани (1853-96) призывали Иранцев получать Западное образование и заменить Шариат современным светским правовым кодексом, рассматривая это как единственный путь к прогрессу. Сторонники светской школы из этих кругов, присоединились к более либеральным улемам в конституционной революции 1906 года, и заставили Каджаров написать современную конституцию, чтобы ограничить полномочия монархии и дать Иранцам парламентское представительство. Большинство ведущих муджтахидов в Наджаф поддержали конституцию. Шейх Мухаммад Хусейн Наини выразил их точку зрения наиболее убедительно в своем обращении к нации (1909), утверждал, что ограничение тирании таким образом являлся явно актом достойным Шиитов, и что конституционное правительство, в Западном стиле, было лучшее, что предшествовало бы возвращению Скрытого Имама. Египетский писатель Рифф ат-Тахави (1801-73) был в восторге от идей Европейского Просвещения, чье видение напомнило ему Фалсафа. Он любил то как всё развивалось должным образом в Париже, был впечатлен рациональной точностью Французской культуры, грамотностью простых людей, и заинтригован страстью к инновациям. Он жаждал помочь Египту войти в этот дивный новый мир. В Индии, Саид Ахмад-хан (1817-98) пытался адаптировать Ислам к современному Западнему либерализму, утверждая, что Коран вполне был в согласии с законами природы, которые были открыты современной наукой. Он основал колледж в Алигархе, где Мусульмане могли заниматься наукой и Английским наряду с обычными Исламскими предметами. Он хотел помочь Мусульманам жить в современном обществе, не копируя Англичан, сохраняя чувство собственной культурной идентичности.

Перед колонизация попала в их области, некоторые Мусульманские правители пытались модернизировать своими силами. Османский султан Махмуд II ввёл в действие Танзимат (Упорядочение) в 1826 году, отменил Янычар, модернизировал армию и ввел некоторые новые технологии. В 1839 году султан Абдулхэмид издал указ Гюльхане, который сделал его правление зависимым от договорных отношений со своими подданными, и ожидал крупных реформ имперских институтов. Однако более драматично, была программа модернизации Албанского паши Египта Мухаммеда Али (1769-1849), который сделал Египет практически не зависимым от Стамбула, и практически в одиночку поднял отсталую провинцию в современный мир. Но жестокость его методов показала, как трудно было проводить модернизацию с такой головокружительной скоростью. Он жестоко вырезал политическую оппозицию; также говорят, что двадцать три тысячи призывников - крестьян, умерли из-за непосильного труда, связывая и улучшая ирригационные и водные коммуникаций Египта; другие крестьяне также боялись

призыва в модернизированную армию Мухаммеда Али, они часто прибегали к увечьям, отрезая свои пальцы и даже ослепляя себя. Чтобы секуляризовать страну, Мухаммед Али конфисковал большое количество религиозно пожертвованного имущества и систематически изолировал улемов, отказывая им в любом виде власти. В результате, улемы, которые пережили современность как шокирующее нападение, стали еще более замкнутыми и закрыли свои разумы от нового мира, который шёл в их страну. Внук Мухаммеда Али Исмаил-паша (1803-95) был еще более успешным: он заплатил за строительство Суэцкого канала, построил 900 миль (1.440 км) железных дорог, провёл системы орошения к 1.373.000 акрам (555.633 га) земли до сих пор некультивируемых, создал современные школы для мальчиков и девочек и превратил Каир в современный город. К сожалению, стоимость этой амбициозной программы привела Египет к банкротству, ввела страну в долги и дала Британии предлог для установления своей военной оккупации в 1882 году, чтобы защитить интересы Европейских акционеров. Мухаммед Али и Исмаил хотели сделать Египет современным независимым государством; вместо этого, в результате модернизации, он просто стал виртуальной Британской колонией.

Ни один из ранних реформаторов полностью не оценил идеи, лежащие в основе трансформации Европы. Поэтому их реформы были, поверхностными. Но позже, реформаторы, включая Саддама Хусейна, также пытались заполучить военные технологии и внешние атрибуты современного Запада, не сильно заботясь о том, как это отразится на остальной части общества. Однако с раннего времени, некоторые реформаторы остро понимали такую опасность. Одним из первых забил тревогу Иранский активист Джамаль аль-Дин (1839-97), который называл себя "аль-Афгани" ("Афганский"), вероятно, надеясь, что он привлечёт более широкую аудиторию в Мусульманском мире Афганского Суннизма, чем в Иранском мире Шиитов. Он находился в Индии во время великого мятежа Индусов и Мусульман против Британского правления в 1857 году; куда бы он ни отправился, в Аравию, Египет, Турцию, Россию или Европу, он узанвал о вездесущей власти Запада, и был убежден, что Запад в ближайшее время станет доминировать и подавит Мусульманский мир. Он мог видеть опасности незначительной имитации Западной жизни, и просил людей в Исламском мире присоединиться к силам против Европейской угрозы; они должны прийти к научной культуре нового мира по их собственным меркам. Поэтому они должны, развивать свои культурные традиции, и это значит Ислам. Но сам по себе Ислам должен реагировать на изменившиеся условия и стать более рациональным и современным. Мусульмане должны восстать против долгого закрытия "ворот иджтихада" и использовать свою собственную освобождённую основу, как настаивали Коран и Пророк.

Западное посягательство сделало Исламскую политику снова центральной. С момента Пророка Мухаммеда, Мусульмане рассматривали текущие события как теофанию; они встречали Бога, который присутствовал в истории, который давал постоянный вызов, чтобы построить лучший мир. Мусульмане искали божественного смысла в политических событиях, и даже их неудачи, и трагедии приводили к основным развитиям в теологии и духовности. Когда Мусульмане добились государственного устройства, которое больше соответствовало духу Корана после упадка халифата Аббасидов, они меньше мучились относительно политического здоровья уммы, и чувствовали себя свободными, чтобы больше развивать внутренней благочестие. Но вторжение Запада в их жизнь подняло основные религиозные вопросы. Унижение уммы стало не просто политической катастрофой, но коснулось глубин души Мусульман. Эта новая слабость

была признаком того, что что-то серьезно пошло наперекосяк в Исламской истории. Коран обещал, что общество, которое покорится явленному Богу не может потерпеть неудачу. Мусульманская история доказала это. Снова и снова, когда бедствие приходило, наиболее набожные Мусульмане обращались к религии, находят там ответы относительно новых обстоятельств, и умма не только возрождала, но, как правило, подвигала на большие достижения. Как мог Ислам падать все ниже и ниже под властью светского, безбожного Запада? С этого момента, много Мусульман будут пытаться найти ответы на эти вопросы, и их попытки вернуть Мусульманскую историю обратно на прямой путь иногда станут казаться отчаянными. Террорист-смертник - почти беспрецедентный феномен в истории Ислама - показывает, что некоторые Мусульмане убеждены, что они выступают против безнадежного неравенства.

Политические кампании Аль-Афгани, которые часто были либо странными или аморальными, происходили по причине этого отчаяния. В 1896 году, например, один из его учеников убил шаха Ирана. Но его друг и коллега Египетский ученый Мухаммад Абду (1849-1905) был более глубоким и умеренным мыслителем. Он считал, что образование, но не революция ответ. Абду был опустошен Британской оккупацией Египта, но он любил Европу, чувствовал себя вполне непринужденно с Европейцами и был широко читаем в Западной науке и философии. Он сильно уважал политические, правовые и образовательные учреждения современного Запада, но не верил, что они могли бы быть пересажены целиком в глубоко религиозные страны такие, как Египет, где модернизация была слишком быстрой и волей-неволей исключала огромную массу людей. Было важно привить современные правовые и конституционные нововведения к традиционным Исламским идеям, которые люди могли бы понять; общество, в котором люди не могут понять закон становится страной без закона.

Исламский принцип аш-Шура (Совет), например, может помочь Мусульманам понять смысл демократии. Образование также нуждалось в реформе. Студенты медресе должны изучать современную науку чтобы помочь Мусульманам войти в новый мир, в Исламском контексте, чтобы сделать его значимым для них. Шариат нуждается в обновлении, и оба Абду и его младший современник, журналист Рашид Рида (1865-1935), знали, что это будет длительным и сложным процессом. Рида был встревожен растущей секуляризацией Арабских интеллектуалов и ученых, которые иногда высмеивали Ислам, веря в то, что он удерживал Мусульман в прошлом. Рида верил, что это только могло ослабить умму и сделать её еще более уязвленной для Западного империализма. Рида был одним из первых Мусульман, выступающих за создание полной модернизации, но полностью в Исламском государстве на основе реформированного шариата. Он хотел создать колледж, где студенты могли бы познакомиться с международным правом, социологией, мировой историей, научным изучением религии и современной науки, параллельно с изучением фикхи. Это бы гарантировало, что Исламская юриспруденция развивалась бы в действительно современном контексте, сочетаясь с традициями Востока и Запада, и это делало бы Шариат, аграрный свод законов, совместимым с новым типом общества, сложившемся на Западе.

Реформаторы постоянно чувствовали, что должны ответить на Европейскую критику Ислама. Запад теперь говоря о Мусульманстве обсуждал религиозные так же, как и политические дела. В Индии, поэт и философ Мухаммад Икбал (1876-1938) настаивал, что Ислам был также рациональным, как любая другая Западная система. На самом деле, Ислам был наиболее рациональным и совершенным из всех конфессиональных вероисповеданий.

Строгий монотеизм освободил человечество от мифологии, а Коран призвал Мусульман рассматривать природу внимательно, отражать в своих наблюдениях и подвергать свои действия постоянному контролю. Таким образом, эмпирическая дух, который дал зарождение современности, по факту, возник в Исламе. Это было частичным и неточным толкованием истории, но не более предвзятым чем Западная тенденция того времени, рассматривать Христианство как высшую веру и Европу как всегда идущую в авангарде прогресса. Акцент Икбала относительного рационального духа Ислама привел его к очернению Суфизма. Он представлял новую тенденцию отхода от мистики, которая станет более распространенной в Мусульманском мире в качестве современного рационализма, который стал казаться единственным путём. Икбал находился глубоко под влиянием Западной мысли и получил докторскую степень в Лондоне. Тем не менее, он считал, что Запад поднял прогресс за счет непрерывности; светский индивидуализм отделил понятие личности от Бога и сделал его идолопоклонством и потенциально демоническим. В результате, Запад в конечном итоге уничтожит себя, позиция которая была легка для понимания, после Первой Мировой Войны, что могло бы рассматриваться как коллективное самоубийство Европы. Поэтому Мусульмане имели жизненно важную миссию свидетельствовать о божественном области жизни, не отходя от мира ради того, чтобы участвовать в медитации, но активно внедрять социальные идеалы Шариата.

Реформаторов мы рассматривали до сих пор как интеллектуалов, которые обращались главным образом к образованной элите. В Египте, молодой учитель Хасан аль-Банна (1906-49) основал организацию, которая принесла свои идеи в массы. Общество Братьев-Мусульман стало массовым движением на всем Ближнем Востоке, и являлось единственной идеологией в то время, которая была в состоянии обращаться ко всем сферам общества. Аль-Банна знал, что Мусульманам необходима Западная наука и технологии, и что они должны реформировать свои политические и социальные институты. Но он был также убежден, как и реформаторы, что это должно идти рука об руку с духовным реформированием. Когда аль-Банна рассматривал как Британцы жили в роскоши в зоне Суэцкого Канала, он был тронут до слез контрастом с жалкими лачугами Египетских рабочих. Он рассматривал это как религиозную проблема, которой необходимо Исламское решение. Где Христиане часто реагировали на вызов современности возрождением прежних доктрин, Мусульмане реагировали, прилагая социальные или политические усилия (джихад). Аль-Банна настаивал, что Ислам являлся общим образом жизни; религия не может быть ограничена в частной сфере, как Запад утверждал. Его общество пыталось истолковать Коран для удовлетворения духа новой эпохи, но также и объединить Исламские народы, поднять уровень жизни, достичь более высокого уровня социальной справедливости, бороться с неграмотностью и бедностью, и освободить Мусульманские земли от иноземного господства. Находясь под колонизаторами, Мусульмане были отрезаны от своих корней. Как долго они будут подражать другим народам, так долго они будут оставаться культурные полукровками. Кроме того, обучая братьев и сестёр ритуалам молитвы и жизни в соответствии к Кораном, аль-Банна строил школы, основал современное движение скаутов, открыл вечерние школы для рабочих и учебные колледжи для получения гражданских профессий. Братья основали клиники и больницы в сельской местности, построили заводы, где Мусульмане получали более высокие зарплаты, ввёл медицинское страхование и праздники, которые были в государственном секторе, преподавал Мусульманам современные трудовые законы, чтобы они могли защищать свои права.

У общества были свои недостатки. Меньшинство занималось терроризмом, и это привело к почти к его распаду (хотя с тех пор оно возродилось, под различными покровителями). Но большинство членов - миллионы Мусульман в 1948 году - ничего не знали об этих действиях и видели свое благосостояние и религиозную миссию как критически важные. Мгновенный успех в обществе, которое стало самым мощным политическим институтом в Египте во время Второй Мировой Войны показал, что огромная масса людей хотела быть современной и религиозной, не зависимо от того, что интеллектуалы или светское правительство поддерживали. Этот тип социальной работы продолжал характеризовать многие из современных Исламских движений, особенно Муджама (Исламский конгресс), основанный шейхом Ахмедом Ясин в Газе, который построил аналогичную богатую империю, чтобы принести пользу современности Палестинцам на территориях, оккупированных Израилем после войны в июне 1967 года, но в Исламском контексте.

Что такое современный Мусульманское государство?

Колониальный опыт и столкновение с Европой вывернули Исламское общество наизнанку. Мир бесповоротно изменился. Мусульман было трудно понять, как реагировать на Запад, потому что задача была беспрецедентной. Если бы они участвовали в качестве полноправных партнеров в современном мире, Мусульмане должны были бы внедрять эти изменения. В частности, Запад считал необходимым отделить религию от политики, чтобы освободить государство, науку и технологию от ограничений консервативной религии. В Европе, национализм заменил верность вере, которая раньше прочно связывала общества к между собой. Но этот эксперимент девятнадцатого века оказался проблематичным. Национальные государства Европы приступили к гонке вооружений в 1870 году, что привело в конечном итоге к двум мировым войнам. Светские идеологии оказались просто убийственными, так же как старый религиозный фанатизм, как это стало видно в нацистском Холокосте и Советском ГУЛАГе. Философы Просвещения верили, что чем больше образованных людей появятся, тем более рациональными и терпимыми они будут. Эта надежда оказалась утопией, как и любая другая из старых мессианских фантазий. Наконец, современное общество пришло к демократии, и это в общем, сделало жизнь более справедливой и равноправной для большего числа людей в Европе и Америке. Но люди Запада прошли столетия, чтобы подготовиться к демократическим экспериментам. Это бы очень сильно отличалось от того, когда современные парламентские системы навязываются обществу, которое все еще является преимущественно аграрным или недостаточно модернизированным, и где подавляющее большинство населения находя современный политический дискурс непонятным для себя.

Политика никогда не была центральной в Христианском религиозном опыте. Иисус, в конце концов, сказал, что его царство не от мира сего. На протяжении веков, Евреи Европы воздерживались от участия в политической жизни принципиально. Но политика не была второстепенным вопросом для Мусульман. Мы рассматривали её, в качестве театра своих религиозных исканий. Спасение не означало, искупление от греха, но создание справедливого общества, в котором человек мог намного легче принять экзистенциальное подчинение всем своим бытием, что бы принесло бы удовлетворение. Поэтому государство являлось делом первостепенной важности, и на протяжении всего XX века предпринимались одна попытка за другой, чтобы создать по-настоящему Исламское государство. Это всегда было трудной задачей. Это было стремлением, которое нуждалось в джихаде, борьбе, которая не могла найти простой результат.

Идеал таухида, казалось бы, исключает идеал светского, но в прошлом и Шииты и Сунниты признали разделение религии от политики. Прагматическая политика часто грязная и жестокая; идеальное Мусульманское государство не "получено", а просто применимо, но на это требуется творческая изобретательность и дисциплина, чтобы реализовать идеал эгалитарной Корана в мрачных реалиях политической жизни. Это не правда, что Ислам делает невозможным для Мусульман создание современного светского общества, как иногда Запад это представляет. Но это правда, что секуляризация сильно отличается в Мусульманском мире. На Западе секуляризация, как правило, проходила безболезненно. В ранние дни, философам, таким как Джон Локк (1632-1704) было понятно, что быть религиозным являлось новым и лучшим, так как это освобождало религию от принуждённого государственного контроля и позволяло религии быть более верной своим духовным идеалам. Но в Мусульманском мире, секуляризм часто рассматривался как жестокое нападение на религию и всё религиозное.

К примеру Ататюрк, закрыл все медресе, подавил Суфийских ордена и заставил мужчин и женщин носить современную Западную одежду. Такое принуждение всегда было контрпродуктивно. Ислам в Турции не исчез, он просто ушёл в подполье. Мухаммед Али также подверг ограблению Египетский улемов, присвоил их пожертвования и лишил их влияния. Позже Джамал Абд аль-Насер (1918-70) стал на некоторое время довольно таки воинственно настроенным анти исламистом, и подавил организацию Братьев-Мусульман. Один из братьев, принадлежавший к тайному террористическому крылу этого общества, совершил покушение на жизнь аль-Насера, но большинство из тысяч братьев, которые томились в течение многих лет в концлагерях аль-Насера не сделали ничего подстрекательного, а просто раздавали листовки или присутствовали на встречах. В Иране, монархи Пехлеви были также безжалостны в их секуляризме. Реза-Шах Пехлеви (годы правления 1921-41) лишил улемов их пожертвований, и заменил Шариат гражданской системой; он подавил празднования Ашура в честь Хусейна, и запретил Иранцам совершать хадж. Исламское платье было запрещено, и солдаты Реза обычно срывали паранджу с женщин штыками и разрывали паранджу на куски прямо на улице. В 1935 году, когда протестующие мирно шли на демонстрации против закона о снятии хиджаба в храм Восьмого Имама в Мешхеде, солдаты открыли огонь по безоружным людям и были сотни человеческих жертв. Улемам, которые наслаждались непревзойденной властью в Иране, пришлось смотреть как их влияние рушиться. Но Аятолла Мударис, клирик, который напал на Резу в парламентской Ассамблее, был убит режимом в 1937 году и улемы стали слишком напуганы, чтобы проводить какие-либо дальнейшие акции протеста. Сын и преемник Резы, Мухаммад Реза Шах (правил 1944-79), оказался так же враждебно и презрительно настроен по отношению к Исламу. Сотни студентов медресе, которые осмелились протестовать против режима были расстреляны на улицах, медресе были закрыты и ведущие улемы были замучены до смерти, заключены в тюрьмы и сосланы. Не существовало ничего демократического в этом светском режиме. САВАК, тайная полиция шаха, бросала Иранцев в тюрьмы без суда и следствия, подвергали их пыткам и запугивали, и не существовало ничего по-настоящему истинного в представительной власти.

Национализм, из-за которого Европейцы сами начали страдать в последней половине двадцатого века, был также проблематичным. Единство уммы давно было заветной идеей; теперь Мусульманский мир был разделен на царства и республики, чьи границы были произвольно составлены Западными державами. Было не легко поднять

национальный дух, для того чтобы Мусульмане привыкли думать о себе как об Османских гражданах и членах Дар аль-Ислама. Иногда то, что проявлялось как национализм несло чисто отрицательную реакцию и начинало отождествляться с желанием избавиться от Запада. Некоторые из новых государств были построены таким образом, что должно существовала напряженность среди своих граждан. Южная часть Судана, например, была в значительной степени Христианской, в то время как север был Мусульманским. Для людей, привыкших давать определение своей самобытности с использованием религиозных терминов, было бы трудно установить общий "Суданский" национализм. Проблема была еще более острой в Ливане, где население было поровну разделено на три религиозных общины - Суннитов, Шиитов и Маронитских Христиан - которые всегда раньше были автономны. Разделение власти оказалось невозможным. Демографическая часовая бомба привела к гражданской войне (1975-90), которая трагически разрывала страну на части. В других странах, таких как Сирия, Египет и Ирак, национализм будет принят элитой, но не более консервативными массами людей. В Иране, национализм Пехлеви был непосредственно враждебным Исламу, поскольку он пытался разорвать связь страны с Шиизмом и опирался на древнюю Персидской культуры доисламского периода.

Демократия также выявила проблемы. Реформаторы, которые хотели привить современность Исламской подструктуры отметили, что сам по себе идеал демократии не является враждебным Исламу. Исламский закон продвигал принципы Шуры (консультации) и иджмы, когда закон должен был быть одобрен "консенсусом" представительной части уммы. Рашидун избирался большинством голосов. Все это было вполне совместимо с демократическим идеалом. Часть трудностей заключалась в том, что Запад формулировал демократию как "власть народа, волей народа и для народа." В Исламе, это Бог, а не люди, является тем, кто даёт легитимность правительству. Такое возвышение человечества могло показаться, как идолопоклонство (ширк), так как это отбирала суверенитет у Бога. Но было невозможным для Мусульманских стран вводить представительные формы правления без соблюдения Западного утверждения. Но демократический идеал часто запятнан на практике. Когда Иранцы создали свой Меджлис (Место собрания) после Конституционной Революции 1906 года, Русские помогли шаху закрыть его. Позже, когда Британцы пытались оказать Ирану протекторат в 1920, Американцы отметили, что они часто фальсифицировали выборы, чтобы обеспечить результат, благоприятный для им. Позже Американская поддержка непопулярного Мухаммад Реза-Шаха, который не только закрыл Меджлис осуществляя свою программу модернизации, но систематически лишал Иранцев фундаментальных прав человека, которые должны были быть гарантированы демократией, совершая такое казалось, что существовал двойной стандарт. Запад с гордостью провозгласил демократию для своих людей, но Мусульмане должны были подчиниться жестокой диктатуре. В Египте произошли семнадцать всеобщих выборов в период с 1923 по 1952 годов, все из которых были выиграны Народной партией Вафда, но Вафду было разрешено править только пять раз. Их, как правило, заставляли отступить или Англичане, или царь Египта.

Поэтому создание современного демократического национального государства, в котором религия была низведена до частной сферы, являлось трудным для Мусульман. Другие решения, казались немного лучше. Королевство Саудовской Аравия, основанное в 1932 году, было основано на идеале Ваххабитов. Официальной точкой зрения являлось, что в Конституции не было необходимости, так как правительство было основано на буквальном чтении Корана. Но Коран содержит очень мало законов и всегда

существовала необходимость на практике дополнять его более сложной юриспруденцией. Саудовская Аравия объявила, что они были наследниками нетронутого Ислама на Аравийском полуострове, и улемы предоставляют государственную легитимность; взамен цари навязывают консервативные религиозные ценности. Женщины скрыты из поля зрения и изолированный (хотя такого не было во времена Пророка), азартные игры и алкоголь запрещены и традиционные наказания, такие, как нанесение увечий ворами были закреплены в правовой системе. Большинство Мусульманских государств и организаций, не считают, что верность Корану требует, таких пре-модернизских практик наказания. Братья-Мусульмане, например, с самого раннего дня осуждали использование Саудовцами Исламских наказаний, как неуместные и архаичные, особенно когда несметные богатства правящей элиты и неравное распределение богатств среди Мусульман оскорбляло гораздо более важные ценности Корана.

Пакистан являлся еще одним современным Исламским экспериментом. Мухаммад Али Джинна (1876-1948), основатель государства, был проникнут современным светским идеалом. Со времён Аурангзеба, Мусульмане чувствовали себя несчастными и неуверенными в Индии: они опасались за их идентичность и чувствовали беспокойство относительно власти Индуистского большинства. Естественно, это чувство стало более острым после раздела субконтинента Англичанами в 1947 году, когда общественное насилие взорвалось на обеих сторонах, и тысячи людей потеряли свои жизни. Джинна хотел создать политическую арену, на которой Мусульмане не были определены или ограничены их религиозной идентичностью. Но что это означало для Мусульманского государства, которое превратило широкое использование Исламских символов, сделав их "светскими"? Организация "Джамаат-Ислами", основанный Абулом Ала Маудуди (1903-79), настаивала на более строгом соблюдении норм Шариата, а в 1956 году конституция формально определяла Пакистан как Исламскую Республику. Это представляло собой стремление, которое в настоящем времени было воплощено в политических учреждениях страны. Правительство генерала Мухамеда Айюб Хана (1958-69) было типичным примером агрессивного секуляризма, которое мы уже рассмотрели. Он национализировал религиозные пожертвования, наложил ограничения на образования медресе и продвигал чисто светскую правовую систему. Его целью было сделать Ислам гражданской религией, поддающимся государственному контролю, но это неизбежно привело к напряженности с исламистами и в конечном итоге к падению Хана.

В 1970-х, исламистские силы стали основным направлением оппозиции по отношению к правительству, и левый, светский Премьер-министр Зульфикар Али Бхутто (1971-77) попытался успокоить их, запрещая алкоголь и азартные игры, но этого не было достаточно, и в июле 1977 года набожный Мусульманин Мухаммад Зия аль-Хакк произвёл успешный переворот и установил якобы Исламского режим. Он восстановил традиционную Мусульманскую одежду, а также восстановил Исламский уголовный и коммерческий закон. Но даже президент Зия держал Ислам на окраине в политических и экономических вопросах, где его политика была откровенно светской. После его смерти в авиакатастрофе в 1988 году, на Пакистанскую политику оказывалось этническое давление, соперничество и коррупционные скандалы среди членов элитных классов, и исламисты стали менее влиятельными. Ислам по-прежнему оставался важным для идентичности Пакистана и был очевидным повсеместно в общественной жизни, но он по-прежнему не оказывал влияния на реальную политику. Компромисс напоминает решений Аббасидов и Монголов, которые видели похожее разделение полномочий. Государство, похоже, выстроило Исламские партии в линию, но такое положение дел

далеко от идеала. В Индии, несоразмерные суммы были затрачены на ядерное оружие, в то время как, по крайней мере треть населения, томится в безнадежной бедности, ситуация, которая претит действительно Мусульманскому чувствительности. Мусульманские активисты, которые чувствуют себя принуждаемыми со стороны государства смотрят в сторону правительства фундаменталистов Талибов в соседнем Афганистане.

Тот факт, что Мусульмане еще не нашли идеальное государственное устройство для XX века не означает, что Ислам несовместим с современностью. Борьба сохраняет Исламский идеал в государственных структурах и находит правильного лидера, который занимается Мусульманами на протяжении всей их истории. Потому что, как и любая религиозная ценность, понятие истинного Исламского государства является трансцендентным, оно никогда не может быть полностью выражено человеческим языком и всегда ускользает от хватки ослабленных и ущербных людей. Религиозная жизнь трудна, и светский рационализм нашей современной культуры создает особые проблемы для людей из всех крупных традиций. Христиане, которые больше озабочены доктринами чем политикой, в настоящее время борются с догматическими вопросами в их стремлении заставить их веру взывать к современной чувствительности. Например, они обсуждают свою веру в божественность Христа, некоторые цепляются за старые формулировки вероучения, другие находят более радикальные решения. Иногда такие обсуждения становятся мучительными и даже желчными, потому что вопросы касаются религиозной сути, которая лежит в основе Христианской концепции. Борьба за современное Исламское государство является Мусульманским эквивалентом этой дилеммы. Все религиозные люди, любого возраста должны сделать так, чтобы их традиции отвечали на проблемы их конкретной современности, и стремление к идеальной форме Мусульманского правительства не следует рассматривать как аномальное, но как существенную и типичную религиозную деятельность.

Фундаментализм

Западные СМИ часто создают впечатление, что боевая готовность, а иногда и жестокая форма религиозности, известная как "фундаментализм" является чисто Исламским явлением. Это не так. Фундаментализм — это глобальный факт и появляется на поверхности в каждой крупной вере в ответ на проблемы нашего современности. Существует фундаменталисты Иудаизма, Христианский фундаментализм, Индуский фундаментализм, Буддистский фундаментализм, фундаментализм Сикхов и даже Конфуцианский фундаментализм. Этот вид веры появился сначала в Христианском мире в Соединенных Штатах в начале двадцатого века. Это не произошло случайно. Фундаментализм не является монолитным движением; каждая форма фундаментализма, даже в пределах одной традиции, развивается самостоятельно и имеет свои собственные символы и религиозное исступление, но все его различные проявления несут семейное сходство. Было замечено, что фундаменталистское движение не возникает сразу, как рефлекс колена на удар, в ответ на появление Западной современности, но складывается, когда процесс модернизации довольно таки далеко продвинулся. Сначала, религиозные люди пытаются реформировать свои традиции и “заключить брак” между ними и современной культурой, как мы видели на примере дел Мусульманских реформаторов. Но когда эти умеренные меры ни к чему не приводят, некоторые люди прибегают к более экстремальным методам, и таким образом зарождается фундаменталистское движение. Оглядываясь назад, мы видим, что этого следовало ожидать, что фундаментализм проявит себя сначала в Соединенных Штатах, витрине современности,

и только потом, намного позже, появится в других частях мира. Из трех монотеистических религий, Ислам был по факту последним, кто создал фундаменталистское напряжение, когда современная культура начала укореняться в Мусульманском мире в конце 1960-х годов и 1970-х годов. К этому времени, фундаментализм был довольно таки хорошо установлен среди Христиан и Евреев, которые имели более длительное соприкосновения с современностью. Движения фундаменталистов во всех вероисповеданиях обладают определенными характеристиками. Они показывают глубокое недовольство и разочарование современным экспериментом, который не принёс того, что обещал. Характеристики также выражают существующий страх. Каждое фундаменталистское движение, которое я изучил, убежденно, что светское учреждение определено стереть религию. Это не всегда является параноидальной реакцией. Мы могли видеть, что секуляризм часто навязывался очень агрессивно в Мусульманском мире. Фундаменталисты оглядываются назад на золотой век, до нашествия современности, для того чтобы подчерпнуть вдохновение, но не характерное их возвращению в Средневековье. Всё это неразрывно связано с современным движением и ни могло появиться ни в каком другом времени, как только в нашем. Всё является инновационным и часто радикальным в их толковании религии. Таким образом, фундаментализм является неотъемлемой частью современного общества. Где-бы современность не пустила корни, вероятно всего появление фундаменталистского движения, в качестве сознательной реакции. Фундаменталисты часто выражают недовольство современным развитием препятствуя проникновению его элементов в их традиции. Все они даже в Соединенных Штатах весьма критически относятся к демократии и секуляризму. Из-за того, что эмансипация женщин была одним из признаков современной культуры, фундаменталисты стремятся подчеркнуть обычные, аграрные гендерные роли, закрыв женщин обратно в вуали и поместив их обратно в дом. Фундаменталистское общество может, таким образом, быть рассмотрено как теневая сторона современности; также оно может подчёркивать некоторые из темных сторон современной жизни.

Фундаментализм, таким образом, существует в симбиозе с принудительной секуляризацией. Фундаменталисты почти всегда чувствуют нападение на себя со стороны либерального или модернизированного учреждения, и как результат, их взгляды и поведение становятся более экстремальными. После знаменитого суда над Скоупсом в 1925 году в штате Теннесси, когда Протестантские фундаменталисты пытались помешать преподаванию эволюции в государственных школах и были так сильно высмеяны светской прессой, что их теология стала более реакционной и чрезмерно буквальной, и они повернули от левого политического направления в крайне правое. Когда светский мир ведёт себя более жестоко, реакция фундаменталистов, вероятно, будет еще больше жестокой. Поэтому фундаментализм показывает раскол в обществе, который придаёт определённое направление тем, кто любит светскую культуру, и тем, кто относится к ней со страхом. По мере того как время идёт, два лагеря всё более не в состоянии понять друг друга. Таким образом, фундаментализм начинается как внутренний спор с либералами или секуляристами внутри собственной культуры или нации. В первом случае, например, Мусульманские фундаменталисты часто выступают против своих земляков или Братьев-Мусульман, которые имеют более позитивный взгляд на современность, а не выступают против по отношению к таким внешним врагам как Запад или Израиль. Очень часто, фундаментализм зарождается путём отхода от массовой культуры, ради создания анклава чистой веры (как например в ультра-православных Еврейских общинах в Иерусалиме, Нью-Йорке). Поэтому они иногда ведут себя оскорбительно, что может принимать различные формы, предназначенные

для того чтобы привести основное течение обратно в русло по правильному пути и заново восстановить мир. Все фундаменталисты считают, что они борются за выживание, и что их прижали к стене, поэтому они могут верить, что должны бороться чтобы найти своё выход из тупика. Имея такой образ мышления, некоторые прибегают к терроризму. Однако, подавляющее большинство, не совершает актов насилия, а просто пытается возродить свою веру более традиционным и законным путём. Фундаменталисты были успешны до сих пор постольку они подталкивали религию со стороны обратно к центру сцены, поэтому в настоящее время фундаментализм снова играет важную роль в международных делах, развитие которое, казалось бы немыслимым в середине XX века, когда секуляризм казался на подъеме. Это, безусловно мелое место в Исламском мире начиная с 1970 года. Но фундаментализм не является просто способом "использования" религии для политических целей. По существу, эти восстания против светского исключения божественного из общественной жизни, и часто являются отчаянной попыткой заставить духовные ценности преобладать в современном мире. Но отчаяние и страх, толкающие фундаменталистов, как правило также искажают религиозные традиции, и подчеркивают его более агрессивные аспекты не беря в расчёт те, которые проповедуют терпимость и примирение.

Мусульманский фундаментализм соответствует очень близко к этим общим характеристикам. Поэтому это не является правильным, когда мы представляем себе, что Ислам несёт в себе воинственный, фанатичный дух, который побуждает Мусульман к безумному и насильственному отторжению современности. Мусульмане находятся в гармонии с фундаменталистами других конфессий по всему миру, которые разделяют их глубокие опасения по поводу современной светской культуры. Следует также заметить, что Мусульмане возражают против использования термина "фундаментализм", указывая совершенно правильно на то, что он был придуман Американскими Протестантами как знак гордости, и не может быть с пользой переведено на Арабский язык. Усул, как мы видели, относится к основополагающим принципам Исламской юриспруденции, и так как все Мусульмане согласились с этим, можно было бы сказать, что все Мусульмане поддерживают Усулию (фундаментализм). Тем не менее, при всех своих недостатках, "фундаментализм" является единственным термином, которым мы должны описывать эти воинственные религиозные движения, и трудно придумать более подходящую замену этому термину.

Одним из ранних фундаменталистских идеологов был Маудуди, основатель Джамаат-Ислами в Пакистане. Он рассматривал могущественную силу Запада в качестве сбора своих сил, чтобы сокрушить Ислам. Мусульмане, по его мнению, должны объединиться, чтобы бороться с этим посягательством секуляризма, если они хотят, чтобы их религия и культура выжили. Мусульмане сталкивались с враждебными обществами ранее и переживали бедствия, но начиная с Афгани, новая нота вкралась в Исламскую рациональность. Западная угроза впервые заставила Мусульмане обороняться. Маудуди бросил вызов всему духу секуляризма: он предлагал Исламскую теологию освобождения. Потому что только Бог являлся суверенным, никто не обязан выполнять приказы, полученные от любого другого человека. Революция против колониальных держав была не только правом, но обязанностью. Маудуди призвал к всеобщему джихаду. Так же, как Пророк боролся против Джахилии ("невежество" и варварство до-Исламского периода), Мусульмане должны использовать все средства в их силах, чтобы противостоять современным Джахилии Запада. Маудуди утверждал, что джихад был центральным принципом Ислама. Это было новым. Никто никогда не утверждал прежде, что джихад был равным пяти Столпам Ислама, но Маудуди чувствовал, что это

новшество было оправданным в настоящей ситуации. Стресс и страх культурного и религиозного уничтожения привели к развитию более чрезвычайного и потенциально сильному искажению веры.

Но настоящим основателем Исламского фундаментализма в Суннитском мире был Сайид Кутб (1906-66), который находился в значительной степени под влиянием Мавдуди. Тем не менее, он не был изначально экстремистом, но был полон энтузиазма по отношению к Западной культуре и светской политике. Даже после того как он присоединился к Братьям-Мусульманам в 1953 году он был реформатором, надеявшимся принести Западную демократию в Исламское общество, что позволило бы избежать эксцессов полной светской идеологии. Тем не менее, в 1956 году он был заключен в тюрьму Аль-Насера за то, что состоял в членстве Братства, а в концлагере он убедился, что религиозные люди и светские не могут жить в мире в одном обществе. После того как он стал свидетелем пыток и казней Братьев, и отразил это в общепризнанном определении аль-Нассера, дабы придать религии маргинальную роль в Египте, он смог увидеть все характеристики джахилии, которые он называл варварством, который существовал всегда и на все времена являлся врагом веры и с которым Мусульмане, следуя примеру Пророка Мухаммада должны были бороться до смерти. Кутб пошел дальше, чем Мавдуди, который рассматривал только немусульманские общества как Джахилия. Кутб применил термин Джахилия, который в обычной Мусульманской историографии был использован, чтобы просто описать доисламский период в Аравии, в современном Мусульманском обществе. Даже если правитель, такой как аль-Насер внешне исповедовал Ислам, его слова и действия доказывали, что он являлся отступником, и Мусульмане были обязаны свергнуть такое правительство, как Мухаммад заставил подчиняться языческий истеблишмент Мекки (Джахилия его дней).

Насильственный секуляризм Аль-Насера вел Кутб, чтобы поддерживать форму Ислама, искажившую послание Корана и жизни Пророка. Кутб ободрял Мусульман жить по примеру Мухаммеда: отделить себя от остальной части общества (так же как Мухаммед совершил Хиджру из Мекки в Медину), а затем участвовать в насильственном джихаде. Но Мухаммед наконец добился победы с помощью остроумной политики ненасилия; Коран категорически против насилия и принуждения в религиозных вопросах, и его виденье далёко от проповеди исключения и разделения – Коран призывал к терпимости и присоединению. Кутб настаивал, что предписание Корана о терпимости относилось только к тому времени когда произойдёт политическая победа Ислама и будет создано настоящее Мусульманское государство. Новая непримиримость возникла из глубокого страха, который является ядром фундаменталистской религии. Кутб не выжил. При личном настоянии аль-Насера он был казнен в 1966 году.

Каждое Суннитское фундаменталистское движение находится под влиянием Кутба. Это вдохновило Мусульман убить таких лидеров, как Анвар аль-Садат, осудить его как правителя Джахилии из-за его репрессивной политики по отношению к собственному народу. На Талибов, которые пришли к власти в Афганистане в 1994 году, также оказало влияние его идеология. Они полны решимости вернуться к тому, что они видят, как первоначальное виденье Ислама. Улемы являются лидерами правительства; женщины завуалированы и им не разрешается принимать участие в профессиональной жизни. Только религиозные вещания допускаются на телевидении и радио, и вновь были возвращены Исламские наказания такие как побитие камнями и увечья. В некоторых кругах на Западе, Талибов рассматривали, как наиболее типичных Мусульман, но их режим нарушает важные Исламские заповеди. Большинство Талибов (“студентов”

медресе), принадлежат к племени Пуштунов, и они, как правило нацелены на непустунов, которые борются с режимом севера страны. Такой этнический шовинизм был запрещен Пророком и Кораном. Их жестокое обращение с группами меньшинств также противоречит ясным требованиям Корана. Дискриминация женщин Талибами является полностью идущей в разрез с жизнью Пророка и поведением первой уммы. Однако, Талибан, как правило является фундаменталистским в их часто избирательном взгляде на религию (что отражает их недостаточное образование в некоторых медресе Пакистана), которая извращает веру и ведёт её в противоположном направлении от того, что было задумано. Как и все крупные конфессии, Мусульмане-фундаменталисты, в своей борьбе за выживание, делают религию орудием угнетения и даже насилия.

Но большинство Суннитов фундаменталистов не прибегают к такой крайности. Все фундаменталистские движения, которые возникли в период с 1970-х по 1980-х годов пытались изменить мир менее решительно, но всё же указывая пути. После унижающего поражение Арабских армий в Шестидневной войне против Израиля в 1967 году, произошёл поворот к религии по всему Ближнему Востоку. Старые светские политики такие руководители, как аль-Насер, казалось были дискредитированы. Люди чувствовали, что Мусульмане потерпели неудачу, по причине того, что они были не верны своей религии. Они могли видеть, что в то время как секуляризм и демократия были очень эффективны на Западе, они не пользовались успехом среди простых Мусульман, но только элитой в Исламском мире. Фундаментализм может рассматриваться как “пост-современное” движение, которое отвергает некоторые принципы и интересы современности, такие как колониализм. Во всем Исламском мире, студенты и рабочие заводов начали менять своё непосредственное окружение. Они создавали мечети в своих университетах и на заводах, где они могли бы проводить намаз, и построить благосостояние в стиле Банна обществ с Исламской ориентацией, демонстрируя, что Ислам приготовил для людей лучшее, чем светские правительства имели. Когда студенты объявили тенистый участок газона, или даже доску объявления, что они являются Исламской зоной, они чувствовали, что они совершили небольшую, но значимую попытку подвинуть Ислам от нахождения на краю, к которому Ислам был прижат, к светскому обществу, и заново провозгласили часть мира, крошечную часть, принадлежавшей Исламу. Они расширяли границы сакрального также, как и Еврейские фундаменталисты в Израиле, которые установили поселения на оккупированном Западном берегу, осваивая Арабские земли и приводя их под эгиду Иудаизма.

Тот же принцип подчеркивает возвращение к Исламской одежде. Когда это навязано людям против их воли (такими как Талибы) это является принудительным и вероятно, создаёт мощную обратную реакцию группы людей, таких как агрессивно настроенный Шах Реза Пехлеви. Но многие Мусульманские женщины считают, что ношение чадры является символическим возвратом к прошлому колониальному периоду, до того момента, когда их общество было нарушено и отклонилось от своего истинного курса. Тем не менее, они не просто повернули ход часов вспять. Исследования показывают, что большая часть женщин носившие чадры придерживаются прогрессивных взглядов по таким вопросам, как половые различия. Для некоторых женщин, которые приехали из сельских районов для того чтобы поступить в университет и которые являлись первыми членами их безграмотных семей, желающими получить образование, предположение о Мусульманской одежде обеспечивало непрерывность и делало их путешествие к современности менее травматичным, чем оно могло бы быть. Они идут, чтобы присоединиться к современному миру, но на своих собственных условиях и в Исламском контексте, что придаёт этому священный смысл. Вуаль также может быть рассмотрена

как молчаливая критика некоторых из менее положительных аспектов современности. Это бросает вызов странному Западнему принуждению "раскрыть все" в вопросах секса. На Западе люди часто выставляют напоказ свои загорелые, отточенные тела как знак преимущества; они пытаются сопротивляться признакам старения и держаться за эту жизнь. Скрытое Исламское тело заявляет, что оно ориентированно на трансцендентность, и однородность в одежде отменяет классовое различие и подчеркивает важность общества в отличии от Западного индивидуализма. Люди часто использовали религию как способ сделать понятными современные идеи и увлечения. Например, не все Американцы Кальвинисты на момент Американской Революции в 1776 году разделяли или даже понимали светский дух Отцов-Основателей. Они придавали Христианской борьбе окраску, для того чтобы они были в состоянии сражаться параллельно со светским в создании нового мира. Некоторые Суннитские и Шиитские фундаменталисты также используют религию, чтобы сделать иностранный окрас современной культуры более знакомым, придавая ему контекст смысла и духовности, что делает его более доступным. Опять же, они молчаливо утверждают, что возможно быть современным на других культурных элементах, а не на тех которые заложены Западом. Иранскую революцию 1978-79 годов можно рассматривать в данном свете. Во время 1960-х годов Аятолла Хомейни (1902-89) вывел народ Ирана на улицы в знак протеста против жестокой и неконституционной политики Реза- Шах Мухаммеда, которого он отождествил с Язидом, халифом Омейядов, который нёс ответственность за смерть Хусейн в Кербеле, пример несправедливого правителя в Шиитском Исламе. Мусульмане были обязаны бороться с такой тиранией, и масса людей, которые были достаточно равнодушными к призывам социалистической революции, могли бы ответить на призыв Хомейни, который был бы созвучен с их глубокими традициями. Хомейни предоставил Шиитскую альтернативу светскому национализму шаха. Он казалось всё больше и больше походил на одного из имамов: как и все имамы, он был атакован, заключен в тюрьму, и почти убит несправедливым правителем; как некоторые из имамов, он был вынужден покинуть страну и лишён всего того, что принадлежало ему; так же как Али и Хусейн, он смело выступал против несправедливости и заступался за истинные Исламские ценности; как и все имамы, он был известен как практикующий мистик; как в истории с Хусейном, чей сын был убит в Кербеле, сын Хомейни Мустафы был убит агентами шаха.

Когда вспыхнула революция в 1978 году, после выхода в государственной газете клеветнической статьи в отношении Хомейни и шокирующего убийства молодых студентов медресе, которые вышли на улицы в знак протеста, Хомейни, казалось, как Скрытый Имам, управлял издалека (из города Наджаф, его места ссылки). Секуляристы и интеллектуалы были готовы объединиться с улемами, потому что они знали, что только Хомейни мог предоставить поддержку народу. Иранская революция была единственной революцией вдохновлённой идеологией двадцатого века (Российская и Китайские революции черпали свои вдохновения из девятнадцатого века, из идей Карла Маркса). Хомейни развил радикально новое толкование Шиизма: в отсутствие Скрытого Имама, только мистически вдохновлённые юристы, который знали священный закон, могли законно управлять народом. На протяжении веков, Шииты Дванадесятники запрещали священнослужителям заниматься политической деятельностью в правительстве, но революционеры (если не большинство улемов) были готовы, присоединится к теории Велаят-е Факиха (Теория Мусульманского Права). На протяжении революции символизм Кербеле преобладал. Традиционные религиозные обряды, такие как оплакивание усопших и празднования Ашура в честь Хусейна стали демонстрацией протеста против режима. Миф Кербела вдохновлял обычных Шиитов,

давая им силы быть смелыми стоя перед пушкам шаха и умирая тысячами, надевая белый саван мученичества. Было очевидно, что религия оказалась настолько мощной силой, что свергла правление Пехлеви, которое, казалось было наиболее стабильным и мощным на Ближнем Востоке.

Но, как и все фундаменталисты, виденье Хомейни также было искажённым. Захват Американских заложников в Тегеране (и позже, Шиитскими радикалами в Ливане, которые последовали Иранскому примеру) нарушили чёткие заповеди Корана об отношении к заключенным, к которым нужно было относиться с уважением не унижая их достоинства, и освободить, как только это возможно. Тот, кто захватил кого-либо в плен обязан был даже погасить материальный ущерб из его собственных средств. По-настоящему, Коран ясно запрещал захват в плен за исключением войны, что очевидно, исключало захват заложников, когда не проходят военные действия. После революции, Хомейни настаивал на том, что он называл "единство выражения," подавление любого несогласного голоса. Несмотря на то, что право на свободу слова было одной из главных тем революции, Ислам никогда не настаивал на идеологическом послушании, а только на однородности установленного порядка. Применение силы в религиозных вопросах запрещалось Кораном, и было ненавистным Мулле Садре, духовного наставника Хомейни. Когда Хомейни издал фетву против писателя Салмана Рушди 14 февраля 1989 года, за якобы кощунственное изображение Мухаммеда в Сатанинских стихах, он также нарушил право Садры на свободу мысли. Фетва была объявлена не Исламской улемами аль-Азхар и Саудовской Аравии, и была осуждена сорока восьмью из сорока девяти государств-членов Исламской Конференции в следующем месяце.

Но кажется, что Исламская революция, могла бы помочь Иранскому народу прийти к современности на своих собственных условиях. Незадолго до своей смерти Хомейни пытался передать больше власти парламенту, и с его очевидного благословения, Хашеми Рафсанджани, спикер Меджлиса, придал демократическую трактовку Велаята-е Факиху. Нужды современного общества убедили Шиитов в необходимости демократии, но на этот раз она пришла в Исламской упаковке, которая сделала демократию приемлемой для большинства людей. Это казалось подтвердилось 23 мая 1997 года, когда Ходжат ол-Ислам Сейид Хатами был избран на пост президента одержав убедительную победу на выборах. Он сразу же дал понять, что хочет построить более позитивные отношения с Западом, и в сентябре 1998 года он отделил своё правительство от фетвы против Рушди, ход, который позже был одобрен аятоллом Али Хаменеи, Верховным Факихом Ирана. Выборы Хатами зародили сильное желание у значительной части населения в большем плюрализме, в более мягком толковании Исламского закона, в большей демократии и в более прогрессивной политике по отношению к женщинам. Эта битва еще не выиграна. Консервативные священнослужители, которые выступили против Хомейни и по чьему мнению он имел не достаточно времени, все еще были способны блокировать многие реформы Хатами, но борьба по созданию жизнеспособного Исламского государства, истинного духу Корана и всё еще реагирующего на текущие условия, являлась по прежнему основным занятием Иранского народа.

Мусульмане в меньшинстве

Призрак Исламского фундаментализма заставляет содрогаться Западное общество, которое, кажется далеко не так напуганным распространением насильственного фундаментализма других религий. Это, конечно, повлияло на отношение Западных людей к Мусульманам, живущих в их собственных странах. От пяти до шести

миллионов Мусульман проживают в Европе, и примерно семь, восемь миллионов в Соединенных Штатах. На данный момент существует около тысячи мечетей в Германии и около тысячи во Франции, и пятисот в Великобритании. Около половины Мусульман были рождены на Западе сегодня от родителей, которые иммигрировали туда в 1950-х и 1960-х годах. Они отвергли покорное положение своих родителей, стали более образованными и добились большей известности и признания. Иногда их усилия были опрометчивыми, например, как призыв доктора Калима Сиддики к созданию Мусульманского парламента в Великобритании в начале 1990-х годов, проект, который получил очень мало поддержки от большинства Британских Мусульман, но этот проект заставил людей опасаться, потому что они не желали, чтобы Мусульмане интегрировались более тесно в общество. Возникла огромная враждебность по отношению к Мусульманской общине во время кризиса, связанного с Сатанинскими стихами, когда Мусульмане в Брэдфорде публично сожгли книгу. Большинство Британских Мусульман возможно не одобряло романа, но они не имели никакого желания видеть смерть Рушди. Европейцам кажется трудно относиться к их Мусульманским соотечественникам естественным, сбалансированным образом. Турецкие рабочие-мигранты были убиты в расовых волнениях в Германии, девушки, которые предпочитали носить хиджаб в школу получили крайне враждебно освещение во Французской прессе. В Великобритании, часто происходит возмущение, когда Мусульмане просят открыть отдельные школы для своих детей, несмотря на то, что другие люди не встречают такой же реакции высказываясь по поводу отдельных школ для Евреев, Католиков или Квакеров (“Религиозное общество Друзей”). Это рассматривается, как если бы Мусульмане являлись бы пятой колонной, в заговоре с целью подорвать Британское общество.

Ситуация с жизнью Мусульман обстоит лучше в Соединенных Штатах. Мусульманские иммигранты там лучше образованы и являются средним классом. Они работают, как врачи, учителя и инженеры, в то время как в Европе Мусульманская община по прежнему представляет собой преимущественно рабочий класс. Американские Мусульмане считают, что они находятся в Соединенных Штатах благодаря их выбору. Они хотят, стать Американцами, и в земле “плавильного котла” (название берётся из пьесы драматурга Израйля Зангуилла), интеграция скорее возможна, чем в Европе. Некоторые Мусульмане, такие как Малкольм Х (1925-65), харизматичный лидер черной сепаратистской группировки, называемой Нация Ислама, получили широкое уважение во время движения за гражданские права, и стали эмблемой Черной и Мусульманской власти. Однако организация Нация Ислама являлась еретической партией. Основанная в 1930 году Уоллесом Фардом Муххамадом, торговцем из Детройта, и после таинственного исчезновения в 1934 году Фарда, имеющая во главе Илии Мухаммеда (1897-1975) утверждала, что Бог воплотился в Фарда, что белые люди по своей природе зло и что не было никакой жизни после смерти - всё рассматривалось как еретическое с точки зрения Ислама. Нация Ислама требовала отдельного государства для Афроамериканцев в качестве компенсации за годы рабства, и являлась категорически враждебной по отношению к Западу. Однако Малкольм Икс разочаровался в Нации Ислама, после того как он увидел аморальность Илии Мухаммеда, и увёл своих последователей в Суннитский Ислам: два года спустя, он был убит за это отступничество. Но Нация Ислама по-прежнему получает гораздо больше освещения в СМИ, чем гораздо большая, по размерам, Миссия Американских Мусульман, основанная Малкольмом Иксом, которая в настоящее время является полностью православной, посылает своих членов учиться в Аль-Азхару и исследует возможность работать совместно с Белыми Американцами для построения более справедливого общества.

Странная и отталкивающая позиция Нации Ислама может показаться более подходящей для Западного стереотипа Ислама как нетерпимой и фанатичной веры.

В Индии, тех Мусульман, которые не эмигрировали в Пакистан в 1947 году и их потомков в настоящее время насчитывается 115 млн. Но, несмотря на их большое количество, многие чувствуют себя еще более осажденными и находящимися под угрозой исчезновения, чем их братья и сестры на Западе. Индусов и Мусульман Индии все еще преследует трагическое насилие, связанное с разделом субконтинента в 1947 году, и хотя многие Индуисты встали на защиту прав Мусульман в Индии, Мусульмане, как правило, получают негативные отзывы в прессе. Их обвиняются в менталитете гетто, в лояльности к Пакистану или Кашмиру; их обвиняют за то, что слишком много отсталых детей. Индийские Мусульмане выживают из сел, не могут легко найти хорошую работу и им часто отказывают в приличном жилье. Единственными признаками славных Моголов прошлого являются великие здания: Тадж-Махал, Красный Форт и мечеть Джани, которые также становятся объединяющим фактором для Индуистской фундаменталистской группы, Бхаратия Джаната Парти (БДП), которая утверждает, что они в действительность были построены Индусами, что Мусульмане разрушили храмы Индии и возвели мечети на их месте. Главной мишенью БДП была Мечеть Бабура, основателя династии Великих Моголов, в Айодхьи, которую БДП демонтировала за десять часов в декабре 1992 года, в то время как пресса и армия стояли неподалёку и смотрели. Это произвело неизгладимое впечатление на Мусульман Индии. Они опасались, что это символическое разрушение было только началом дальнейших неприятностей, и что в ближайшее время они и их память будут стерты из Индии. Этот страх уничтожения находился в основе их яростной оппозиции Сатанинским стихам, которые, как казалось представляют собой ещё одну угрозу для веры. Тем не менее, общность и нетерпимость направлены против наиболее толерантных и цивилизованных традиций Индийской Ислама. Тем не менее, опять же, страх и угнетение исказили веру.

Путь вперед

Накануне второго Христианского тысячелетия, крестоносцы уничтожили около тридцати тысяч Евреев и Мусульман в Иерусалиме, превращая процветающий святой Исламский город в вонючий склеп. По крайней мере, на протяжении пяти месяцев долины и рвы вокруг города были заполнены гниющими трупами, которых было слишком много для небольшого числа Крестоносцев, которые остались после этого похода, чтобы убрать, и вонь висела над Иерусалимом, где три религии Авраама были в состоянии сосуществовать в относительной гармонии под Исламским правлением в течение почти пятиста лет. Это был первое знакомство Мусульман с Христианским Западом, который вытаскивал себя из темных веков, которые спустились после распада Римской империи в пятом веке, и с боями выходил обратно на международную арену. Мусульмане страдали от Крестоносцев, но были не долго стеснены их присутствием. В 1187 Саладин смог вернуть Иерусалим Исламу и хотя Крестоносцы находились на Ближнем Востоке в течении следующего века, они представляют собой незначительно мелькнувший эпизод в долгой истории Ислама того региона. Большинство жителей Исламского мира не было затронуто Крестовыми походами и оставались заинтересованными в Западной Европе, которая, несмотря на драматический культурный прогресс в период крестовых походов, по-прежнему отставала от Мусульманского мира.

Однако, Европейцы не забыли Крестовые походы, они не могли игнорировать Дар аль-Ислам, который по мере того как годы шли, казалось правит всем земным шаром. Со

времен Крестовых походов, люди Западного Христианского мира развили стереотипный и искаженный образ Ислама, который они считали врагом приличной цивилизации. Предубеждение переплелось с Европейскими фантазиями относительно Евреев, которые также являлись жертвами Крестоносцев, и часто отражалось в затаённом беспокойстве относительно поведении Христиан. Например, во время Крестовых походов, именно Христиане были теми, кто спровоцировали серию жестоких священных войн против Мусульманского мира, потому что Ислам был описан учеными монахами Европы как по своей сути, являющийся жестокой и нетерпимой верой, которая могла быть утверждена только мечом. Миф о предполагаемой фанатичной нетерпимости Ислама стал одним из адаптированных идей Запада.

Однако, по ходу времени, когда тысячелетие подошло к завершению, некоторые Мусульмане, казалось, жили на основе этого Западного восприятия, и впервые сделали религиозное насилие в качестве основного Исламского долга. Такие фундаменталисты часто называют Западный колониализм и пост-колониальный Западный империализм аль-Салибия: Крестовый поход. Колониальный крестовый поход был менее жестоким, но его влияние было более разрушительным, чем средневековые священные войны. Сильный Мусульманский мир был уменьшен до зависимого блока, и Мусульманское общество было серьезно смещено в ходе ускоренной программы модернизации. Во всем мире, как мы видели, люди во всех крупных конфессиях попали под воздействие Западной современности, и это привело к готовности сражаться и часто к религиозной нетерпимости, которую мы называем фундаментализмом. Фундаменталисты противостоят им, прилагая усилия чтобы исправить то, что они видят, как разрушающее воздействие современной светской культуры, и в процессе этого они отходят от основных ценностей сострадания, справедливости и доброжелательности, которые характеризуют все мировые религии, в том числе и Ислам. Религией, как и любым другим видом человеческой деятельностью, часто злоупотребляют, но религия лучше любой другой деятельности помогает людям развивать чувство священной неприкосновенности каждого человека и таким образом смягчает убийственное насилие, к которому человеческий вид трагически склонен. Религия совершала зверства в прошлом, но секуляризм за свою короткую историю доказал, что он может быть так же насильственным. Как мы видели, светская агрессия и преследование часто приводили к увеличению религиозной нетерпимости и ненависти.

Это стало трагически очевидным в Алжире в 1992 году. Во время религиозного возрождения в 1970-х годах, Исламский Фронт Спасения (ИФС) бросил вызов гегемонии светской националистической партии, Фронту Национального Освобождения (ФНО), что привело к революции против Французского колониального господства в 1954 году, и создало социалистическое правительство в стране в 1962 году.

Алжирская революция против Франции стала источником вдохновения для Арабов и Мусульман, которые также боролись за независимость от Европы. ФНО был похож на другие светские и социалистические правительства на Ближнем Востоке того времени, ФНО отводил Исламу негосударственную сферу деятельности, по Западному примеру. Однако ближе к 1970 году, люди по всему Мусульманскому миру стали недовольны такой светской идеологией, которая не давала того, что обещала. Аббас Мадани, один из членов-учредителей ИФС, хотел создать Исламскую политическую идеологию в современном мире; Али ибн Хадж, имам мечети в бедном районе Алжира, руководил более радикальным крылом ИФС. Медленно, ИФС начал строить свои мечети, без получения разрешения от правительства; он укоренился в Мусульманской общине во Франции, где рабочие требовали мест для молитв на заводах и офисах, навлекая на себя

гнев правой партии во главе с Жан-Мари Ле Пенем.

К 1980 году Алжир оказался в тисках экономического кризиса. ФНО поставил страну на путь ведущий к демократии и государственности, но с годами ФНО стал коррумпированным. Старый авангард неохотно пытался провести более демократические реформы. В Алжире произошёл демографический взрыв; большинству из тридцати миллионов жителей были под тридцать, многие были безработными, и существовала острая нехватка жилья. Начали происходить восстания. Разочарованные застоём и неспособностью ФНО, молодёжь хотела чего-то нового и повернулась в сторону Исламских партий. В июне 1990 года ИФС одержал крупные победы на местных выборах, особенно в городских районах. Активисты ИФС были в основном молодыми, идеалистическими и хорошо образованными; они были известны как честные и эффективные в правительстве, хотя они были категоричны и консервативны в некоторых областях, таких как упорство в традиционной Исламской одежде для женщин. Но ИФС не являлся анти-Западным. Лидеры говорили о поощрении связей с Европейским Союзом и внедрении новых Западных инвестиций. После побед на выборах на местном уровне, они казалось наверняка преуспеют в парламентских выборах, которые были запланированы на 1992 год.

Однако было в Алжире не Исламское правительство. Военные устроили переворот, свергли либерального президента ФНО Бенджетита (который обещал демократические реформы), подавили ИФС, и бросили его лидеров в тюрьму. Если бы выборы были остановлены таким жестоким и неконституционным методом в Иране и Пакистане, сразу последовал бы протест со стороны Запада. Такой переворот рассматривался бы как пример якобы свойственного Исламу неприятия демократии, и его несовместимости с современным миром. Но так как это произошло с Исламским правительством, которое было свергнуто во время переворота, в Западной прессе было ликование. Алжир был спасен от Исламской угрозы; бары, казино и дискотеки Алжира были сохранены; и каким-то таинственным образом, это недемократичное действие сделало Алжир безопасным для демократии. Французское правительство оказало свою поддержку новому жесткому президенту ФНО Лиамину Зеруаль и укрепило его решимость не проводить никаких дальнейших диалогов с ИФС. Не удивительно, что Мусульманский мир был в шоке от этой новой демонстрации Западных двойных стандартов.

Результат был трагически предсказуем. Оставленные вне процессов формирования законодательства, возмущенные и жаждущие справедливости, более радикальные члены ИФС вышли, чтобы сформировать партизанскую организацию, Вооруженная Исламская группа (ВИГ) и начали кампанию террора в горных районах к югу от Алжира. Начались погромы, в которых было убито население целых деревень. Журналисты и представители интеллигенции, светские и религиозные, также являлись мишенью. Было принято считать, что Исламисты полностью несут ответственность за эти зверства, но постепенно появились вопросы, которые указывали на то, что некоторые военные из Алжирской армии не только молча соглашались, но и принимали участие в убийстве дабы дискредитировать ВИГ. Ситуация оказалась в тупике. И ФНО, и ФИС были раздираемы внутренней враждой между прагматиками, которые хотели решений, и сторонниками жесткой линии, которые отказывались договариваться. Жестокость переворота, который был совершён для того чтобы остановить выборы, привела к откровенной войне между религиозным и светским. В январе 1995 года Римско-Католическая церковь хотела помочь провести встречу в Риме, дабы посадить за стол переговоров две стороны, но правительство Зеруалья отказалось принять участие.

Золотая возможность была утеряна. Был ещё больше Исламского террора и конституционный референдум запретил все религиозные политические партии.

Трагический случай Алжира не должен стать парадигмой на будущее. Подавление и принуждение помогли подтолкнуть недовольное Мусульманское меньшинство к насилию, что оскорбляет каждый центральный принцип Ислама. Агрессивный секуляризм привел к религиозности, которая была пародией истинной веры. Инцидент ещё больше запятнал понятие демократии, которую Запад так стремится продвигать, но которая, как оказалось имела ограничения в том случае, если демократический процесс мог привести к созданию избранного Исламского правительства. Народ Европы и США показали, что являются несведущими о различных партиях и группах внутри Исламского мира. Умеренный ФИС был приравнен к самым жестоким фундаменталистским группам и был ассоциирован в Западном сознании с насилием, беззаконием и антидемократическим поведением, что было показано секуляристами в ФНО.

Но вне зависимости нравится ли Западу или нет, первоначальный успех ФИСа на местных выборах показал, что люди хотели некую форму Исламского правления. Это передало четкое послание в Египет, Марокко и Тунис, где светским правительствам уже давно было известно о растущей религиозности в своих странах. В середине двадцатого века, секуляризм был доминирующим, и Ислам считалось был безнадежен. Теперь любой светской власти на Ближнем Востоке было некомфортно понимать, что если бы действительно прошли демократические выборы, то Исламское правительства вполне могло прийти к власти. Например, в Египте, Ислам также популярен, как Нассеризм в 1950-х годах. Исламская одежда носится повсеместно и так как правительство Мубарака светское, ношение этой одежды является добровольным. Даже в светской Турции, недавние опросы показали, что около 70 процентов населения провозглашали себя религиозными, и что 20 процентов молятся пять раз в день. Люди присоединяются к Братьям-Мусульманам в Иордании, и Палестинцы ищут Муджамы, в то время как ООП, которая в 1960-е годы была активной, в настоящее время выглядит громоздкой, коррумпированной и устаревшей. В республиках Центральной Азии, Мусульмане вновь открывают для себя свою религию после десятилетий Советского гнета. Люди попробовали светскую идеологию, которая показала себя как успешная в Западных странах, находясь на родной земле. Все больше и больше Мусульман хотят, чтобы их правительства больше соответствовали Исламским нормам.

Какую форму это примет еще не ясно. В Египте, кажется, что большинство Мусульман хотели бы видеть Шариат в качестве закона, в то время как в Турции только 3 процента хотят этого. Однако даже в Египте некоторые из улемов опасаются проблем трансформации Шариата, аграрного свода законов, что сильно отличается от условий современности и это может быть крайностью. Уже в 1930-е годы Рашиду Рида было известно об этом. Но это не означает, что такого не может произойти.

Это не правда, что Мусульмане сейчас одинаково наполнены ненавистью к Западу. На ранних стадиях модернизации, многие ведущие мыслители увлечены были Европейской культурой, и к концу XX века снова некоторые из самых выдающихся и влиятельных Мусульманских мыслителей тянулись в сторону Запада. Президент Ирана, Хатами, является одним из таких примеров этой тенденции. Также Иранский интеллектуал Абдолкарим Соруш, который занимал важные посты в правительстве Хомейни и хотя он часто был подстрекаем более консервативными муджтахидами, оказывал сильное влияние на тех, кто был у власти. Соруш восхищался Хомейни, но продвинулся дальше

него. Он утверждает, что Иранцы сейчас обладают тремя идентичностями: до-Исламская, Исламская и Западная, которые они должны попытаться примирить. Соруш отвергает секуляризм Запада, и считает, что люди всегда нуждаются в духовности, но советует Иранцам изучать современные науки, в то же самое время придерживаясь Шиитских традиций. Ислам должен развивать свой фикх, таким образом, чтобы вместить современный индустриальный мир, и развивать философию гражданских прав и экономическую теорию, способную удерживать его в двадцать первом веке.

Суннитские мыслители пришли к аналогичным выводам. Рашид аль-Ганнуши, лидер партии возрождения находящейся в изгнании в Тунисе верит, что Западная враждебность к Исламу проистекает из невежества, Она также вытекает из неудачного опыта Христианства, который задушил мысли и творчество. Он описывает себя как «демократический Исламист» и не видит никакой несовместимости между Исламом и демократией, но он отвергает секуляризм Запада, потому что человек не может быть настолько разделен и разбитым на куски. Мусульманский идеал таухида отвергает дуализм тела и духа, интеллекта и духовности, мужчин и женщин, морали и экономики, Востока и Запада. Мусульмане хотят современности, но не той, которая была наложена на них Америкой, Британией или Францией. Мусульмане восторгаются эффективностью и красивыми технологиями Запада; они очарованы тем как режим может быть изменен на Западе без кровопролития. Но когда Мусульмане смотрят на Западное общество, они не видят ни света, ни сердца, ни духовности. Они хотят держаться за свои собственные религиозные и нравственные традиции, и в то же самое время попытаться внедрить некоторые из лучших аспектов Западной цивилизации. Юсеф Абдалла аль-Кардави, выпускник Аль-Азхара, Мусульманский Брат, который в настоящее время является директором Центра Сунны и Сира в университете Катара, имеет аналогичную точку зрения. Он верит в современность, в умеренных количествах, и убежден, что нетерпимость, которая недавно появилась в Мусульманском мире будет обеднять людей, лишая их способности проникновения в суть и понимание других людей. Пророк Мухаммед сказал, что он пришел, чтобы принести "Средний Путь" религиозной жизни, который избегает крайностей, и Кардави считает, что нынешний экстремизм в некоторых кругах Мусульманского мира, чужд Мусульманскому духу и долго не продлится. Ислам является религией мира, как Пророк показал, когда он сделал непопулярным договор с Курайшитами в Худайбии, поступок который Коран называет "великой победой". Он настаивает, что Западу нужно научиться признавать право Мусульман жить на основе своей религии и если они захотят, включать Исламский идеал в их правление. Они должны понимать, что существует не только один способ жизни. Разнообразие приносит пользу всему миру. Бог дал людям право и возможность выбора, и некоторые могут выбрать религиозный образ жизни - включая Исламское государство - в то время как другие предпочитают светский идеал.

“Лучше для Запада, чтобы Мусульмане были религиозными” утверждает Кардави, “держась своей религии, и стараясь быть моральными”. Он поднимает важный вопрос. Многие Западные люди также чувствуют себя неудобно по поводу отсутствия духовности в их жизни. Это не значит, что они обязательно хотели бы вернуться к религиозному образу жизни до-модернистского периода или условно институциональной вере. Но есть растущее понимание того, что в самом лучшем, религия помогла людям развить достойные ценности. Ислам сохранял на протяжении веков понятия социальной справедливости, равенства, толерантности и сострадания практически в авангарде Мусульманской совести. Мусульмане не всегда жили в соответствии с этими идеалами и часто затруднялись воплощать их в социальных и

политических учреждениях. Но борьба за стремление к этому велась на протяжении веков движущей силой Исламской духовности. Западные люди должны осознать, что это в их интересах чтобы Ислам оставался здоровым и сильным. Запад не всегда был ответственным за крайние формы Ислама, которые несли насилие, что нарушает самые священные каноны религии. Но Запад, несомненно, способствовал этому развитию, и чтобы успокоить страх и отчаяние, которые лежат в основе всех фундаменталистических взглядов, нужно культивировать более точную оценку Ислама в третьем Христианском тысячелетии.

Эпилог

11 сентября 2001 года, девятнадцать Мусульманских экстремистов захватили четыре пассажирских самолета, направив два из них в Центр Международной Торговли в Нью-Йорке и один в Пентагон в Вашингтоне, округ Колумбия, убив более трех тысяч человек. Четвертый самолет разбился в штате Пенсильвания. Захватчики были учениками Усамы бен Ладена, чья воинствующая разновидность Ислама находилась глубоко под влиянием Сайид Кутба.

Жестокость этого нападения против Соединенных Штатов перевела фундаменталистскую войну против современности в новую фазу. Когда эта книга была впервые опубликована в 2000 году, я предсказывал, что если Мусульмане будут продолжать чувствовать, что их религия находится под атакой, фундаменталистское насилие скорее всего станет более экстремальным и примет новые формы. Некоторые из угонщиков посещали ночные клубы и пили алкоголь, что запрещено в Исламе, перед посадкой в обречённые самолёты. Они весьма отличались от обычных Мусульманских фундаменталистов, которые живут строго ортодоксальной жизнью и относятся к ночным клубам как к символам джахилии, что является навсегда и во все времена врагом истинной веры.

Подавляющее большинство Мусульман в ужасе отпрянули от этого апокалиптического Сентября, и отметили, что такие зверства нарушают самые священные принципы Ислама. Коран осуждает любую агрессивную войну и учит, что единственной оправданной войной является война при защите. Но Усама бен Ладен и его ученики утверждали, что Мусульмане находились под угрозой. Он указывал на присутствие Американских войск на священной земле Аравии; на продолжение бомбардировок Ирака Американскими и Британскими истребителями; на введённые Американским руководством санкции против Ирака, в результате которых тысячи мирных жителей и детей умерли; на гибель сотен Палестинцев от рук Израиля, главного союзника США на Ближнем Востоке; и на поддержку, которую Соединенные Штаты оказывают правительствам, которые бен Ладен считает коррумпированными и репрессивными, такие как королевская семья Саудовской Аравии. Как бы мы не рассматривали Американскую внешнюю политику, ничего из перечисленного не может оправдать такую смертоносную атаку, которая не имеет одобрений ни в Коране, ни в Шариате. Исламский закон запрещает Мусульманам объявлять войну стране, в которой Мусульманам разрешено свободно исповедовать свою религию, и также строго запрещает убийство невинных гражданских лиц. Страх и ярость, которые лежат в основе всех фундаменталистских взглядов почти всегда, как правило, искажают традиции которые фундаменталисты пытаются защитить, и это никогда не являлось более очевидным, чем 11 сентября. Там произошёл редкий случай грубейшего и злого надругательства над религией.

Сразу же после нападения пошла реакция против Мусульман в Западных странах. На Мусульман нападали на улице и людям Восточного происхождения было запрещено подыматься на борт самолетов; женщины боялись покидать свои дома в хиджабах, и граффити появились на общественных зданиях, призывающие "пустынные черномазые отправляйтесь домой". Было принято считать, что что-то в религии Ислама двигает Мусульман к жестокости и насилию, и СМИ слишком часто использовали это предположение. Признавая опасность такого подхода, президент Джордж Буш, быстро заявил, что Ислам был великой и мирной религией, и, что бен Ладена и угонщиков не следует рассматривать как типичных представителей веры. Он был достаточно осторожен, находясь рядом с Мусульманами во время церемонии траура в Вашингтоне в Национальном Соборе, также он посетил мечети, чтобы показать свою поддержку Американских Мусульман. Это было совершенно новым и чрезвычайно отрадным событием. Ничего подобного не случалось во время кризиса Салмана Рушди или во время кампании против Саддама Хусейна, Буре в Пустыне. Было также приятно видеть Американцев, выходящих из книжных магазинов, читая всё то, что могли найти об Исламе, и изо всех сил пытаясь понять Мусульманскую веру, даже если они были в ужасе от этой террористической атаки.

Никогда не являлось более важным для Западных людей найти справедливую оценку и понимание Ислама. 11 сентября мир изменился. Теперь, мы понимаем, что мы, живя в привилегированных Западных странах больше не можем предполагать, что события в остальной части мира не касаются нас. То, что происходит в Газе, Ираке или Афганистане сегодня, вероятно, может иметь последствия в Нью-Йорке, Вашингтоне, или Лондоне завтра, и небольшие группы скоро будут способны совершать акты массового уничтожения, которые ранее были по силам только мощным национальным государствам. В кампании против террора, к которому Соединенные Штаты в настоящее время приступили, грамотная разведка и точная информация являются жизненно важными. Развитие искаженного образа Ислама, рассматривание его в качестве врага демократии и приличных ценностей, и возвращение к фанатичным взглядам средневековых Крестоносцев будет катастрофой. Такой подход не только будет идти против 1,2 млрд Мусульман, с которыми мы живёт на одном земной шаре, но он также будет нарушать бескорыстную любовь к истине и уважению священных прав других людей, которыми характеризуются как Ислам, так и Западное общество в своих лучших проявлениях.